

Общероссийская ассоциация
общественных объединений
«ДИАЛЕКТИКА И КУЛЬТУРА»

Э. Ильенков и социализм

(сборник научных статей
по материалам Ильенковских Чтений - 2001)

Москва – 2002

Э. Ильенков и социализм. Сборник научных статей по материалам Ильенковских Чтений - 2001. Под редакцией проф. С.Н. Мареева. М., 2002

УДК (331.107)

ББК [(65.050.2 + 66.72(2))]

Сборник научных статей «Э. Ильенков и социализм» посвящен выдающемуся советскому философу Э.В. Ильенкову (1924-1979). В нем представлена первая попытка осмыслить его взгляд на социализм в рамках российской и всемирной истории. Для советских времен это было отнюдь не официальное и догматическое, хотя и, безусловно, марксистское понимание этого явления. Авторы попытались показать, что методология анализа истории, и социализма в частности, которая содержится в работах Э.В. Ильенкова, позволяет лучше понять не только прошлое, но и настоящее, т.е. те процессы, которые проявили себя уже после его смерти. Соответственно, сборник поделен на два раздела, в одном из которых обсуждаются собственно методологические вопросы, а в другом сделана попытка применить эту методологию к сегодняшним проблемам. Не все участники сборника в равной мере разделяют взгляды Ильенкова. Авторы полагают, что представленные в сборнике материалы — это повод для продолжения дискуссии по данной проблеме.

В сборнике также представлен фрагмент из ранее не публиковавшейся на русском языке работы Г. Лукача «История и классовое сознание».

ISBN 5-7042-1086-4 © Авторский коллектив, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (С. Мареев)	4
Раздел первый. Социализм и методология его исследования	
С. Мареев. Историзм и социологизм в общественной науке	7
А. Бузгалин. Из царства необходимости в царство свободы: творческий марксизм Э.В. Ильенкова и вызовы социализму в условиях «постиндустриального общества»	21
Г. Солодков. Кризисный и стабилизационный тип теоретического сознания: версия Ю.Н. Давыдова.....	55
А. Майданский. Практическая истина коммунистических утопий.....	70
В. Лазуткин. Социализм как присвоение культуры	87
С. Никишин. Отчуждение и революционность в современном мире (по материалам статей Э.В. Ильенкова).....	103
В. Пшеников-мл. Творчество и пути преодоления отчуждения	114
Раздел второй. Социализм и современная Россия	
С. Мареев. Социализм как «действительное движение»	124
А. Сорокин. Какой социализм нужен России в XXI веке?	140
Н. Попадюк. Э.В. Ильенков и проблемы преодоления формальной плановости	152
В. Пшеников-ст. Многоукладность и современный социализм	185
В. Арсланов. Спор Ленина с Плехановым по аграрному вопросу в 1905 году и проблемы современной культуры.....	196
Г. Солодков. Россия и миграция	214
В. Королев. Э. Ильенков: социальная сущность человека и перспективы социализма	228
Приложение	
Г. Лукач. Роза Люксембург как марксист (перевод и предисловие В. Пшеникова-мл.)	238

ПРЕДИСЛОВИЕ

Точно ли я сумасшедший, покажет недолгое время,
Выступит правда на свет, сколько ее не таи.
Солон

К настоящему моменту появилось уже несколько книг, не считая многочисленных статей, посвященных творчеству известного советского философа *Эвальда Васильевича Ильенкова (1924-1979)*. Первая книга о нем, так уж получилось, вышла на английском языке. Ее автор Дэвид Бэкхерст (David Bakhurst), а название этой книги «Сознание и революция в советской философии. От большевиков до Эвальда Ильенкова» («Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy. From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov»). Она вышла в 1991 году в издательстве Кембриджского университета в серии «Современная европейская философия». Книга интересна уже тем, что автор пытается найти место Ильенкова в истории советской философии, и общая канва намечена автором правильно. И все же основных идей самого Ильенкова автор книги не «понимает». И не «понимает», как мне кажется, потому, что в собственных методологических принципах он по большому счету позитивист.

Вторая книга об Ильенкове принадлежит автору этих строк. Она называется «Встреча с философом Э. Ильенковым». Вторым изданием эта книга вышла в 1997 году в издательстве «Эребус» в Москве. В том же году вышла книга-диалог «Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков», подготовленная Институтом философии РАН. Затем в 1999 году появилось коллективное издание «Э.В. Ильенков: личность и творчество», подготовленное тем же Институтом философии РАН и опубликованное издательством «Языки русской культуры». И, наконец, последняя книга «Evald Ilyenkov's Philosophy Revisited» вышла в Хельсинки в 2000 году по итогам международного симпозиума «Э. Ильенков и современная философия».

Здесь, к сожалению, нет возможности углубляться в анализ этих изданий. Но чисто внешним образом можно заметить, что взглядам Ильенкова на социализм особое место уделено только во «Встрече с философом Э. Ильенковым». И в этом нашла отражение существенная разница в подходах. Во всяком случае нельзя не отметить давно наметившуюся (и в определенном смысле неизбежную) тенденцию задуть Ильенкова в либеральных объятиях. Эта тенденция совершенно наивным образом проявилась, например, в предисловии к книге «Э.В. Ильенков: личность и творчество», написанном В.А. Лекторским, где в частности сказано следующее: «Сейчас, когда мы прочитали Поппера, а некоторые даже ознакомились с поздним Витгенштейном,

мысль о том, что содержание идей не обязательно искать в недрах индивидуального сознания или под черепной коробкой, уже не воспринимается как что-то кощунственное»¹.

Оказывается, что даже творчество Ильенкова можно освятить только авторитетом Поппера. Но понимать Ильенкова через Поппера — это совершенно безнадежное дело, потому что все-таки анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны, а не наоборот. И надо уж совершенно откровенно обманывать себя и публику, делая вид, что Ильенков никогда не был противником позитивизма. Как раз с этим связан тот факт, что хуже всего из всего творчества Ильенкова дело обстоит с самой последней его работой «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» (М., 1980). Она или замалчивается, или списывается на конъюнктуру.

Изображать Ильенкова конъюнктурщиком и приспособленцем, значит, опять-таки, мягко говоря, говорить неправду. Причем таким образом пытаются изобразить дело люди, которые гораздо более успешно, чем Ильенков, уживались с «режимом». Но действительная подоплека всей этой некрасивой истории заключается именно в том, что книга Ильенкова про Ленина целиком и полностью была задумана как отповедь позитивизму. Причем это была отповедь не только позитивизму Богданова, но и нашему советскому позитивизму. Именно в связи с последним обстоятельством книга была урезана примерно на два листа как раз в той части, где речь шла о советских позитивистах. Но если Ильенков — приспособленец, то зачем ему надо было идти на заведомый конфликт с философскую власть предрежущими?

Кстати, в книге, о которой идет речь, Ильенков критикует богдановское, то есть позитивистское, понимание социализма, которое А. Богданов изобразил в виде марсианской цивилизации в фантастических романах «Красная звезда» и «Инженер Мэнни». В общем, об этой фантастике Богданова можно сказать только одно — это не «Аэлита» Алексея Толстого. И относительно его социализма можно сказать то, что Герцен в свое время сказал о социализме Прудона: «Чувство изгнано, все замерло, цвета исчезли, остался утомительный, тупой, безвыходный труд современного пролетария, — труд, от которого, по крайней мере, была свободна аристократическая семья Древнего Рима, основанная на рабстве; нет больше ни поэзии церкви, ни бреда веры, ни упования рая, даже и стихов к тем порам «не будут больше писать», по уверению Прудона, зато работа будет «увеличиваться»².

¹ Э.В. Ильенков: личность и творчество. М., 1999. С. 10.

² Герцен А.И. Былое и думы. М., 1988, с. 588-589.

Ильенков был против такого прозаического мещанского социализма. Для него социализм — это общество умных людей, овладевших всеми достижениями человеческой культуры, а не особой «пролетарской культурой», которую хотел создать в России Богданов, сбросив с парохода истории Рафаэля, Пушкина и др.

Настоящее издание подготовлено по материалам работы секции «Э. Ильенков и социализм» Ильенковских чтений, прошедших 16 – 17 февраля 2001 года. Но это не просто протокол заседания. Это самостоятельная литературная работа.

* * *

Авторский коллектив благодарит Е.В. Марееву за помощь в подготовке сборника к печати.

Раздел первый. СОЦИАЛИЗМ И МЕТОДОЛОГИЯ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Н. Мареев

Историзм и социологизм в общественной науке

И. Валлерстайн заявил о том, что в XXI век мы войдем без социологии. «Либо будет воссоздана единая, не поделенная на отдельные дисциплины социально-историческая наука, рассматривающая человечество в перспективе эволюции исторических систем, — писал он, — либо нас заслуженно разгонят за увлечение схоластикой»¹. И действительно уже в XX веке на смену теории Парсонса, которая задала «парадигму» для всей американской социологии, в той же Америке пришла *феноменологическая социология*. Феноменология и в данном случае оказалась реакцией на позитивизм, который уже изжил себя во всех отношениях. Что касается таких теорий как теория постиндустриального общества, технотронного общества, «третьей волны» и т.п., которые тоже называют «социологическими», то так их называют в силу инерции считать всякую общественную науку «социологией». По сути же это не что иное, как *исторические*, или *философско-исторические* теории. И появление их на свет связано как раз с тем, что чисто социологический взгляд на вещи никак не вяжется с масштабными изменениями в том «гражданском обществе», которое была призвана обслуживать социология. Причем мы в данном случае оказываемся, как всегда, позади планеты всей, отказываясь от историзма в пользу социологизма. Ведь как раз с его помощью теперь хотят достичь «стабилизации» нашего многострадального общества.

Два типа социального мышления, *кризисный и стабилизационный*, выделяет в своей статье в журнале «Социологические исследования» известный советский социолог Ю.Н. Давыдов.² Социологом мы здесь называем Давыдова с полным основанием, поскольку стабилизационный тип сознания он связывает как раз с социологией О. Конта. Этой социологии, по утверждению Давыдова, «предстояло сыграть решающую роль в преодолении кризисного состояния, утвердив органические начала стабилизационного сознания с его пафосом социального порядка и согласия (консенсуса)»³.

¹ Свободная мысль. 1996, № 5, с. 30.

² См.: Социологические исследования. 1995, № 8, с. 53-59.

³ Там же, с. 56.

Серьезная критика этой статьи содержится в только что вышедшей книге Г.П. Солодкова «Позитивизм и диалектика у входа в XXI в.» (Ростов-на-Дону, 2000). Здесь не хотелось бы повторять мысль автора насчет измены идеалам молодости и т.п. Кроме того, если верить известному тележурналисту Е. Киселеву, не меняют своих взглядов только неразвитые люди. Однако, когда человек меняет свои взгляды синхронно колебаниям социальной и политической конъюнктуры, то это свидетельствует не только о чрезмерной интеллектуальной развитости.

Зато стоит напомнить, что позитивистская социология Конта была не чем иным, как реакцией на Великую французскую революцию. И она была действительно стабилизационной общественно-политической теорией, которая допускала социальные изменения только по воле начальства. Именно к начальству апеллировал всю жизнь Огюст Конт, обращаясь не только к французскому правительству, но также к Николаю I Палкину, а потом и к султану турецкому. Вот что он писал Николаю в далекую Московию. «Государь, философ, неизменно придерживающийся своих республиканских убеждений, посылает одному из неограниченнейших в настоящее время правителей систематическое изложение плана человеческого возрождения, как социального, так и умственного. Но такое обращение нетрудно понять, если принять во внимание некоторые особенные обстоятельства. Именно, этот философ, начиная с первых решительных шагов, с 1822 года, постоянно боролся против верховенства народа и равенства, боролся, во имя прогресса, более решительно, чем любая ретроградная школа. С другой стороны, этот самодержец, со времени восшествия на престол в 1825 году, никогда не переставал стоять во главе гуманного движения в своих обширных владениях, предохраняя их с мудрой твердостью от западноевропейских волнений»¹.

«Республиканец» Конт обращается к царю, который своих республиканцев законопатил в Сибирь, а пятерых из них повесил, и сделал Россию жандармом Европы. Но это Конта несколько не смущает, что, кстати, типично для всех позитивистов. Далее Конт хвалит русское правительство за то, что оно не допускает свободного обращения заграничных книг, проникнутых анархическим духом. Всякого же рода академические труды он предлагает просто уничтожить как «пустые и даже вредные».

Не дождавшись никакого ответа от русского царя, — и последнего можно понять, — Конт пишет письмо турецкому султану Решид-паше, где доказывает возможность прямого перехода от ислама к позитивиз-

¹ Цитируется по: Яковенко В.И. Огюст Конт // Жизнь замечательных людей. СПб., 1998, с. 444-445.

му. Результат был тот же самый. Тогда Конт снова обращает свой взор на Запад и пытается завязать сношения с иезуитами. Если бы Конт жил в наше время, он, наверное, обратился бы к Пиночету, которым восхищаются некоторые наши либералы.

Нет, это не либералы придумали элитарную «демократию», когда народу позволяется раз в несколько лет голосовать и выбирать того или другого представителя «властвующей элиты». Как мы видим, это придумал уже Конт. В силу своей сложной природы, утверждал он, социальные вопросы должны решаться «небольшой группой интеллектуальной элиты»¹.

Таков «республиканец» Огюст Конт с его «стабилизационным» мышлением. Назначение своей «позитивной философии» он видит в том, чтобы «самопроизвольно создавать между индивидуумом и духовной общностью целого рода логическую гармонию взамен тех бесконечных сомнений и мышления»². Иначе говоря, задача этой философии — отнять у человека мышление и сознание, чтобы избавить его от всех волнений и сомнений. И этому «хорошему» Огюсту Конту Давыдов противопоставляет действительного демократа, который впервые выдвинул и обосновал идею суверенитета народа. Речь идет о Жан-Жаке Руссо, который у Давыдова является обладателем «кризисного» мышления, подобно другим возмутителям спокойствия, вроде Иоганна Готлиба Фихте и Карла Маркса.

Относительно последнего следует внести ясность, потому что иногда его пытаются породнить с Контом. Вот что писал Маркс Энгельсу 7 июля 1866 года: «Я штудирую теперь, кроме всего прочего, Конта, потому что англичане и французы так много кричат об этом субъекте. Их подкупает в нем энциклопедичность, синтез. Но по сравнению с Гегелем это нечто жалкое (хотя Конт превосходит его как специалист в области математики и физики, то есть превосходит в деталях, ибо в целом Гегель бесконечно выше даже и здесь). И этот дрянной позитивизм появился в 1832 году!»³

А вот писал Энгельс Фердинанду Тённису 24 января 1895 года: «Все свои основные идеи Конт заимствовал у Сен-Симона, но, группируя их по своему собственному разумению, он изуродовал их: сорвав с них свойственный им мистицизм, он в то же время опошлил их, переработал их на свой собственный филистерский лад»⁴.

¹ Маркузе Г. Разум и революция. СПб., 2000, с. 440-441.

² Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 2001, с. 56.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 197.

⁴ Там же, т. 39, с. 327.

«Карл Маркс, — как сказано в одном учебнике социологии, — признан за рубежом в качестве одного из классиков социологии наряду с Э. Дюркгеймом и М. Вебером, хотя он терпеть не мог термина «социология», впрочем как и самого Конта. Он предложил совершенно иной подход к пониманию общества»¹. Да, Маркс предложил *совершенно иной подход* к пониманию общества, — не социологический, а исторический, а потому и критический. Называется этот подход *материалистическим пониманием истории*. И «некритический позитивизм» Гегеля был преодолен Марксом на пути именно более последовательного историзма, чем у Гегеля, у которого история кончается «гражданским обществом» и королевско-прусским «политическим государством».

Ю. Давыдов не так наивен, как автор только что процитированной «Социологии», и имеет гораздо более основательное марксистское образование. Но, в связи с его «кризисной» теорией, под которую подвергается и марксизм, возникает вопрос: порождаются ли социальные кризисы «кризисной» теорией, или, наоборот, они — объективный закон общественно-исторического развития, получающий отражение в теории? Вот на какой вопрос по сути не отвечает Ю. Давыдов со своим «стабилизационным» мышлением. Хотя обвинять в общественных кризисах людей с «кризисным» мышлением все равно, что обвинять «градусник» в том, что он показывает повышение температуры. Интеллигентам вообще свойственно преувеличивать роль своей личности в истории. Но история все же до сих пор делалась массами, а выдающиеся личности, даже такие как Наполеон или Николай I, могли что-то делать, только опираясь на массовые настроения. Так Николай I смог подавить восстание декабристов только потому, что «страшно далеки они были от народа», и народ не понимал их республиканских идей, а верил в батюшку-царя.

Но таков *исторический взгляд* на вещи, который развивали в своей философии истории Вольтер и Гегель, а затем Маркс и Энгельс в том самом «историческом материализме», который в советские годы наши казенные марксисты попытались превратить в «общесоциологическую теорию». И этот исторический подход противоположен социологическому подходу. Социология не вскрывает противоречий существующего общества, поэтому она не может предсказать вектор исторических изменений. Изменения в ней могут происходить только по воле начальства. Отсюда такая любовь к начальникам у основоположника социологии О. Конта: «Как сладко повиноваться, — писал он, — когда есть возможность наслаждаться счастьем... которое заключается в том, что

¹ Кравченко А.И. Социология. Москва–Екатеринбург, 2000, с. 18.

благодаря мудрым и достойным вождям мы ненавязчиво освобождены от тяжелой ответственности за общую линию своего поведения»¹.

Ю. Давыдов вовсе не «открыл» того, что социология является стабильным типом мышления. Вот что писал об этом известный советский социолог И. Кон тридцать лет назад. «Капиталистическое общество развивается в классовых антагонизмах; господствующий класс заинтересован в совершенствовании существующего строя, тогда как революционные силы стремятся к его коренному преобразованию. В общественных науках, включая социологию, это рождает острый конфликт между конструктивными задачами и социальной критикой. Это противоречие прослеживается не только в «глобальных» теориях, но и в эмпирических исследованиях»².

Все понятно. Историзм это критицизм. И никакой критики существующего общества и соответствующих общественных теорий без историзма быть не может, потому что критиковать настоящее можно только с точки зрения прошлого или будущего. Некритический позитивизм Гегеля, в котором последнего обвинял Маркс, состоял именно в том, что он не видел дальнейшей исторической перспективы развития «гражданского общества», хотя оно его совсем даже не радовало. Но вся разница между Коном и Давыдовым в данном случае заключается только в том, что первый считал отсутствие историзма в социологии недостатком, а Давыдов видит в этом ее достоинство. Этому соответствуют определенные общественные позиции этих двух социологов. «Коренным недостатком современной западной, особенно американской, социологии, — пишет в той же статье «Социология» в «Философской энциклопедии» И. Кон, — является почти полное отсутствие в ней исторического подхода к явлениям. А без историзма невозможно понять возникновение нового в общественной жизни»³.

Наивность Кона, так же как и других благонамеренных социологов, заключается в том, что они не доводят до собственного ума ту истину, что социология потому и социология, что она реализует социологический, а не исторический подход! Именно из этой наивности и родился уродливый гибрид под названием «марксистская социология». Буддам марксизма, П.Н. Федосееву, Константинову и др., внушили, что социология это «современно» и «прогрессивно» и в деле коммунистического строительства это незаменимая вещь. И те дали «добро»: появился Институт социологии, появился журнал, появилась ученая степень и т.д. И это тогда, когда в той же Америке позитивистская социология уже вы-

¹ Цит. по: Маркузе Г. Разум и революция. СПб., 2000, с. 443.

² Философская энциклопедия в пяти тт. Т. 5. М., 1970, с. 91.

³ Там же.

дыхалась. «Наряду с растущим влиянием структурализма, — как замечает тот же Конт, — ... все чаще раздаются голоса о необходимости возрождения исторической социологии и исторического метода в общественных науках вообще»¹.

Разумеется, из кризиса общество может выбираться разными путями, и не обязательно путем революционного насилия и кровавой гражданской войны. Может быть, лучше, когда преобразования проводятся сверху. Но все дело в том, что «верхи» не всегда готовы к таким преобразованиям. И сама эта неспособность является составной, причем объективной, частью того, что называется *революционной ситуацией*. А Конт со своей социологией, как мы видели, апеллирует именно к «верхам», к начальникам. Сам он тоже хотел бы стать большим начальником, но увы... И, естественно, напрашивается вопрос, не является ли «стабилизационный» тип мышления всего лишь благовидной формой обыкновенного холуйства.

О. Конт и его «социология» оказались настолько одиозными, что последующие социологи, которые развивают в общем-то его идею, как будто бы стесняются того факта, что основоположник их науки — именно Конт. О нем, в том числе и в самых последних книжках по социологии, говорят как-то вскользь, и при этом совершенно не раскрывают его общественно-политических взглядов. Тем более, что к концу XIX века от «социологии» осталось лишь одно название, а сама общественная наука явно трансформируется в сторону той или иной формы историзма. Характерный пример — это определение социальности через разделение труда в том виде, как это имеет место у Э. Дюркгейма.

В общем и целом предмет социологии — это именно социальность. Так было у Конта, и так у современных социологов. Но что есть социальность — вот в чем главный вопрос. Произрастает она из биологии (из природы) или из истории? Если из биологии — то это или неисторическое понимание общества, или тот ограниченный историзм, который мы имеем у Каутского с его социал-дарвинизмом. Почему, кстати, даже историки социологии игнорируют «субъективную социологию» Н. Михайловского? Все дело в том, что это никакая не социология, которая есть сугубо объективистская наука, где субъектом, в крайнем случае, является начальство. В этом свете «субъективная социология» Михайловского — «деревянное железо». И это понимал Н. Бердяев, когда с марксистской точки зрения критиковал Михайловского, хотя до марксизма Маркса он так и не дотянул. Не дотянул Бердяев до марксизма по разным причинам, в том числе и по той, что и

¹ Там же, с. 92.

марксизм в конце XIX века уже трансформировался в «социологическую доктрину». Однако эта критика очень показательна в свете интересующего нас вопроса. И мы на ней немного остановимся.

Критике «субъективной» социологии Михайловского посвящена первая крупная работа Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском», которая вышла в Санкт-Петербурге в 1901 году. В этой работе Бердяев, хотя он и считает себя марксистом, путает индивидуализм с индивидуальностью, а объективизм с объективностью, то есть как раз те вещи, которые четко различал «Вл. Ильин» в своей книжке «Кто такие друзья народа...». И самое главное — он совершенно не понимает сути материалистического понимания истории.

Бердяев все время повторяет, что название «исторический материализм» неудачно, не учитывая того, что этого термина у самого Маркса нет. Но дело даже и не в этом, а в том, что Бердяев считает, что исторический материализм, т.е. материалистическое понимание истории, связано с абстрактным понятием *материи*, и что будто бы именно из нее Маркс пытался вывести общественные формы. Но для того, кто знаком с работами самого Маркса, это все может показаться смешным и нелепым.

«Выражение «исторический материализм», — пишет Бердяев, — конечно, лучше совсем уж бессмысленного словосочетания «экономический материализм», но все-таки неудачно. Слово «исторический» здесь не годится, потому что это — доктрина социологическая, а не историческая, слово же «материализм» неудачно потому, что основой исторического процесса с этой точки зрения вовсе не является «материя»¹.

Но в том-то и дело, что о «материализме» здесь речь идет совсем не потому, что в основе исторического процесса находится некая абстрактная «материя», а потому, что в основе этого процесса находится *материальное производство*. А термин «экономический материализм» неудачен потому, что экономика — только *форма* материального производства, всегда конкретно-историческая. Что же касается «социологической доктрины», то это совершенно не марксистская, в смысле — не марксовская, доктрина.

Маркс и Энгельс, а потом и Ленин, решительно возражали как раз против доктринерского истолкования их учения. Маркс с Энгельсом никогда не пользовались термином «социология», хотя он был им известен, поскольку не принимали именно *социологическое*, то есть вне-

¹ Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. М., 1999, с. 257-258.

историческое понимание общества. Ленин, правда, пишет о «марксистской социологии», но по существу излагает материалистическое понимание истории. Дело в том, что во времена Ленина и Бердяева социология была очень модной и была по существу синонимом обществоведения, покрывая собой всякую общественную науку.

Для Маркса главным и определяющим является *история*. И *историческое* понимание общества Маркс с Энгельсом противопоставляли его *философскому* пониманию. По мнению же Бердяева, как и по мнению всех «марксистов» того времени, кроме, пожалуй, только одного Ленина, марксизму не хватает именно «философии». «Исторический материализм, — пишет он, — как учение мало разработанное в своих философских и гносеологических основаниях, не дает себе отчета в задачах социологии и не подвергает анализу понятия социального, но он все-таки много дает для решения этой проблемы»¹.

А поскольку социальное, по Бердяеву, не является продуктом исторического, как это было у Маркса, то оно оказывается у него «высшим продуктом космического и органического развития»². Поэтому Бердяев и не может избежать *биологизма*, характерного для контовской социологии, хотя и пытается возражать против него. Он возражает, например, против мальтузианства: «Коренной методологический грех мальтузианства это — тенденция давать чисто *биологическое* истолкование чисто *социологическому* явлению. Маркс прекрасно понимал этот *социальный* характер вопроса о народонаселении и высказал гениальную мысль, что каждый исторический период имеет свой собственный закон народонаселения и что в обществе существует только относительное, а не абсолютное перенаселение»³.

Бердяев справедливо упрекает в биологизме Михайловского. Но сам, между тем, пишет: «В известном смысле на исторический материализм можно смотреть, как на применение принципов дарвинизма к историческому процессу, а на Маркса, как на продолжателя Дарвина, но марксистское понимание истории не имеет ничего общего с социологическими упражнениями дарвинистов, на которые так страстно нападает г. Михайловский»⁴. Маркс как «продолжатель» Дарвина — это, конечно, прекрасно, если в особенности учесть, что к тому времени, когда вышла работа Дарвина «Происхождение видов», Маркс уже был Марксом. А если К. Каутский считал, что «материалистическое понимание истории» надо обосновывать на Дарвине, то он в связи с этим

¹ Там же, с. 241.

² Там же.

³ Там же, с. 245.

⁴ Там же, с. 240.

прямо говорил об «устарелости» диалектики, которую Маркс и Энгельс, как утверждает Каутский, заимствовали у Гегеля.

Самое интересное во всей полемике Бердяева с Михайловским заключается в том, что в главном и существенном они сходятся, а именно в том, что и для того, и для другого материалистическое понимание истории — это не метод для объяснения действительной истории, а уже *вся история*, то есть схема всей истории, прошлой, настоящей и будущей. Именно поэтому Марксу пришлось возразить Михайловскому по поводу его интерпретации «Капитала». В своем письме в редакцию журнала «Отечественные записки» он писал: «Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, — для того чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим развитием производительных сил общественного труда и наибольшее развитие человека»¹.

Именно диалектики отрицательности и не понимает Бердяев. Он не понимает именно того, что биологическое в социально-историческом подвергнуто *отрицанию* и *снятию*, что в обществе биологические законы не могут действовать бесконтрольно, а там, где биология в обществе начинает проявлять себя в своей биологической откровенности, там мы имеем дело не с социальной нормой, а с социальной патологией. Что касается социологов, то у них получается, как правило, наоборот. Они говорят о социальной «аномии» тогда, когда люди стремятся утвердить своё человеческое достоинство через устранение бесчеловечных, зоологических форм общественного бытия.

Бердяев, не в силах справиться с диалектикой биологического и социального, примерно как покойный академик И.Т. Фролов и его сотрудники из Института (снежного?) человека, которые начинают ставить примиряющий союз «и» там, где имеет место именно противоположность и даже непримиримая противоположность человеческого и зоологического. Они не могут понять, что зоологическое в человеке — это не атавизм, не хвост и не аппендикс, а следствие бесчеловечных, зоологических социальных условий существования. А в результате из человека выхолащивается его культурное, собственно человеческое содержание, и он предстает как индивид в его «голой фактичности». И это связано также с превращением марксизма в «социологическую доктрину», которое совершалось уже усилиями «марксиста» Бердяева.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 120.

«Социология» Конта, когда она появилась, выглядела настолько жалкой на фоне совершенно грандиозных философско-исторических творений, вроде гегелевской «Феноменологии духа», его же «Философии истории» и «Философии права», что не могла вызвать скольконибудь серьезного отношения со стороны Маркса и Энгельса. Они были в курсе дела и обсуждали творчество Конта в переписке. Как уже говорилось, единственное достоинство последнего, которое они отмечают, это его колоссальная эрудиция, чем он превосходит, как отмечали Маркс и Энгельс, даже Гегеля. Но что касается *единства, целостности, синтеза*, то здесь он далеко позади Гегеля.

Социология, как она была задумана самим Контом, является *позитивной наукой*. И *позитивизм* Конт противопоставлял *критицизму* прежних «метафизиков», в том числе французских просветителей, которые своим критицизмом довели страну до революции. Но он противопоставляет его «метафизике» еще и в том смысле, что в противоположность умозрительному методу метафизики «позитивная наука» может и должна заниматься только «голой фактичностью», только тем, что можно пощупать и измерить. Поэтому основной метод социологии *статистический*, где человеческий индивид уже не особая личность, а нечто среднее статистическое.

Иначе говоря, *метафизике* Конт противопоставляет «*социальную физику*». Такая наука полезна, даже необходима для обслуживания экономики и политики в современном обществе. Но она не может претендовать на понимание *сущности* человеческого общества, потому что сама категория сущности есть метафизическая категория. А в марксизме она превращается в *историческую* категорию, потому что сущность здесь не предзадана, а находится в процессе своего становления и изменения. Иначе говоря, исторически развивается не только форма общества, но и его сущность. Этот радикальный историзм отличает Маркса даже от Гегеля. И именно к такому историзму начинает тяготеть социология там, где она не удовлетворяется позитивистским методом. Это в особенности и характерным образом проявилось в «социологии» Макса Вебера, на которой также необходимо коротко остановиться.

У М. Вебера «социология» — это только название. Достаточно иметь самое общее представление о его творчестве, чтобы понять, что перед нами то, что можно определить как *понимающую историю*, и что сам Вебер очень неудачно называет «эмпирической социологией». Его мотивы в данном случае можно понять. Хотя социологи-позитивисты и возвели в принцип «голую фактичность», то есть ползучий эмпиризм, вся их социология есть *чисто умозрительная конструкция*. А метод Вебера — это не эмпиризм и не теоретизм, если можно так выразиться, а это тот органический сплав *логики и исторического факта*, которого

до него достигал только Маркс. И потому неслучайно Маркс пользовался у Вебера неизменным уважением.

Метод Вебера, как бы он сам его ни называл, есть именно метод *понимающей истории*. Когда Вебер пишет о городе, то это именно история города. Когда он пишет «Социологию религии», то это именно история религии. Когда он пишет «Рациональные и социологические основания музыки», то он пишет именно историю музыки. И, наконец, когда он пишет свою самую популярную и, действительно, самую интересную работу «Протестантская этика и дух капитализма», то это именно история европейского капитализма. Подобно этому у Маркса глава о «первоначальном накоплении» капитала есть именно история первоначального накопления капитала. А.И. Неусыхин, первый и, пожалуй, единственный у нас марксистский исследователь учения Вебера, в общем правильно отмечает своеобразие его творчества, которое он видит в том, что в нем соединяются, как выражается Неусыхин, «социологические устремления» и «конструктивное мышление» с «ощущением конкретной исторической действительности»¹.

Неудачно здесь только словечко «социологические». Может, более удачно здесь выразился Г. Риккерт, которого цитирует тот же Неусыхин. Риккерт в данном случае говорит, что в науке Вебера «история связана с систематикой и которая поэтому не укладывается ни в одну из обычных методологических схем»². Но если употреблять адекватную марксистскую терминологию, то речь должна идти о *единстве логического и исторического*.

Сходство историзма Маркса и Вебера состоит не просто в этом единстве, но и в том, что логика, применяемая к истории, добывается из самой истории. Таково понятие «идеальный тип» у Вебера, которое, по словам Неусыхина, есть «орудие познания исторической действительности, взятое из нее самой»³. Сами эти «идеальные типы» или «идеально-типические конструкции» не имеют никакой ценности и никакого значения, кроме *методологического*.

То же самое и у Маркса, у которого категории для понимания истории добываются из самой истории. Но они так же, как и «идеальные типы» Вебера, «отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи»⁴. Это не готовые клише, а то, что Кант называет «схемами», которые позволяют организовать эмпирический материал в соответствии с его собственной логикой. Но добыва-

¹ См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994, с. 658-659.

² См.: там же, с. 589.

³ См.: там же, с. 644.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 26.

ние таких категорий — не все дело, а только полдела. «Наоборот, — как пишет Маркс, — трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала...когда принимаются за его действительное изображение»¹. «Изображение действительности, — пишет Маркс, — лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы обеспечить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев»².

Социология тоже дает только номенклатуру, только термины для понимания общества, но ни в коем случае не само понимание, которое дает только история. Однако социология только этим и ограничивается, поэтому она совершенно абстрактная наука.

Вебер не знал «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса, откуда взято процитированное место, как не знал он других ранних работ Маркса. И он не мог их знать, потому что эти работы были опубликованы уже после смерти Вебера, который умер в 1920 году. Поэтому о «марксизме» он судил, в чем его сходство в данном случае с Бердяевым, по тем версиям, которые получили распространение на рубеже веков. Речь идет об «экономическом материализме», который гораздо ближе к «социологии», чем действительные взгляды Маркса, и о «диалектическом материализме» Плеханова – Деборина, согласно которому «марксистское» понимание общества должно следовать из применения именно этого материализма с его абстрактно понятой «материей» теперь уже к обществу, а не выводиться из его собственной основы — материального производства.

Общий ход развития общественной науки, по Марксу и по Веберу таков: *история — логика — история*³. Это именно *триада*, или, что то же самое, *отрицание отрицания*. Сначала история выступает в качестве «голой фактичности», затем из нее извлекаются ее основные категории, в том числе и основные периоды, а затем уже исторические факты излагаются *в их собственной связи*. Только на этом, а именно на собственной внутренней логике самих исторических фактов, завершается цикл действительной общественной науки. Совсем иначе обстоит дело в позитивистской социологии, где история служит только сырым материалом, а самостоятельного значения не имеет, как не имеет для социоло-

¹ Там же.

² Там же.

логии самостоятельного значения историческая творческая деятельность людей.

Но наука об обществе не может быть неисторической наукой. Если она — неисторическая наука, то она рассматривает общество как не-общество, как некий мертвый объект, а не живой организм. Отсюда сходство социологии с естественной наукой. Отсюда — количественные методы: категория количества распространяется только на те вещи, которые представляют собой усредненные статистические единицы. О самостоятельной, творческой и свободной личности здесь не может быть и речи.

Социология лишает человека всякой почвы для *критицизма*. Она не дает метода для конкретного понимания данной исторической формы общества, потому что рассматривает всякое общество как общество «вообще». Основание для критики — это присущие данной конкретной форме общества *противоречия*. Позитивистская социология не видит никаких противоречий, она видит только «конфликты», которые являются следствием недоразумений, а потому могут быть улажены через, так сказать, выяснение отношений.

Перерождение марксистского историзма в социологизм происходило по мере стагнации советского общества. И в эпоху застоя самое революционное учение превратилось в охранительное. Потому и появился жуткий симбиоз и урод под названием «марксистская социология» — противоестественное соединение Конта и Маркса. И совсем неслучайно эту буржуазную по своей сути науку возглавил один из самых казенных марксистов — «диаматчик» М. Руткевич. Ведь «диамат» как раз совместим с «марксистской социологией». Но она совершенно несовместима с материалистическим пониманием истории, для которого никакая форма общества не является ни абсолютной, ни окончательной.

Социология — апологетическая наука, призванная обслуживать «гражданское общество». «Во всех случаях, — писал Маркузе, — новая социология должна соотноситься с фактами существующего социального порядка и, не отвергая необходимости в исправлении и улучшении, должна исключать любое движение, направленное на ниспровержение и отрицание этого порядка. В результате концептуальная направленность позитивной социологии должна иметь апологетический, оправдательный характер»¹. И к этому выводу можно присоединиться.

¹ Маркузе Г. Разум и революция. СПб., 2000, с. 431.

Из царства необходимости в царство свободы:
творческий марксизм Э.В. Ильенкова и вызовы
социализму в условиях «постиндустриального общества»

Автор этого материала считает себя учеником Э.В. Ильенкова и его менее известного среди философов коллеги и почитателя, одного из интереснейших советских политико-экономов профессора Н.В. Хессина. И дело здесь не только в том, что я рос и учился на их работах, что мне посчастливилось получать их личные консультации. Дело прежде всего в том, что именно творчески-критический дух марксизма, его диалектический метод и очищенная от сталинских извращений теория, взгляд на общественное развитие через призму противоречий и рассмотрение истории в человеческом измерении, как пути в «царство свободы» — именно это стало для меня альфой и омегой научной работы. Вот почему этот текст (как и практически все другие теоретические работы автора) в меру моих сил построен как продолжение и развитие творческого ильенковского марксизма. Последнее освобождает меня от необходимости ссылок на работ Ильенкова всякий раз, когда в тексте будет идти речь о диалектических противоречиях или марксистской концепции движения к царству свободы, о смысле и роли диалектической критики или диалектике исторического и логического. Этот текст насквозь ильенковский в той мере, в какой мне удастся быть учеником и продолжателем дела Эвальда Васильевича Ильенкова и моего непосредственного учителя — Николая Владимировича Хессина.

1. Некоторые предварительные замечания

В качестве предмета нашего исследования в данном случае будет выступать процесс диалектического снятия, критического отрицания материального производства как основы всей предшествующей социальной жизни («предыстории»)¹.

В предисловии я уже отметил, что идея «царства свободы», как лежащего по ту сторону собственно материального производства и развивающегося на базе материального производства как своей объективной предпосылки, — эта идея была высказана в III томе «Капитала»

¹ Подчеркну: под «снятием» я буду иметь в виду не абсолютное отрицание, но отрицание с удержанием положительного; снятие системного качества, в частности, подразумевает /1/ накопление всего богатства предшествующего развития, /2/ его отрицание — качественный скачок и /3/ рождение нового системного качества, воспроизводящего достижения предшествующего развития.

К. Маркса. Она во многом привязана к содержанию этого труда, особенно если понимать «Капитал» не только как политико-экономическую работу по проблемам капитализма, но рассматривать его в контексте всех остальных социально-экономических и экономико-философских работ Маркса, прежде всего рукописей 1844 и 1857-59 гг. В этом случае станет понятен данный контекст, где Маркс говорит о снятии материального производства, как снятии всей предшествующей предыстории

В то же время следует подчеркнуть: взгляд на мир свободы как мир культуры, лежащий «над» материальным производством, связан с традицией рассмотрения творчества, лежащего в основе прогресса человечества, как мира, «возвышающегося» над «грязным» материальным бытием. Идея, что свобода человека начинается там, где он перестает заботиться о непосредственном материальном бытии, где он может подняться над утилитарными потребностями, — эта идея была хорошо известна со времен первых великих поэтов и ученых, музыкантов и общественных деятелей, заботившихся о ценностях, которые мы бы назвали ценностями мира культуры или культурными ценностями.¹ Но для одних было достаточно создать такой мир для избранных, другим было важно так изменить социальные условия, чтобы к творчеству оказалось причастно большинство².

В качестве небольшого, но важного отступления замечу, что указанное различие принципиально важно: *здесь (выше мы отметили одну*

¹ В последнее время эта идея оказалась воспроизведена на новом уровне В. Межуевым (См.: Межуев В. Социализм как пространство культуры // Альтернативы, 1999, №2; В том же номере, а также в статье Б. Славина в № 4 за 1999 год эта идея была подвергнута достаточно жесткой критике с последующим ответом автора и оппонентов в том же журнале в ряде номеров 2000 года.)

² Характерно, что последовательно развиваемый первый вариант всегда порождает конфликт реального материального мира и искусственно оторванного от него мира культуры. Пожалуй, наиболее тонкий и целостный образец последнего – Касталия Г. Гессе (См.: *Гессе Г. Игра в бисер*) – так же оказался подвергнут сомнению как самоценность, и не кем-нибудь, а магистром игры, само имя которого – Кнехт – указывает на необходимость служения чему-либо. Пройдя весь предначертанный гегелевской логикой (ассоциации структуры «Игры в бисер» и «Науки логики» довольно прозрачны) путь, он в конечном итоге выбирает не игру, а едва ли не наиболее массовую творческую ипостась, соединяющую через творчество мир культуры, социум и человека с его повседневной жизнью – ипостась воспитателя, педагога. Кстати, к этой профессии приковывали внимание едва ли не все романтики прошлого – от «кремлевского мечтателя» В. Ленина и А. Грамши (См.: *Грамши А. Тюремные тетради., Ч. 1, М., 1991, с. 433-449*) до известнейших советских писателей фантастов – И. Ефремова и братьев Стругацких (См.: *Ефремов И. Час быка; Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень. XXII век; Жук в муравейнике и др.*).

из черт границы) проходит водораздел между теоретиками постиндустриального (информационного, постэкономического и т.п.) общества, рассматривающими его как один из этапов развития мира отчуждения, продукт постепенной эволюции нынешнего капиталистического общества и учеными социалистической ориентации, акцентирующими скачок к «царству свободы» как переход, снимающий отношения отчуждения в социальном мире, переход к миру, где творческая деятельность обретает свою адекватную общественную форму – ассоциированного социального творчества¹). В свою очередь, с точки зрения этой группы ученых (в том числе, для автора этого текста) господствующая ныне форма утилизации творческого потенциала, высоких технологий и т.п., а именно, гегемония корпоративного капитала является тупиковой ветвью социальной эволюции, рождаемой «закатом» предыстории (и позднего капитализма как ее последней фазы).

Кроме того, не могу не заметить, что для сторонников *творчества для избранных* типичен конфликт реального материального мира и искусственно оторванного от него мира культуры. В целом, уже на уровне предисловия можно заметить: *будущее общество должно стать общественной системой, обеспечивающей доступ к творчеству каждому его члену. Это важнейший императив, обращенный к социалистической теории XXI века.*

2. «По ту сторону» материального производства: императивы будущего общества

2.1. Смена доминанты: от материальных ресурсов и утилитарных потребностей к культурным ценностям

Всякое материальное производство предполагает использование ограниченных массовидных материальных ресурсов с целью удовлетворения неограниченных утилитарных потребностей; в то же время очевидно, что ныне происходит существенное изменение этих параметров материального производства.

Каким же может быть снятие этих качеств? При этом автор будет исходить не только из формальной логики отрицания данного системного качества, но и из анализа тех действительных процессов, которые развиваются на протяжении всей предыстории человечества, но особенно интенсивными становятся во второй половине - конце XX века.

¹ Подробнее см.: Бузгалин А. «Это сладкое слово свобода»// Свободная мысль, 1999, № 9, с. 12

Начнем анализ с рассмотрения нового качества «ресурсов» (я не случайно взял этот термин в кавычки: культурная ценность, используемая в процессе сотворчества, лишь внешне может напоминать «ресурс»).

Первая черта. На смену ограниченным ресурсам (в мире которых природа и человек так же воспринимаются только как ресурсы) приходит новый тип — «ресурсы», которые теряют свои качества ограниченности и становятся всеобщими, переставая тем самым быть ресурсами. Такими своего рода «ресурсами» являются *всеобщие культурные ценности*.

С момента рождения человечества, но особенно в настоящую эпоху, любое произведение, принадлежащее к миру культуры, является по своей природе всеобщим. Теорема Пифагора или теория Эйнштейна, опыт талантливого педагога или произведение искусства (симфония, картина, книга) — все они «ограничены» лишь с одной точки зрения — с точки зрения проблем тиражирования их материального носителя. Как культурная ценность они безграничны. Книги, симфонии, песни, стихи, формулы, творческий опыт — все это потенциально *доступно каждому* и все это *неуничтожимо*. Они не могут быть потреблены. Единственный способ взаимодействия с культурной ценностью — это диалог, в который Вы можете вступить и тем самым увеличить богатство культурного мира, ибо, прочитав книгу, рождаете новый мир ассоциаций, творческих интенций, интересов (в том числе, в Вашей собственной голове, в Ваших собственных действиях), а это и есть расширение мира культуры. При этом Вы не уничтожаете книгу, но, наоборот, «оживляете» ее автора, делаете актуальной эту культурную ценность.

Итак, «ресурсы», которыми являются *культурные ценности*, относятся к миру, лежащему по ту сторону материального производства. Эти ресурсы *являются всеобщими*, они *не ограничены*, *не уничтожимы*¹, они могут быть «потребляемы» (точнее – *распредмечиваемы*) сколь угодно широким кругом лиц и на протяжении сколь угодно продолжительного периода времени². Если «ресурс» является предметом

¹ Как тут не вспомнить знаменитое булгаковское: «Рукописи не горят»? Физически может быть уничтожен только материальный носитель культурной ценности. Другое дело, что для существования этой ценности нужен хотя бы один материальный носитель: человек, лист бумаги, компьютерная дискета или папирус. Наконец, для сохранения культурной ценности нужны социальные условия, позволяющие ее *распредмечивать*.

² Воспользуюсь в качестве комментария двумя положениями из западных источников (они позаимствованы из упомянутого сборника «Социум XXI века»). «Полезную или вдохновляющую информацию может быть трудно найти из-за организационных и

для распредмечивания, то в процессе последнего он всякий раз как бы «оживляется», превращаясь из потенциальной в актуальную культурную ценность.

Более того, их *ценность определяется именно тем, сколь широко и сколь долго они служат одним из «партнеров», субъектов для диалога, для сотворчества, для распредмечивания.*

С другой стороны, эти всеобщие «ресурсы» ограничены, причем ограничены абсолютно, но иначе нежели в мире материального производства. Они ограничены с точки зрения экологических и гуманитарных параметров: *природа как биосфера и человек как творческий субъект* (в том числе его потенциал распредмечивания — способность воспринимать и использовать в сотворчестве ценности искусства, науки, общения) *актуально ограничены в своем потенциале диалога, хотя и открыты в бесконечность* (в пределе человек и биосфера открыты для бесконечного самосовершенствования).

В «царстве свободы» *природа, культура и человек выступают* не как ресурс, не как предмет потребления или источник производства вещей, а как *ценности, которые не могут и не должны быть потребляемы в физическом смысле этого слова*. В этом мир культуры качественно противоположен миру материального производства, который нацелен на безграничное физическое потребление природных и человеческих ресурсов. Напротив, *для мира культуры задачей становится воспроизводство* (а на первом этапе — восстановление и сохранение) *биогеоценозов и человека, как культурных ценностей*.

Вторая черта: на смену ресурсам, которые являются воспроизводимыми и массовидными, приходят «ресурсы», являющиеся *уникаль-*

структурных барьеров, даже если она имеется в достаточном количестве. Теоретические знания, давно признанные одной из движущих сил экономических перемен, — другой пример. Может существовать редкость людей, имеющих степень Ph.D., и искусственная редкость, установленная патентным законодательством, но не существует редкости знаний в области физики плазмы или биохимии» (*Mulgan G.J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. - Oxford: Polity, 1991, P. 174*).

«Знания являются расширяющимися и самогенерирующимися. Сырьевые ресурсы индустриальной экономики являются конечными благами; железная руда расходуется в момент производства стали. В отличие от железной руды, однако, знания в результате их использования возрастают. Используя мои знания, я выполняю задание, я совершенствую мои знания и расширяю мое понимание задачи. Хирург, который делает операцию десятый раз, обладает большим количеством знаний и большим пониманием операции, чем хирург, который делает операцию впервые. Таким образом, в экономике знаний редкость ресурсов заменяется на расширение ресурсов» (*Crawford R. In the Era of Human Capital. N.Y., 1991, P. 11*).

ными по своей природе. И речь в данном случае идет не только о развитии и все большем распространении потребления уникальных предметов в рамках современного мира¹.

Речь идет прежде всего о другом — о том, что всякая культурная ценность уникальна и не воспроизводима (лишь тиражируема) по своей природе. Нельзя многократно производить шестую симфонию Чайковского — она единственна. Нельзя заново создавать «Гамлета» или «Сон в летнюю ночь» Шекспира — это неповторимые произведения. Можно тиражировать лишь материальные носители этих культурных феноменов, а сами по себе они уникальны с момента своего рождения и навсегда. В этом смысле опять-таки данное качество «ресурса» мира культуры является отрицанием предшествующего качества ресурсов в системе материального производства.

Наконец, *третья черта*: «ресурсы» мира культуры не потребляемы, они подлежат лишь *распредмечиванию*. Они могут выступать лишь как феномены, с которыми можно вступать в творческий диалог. В некотором смысле, конечно, они могут быть «потреблены» за счет физического уничтожения их материального носителя, но в этом случае мы будем иметь ни что иное как акт вандализма или просто глупости.

Итак, по основным качествам, «ресурсы», лежащие по ту сторону собственно материального производства, отрицают основные характеристики ресурсов и потребностей мира материального производства.

Соответственно, и потребности в условиях нового мира становятся иными: они *качественно безграничны, не утилитарны, но при этом ограничены количественно*, в отличие от утилитарных потребностей, которые количественно всегда безграничны (всегда хочется больше предметов потребления, или всегда нужно побольше ресурсов для производства большего вещного богатства).

Культурные ценности порождают иной мир потребностей, которые безграничны качественно, в том смысле, что человек никогда не ограничен данным кругом культурных феноменов. Он всегда стремится к новому, и эта новизна, не искусственная, а действительная творческая новизна, является главным импульсом и главной ценностью.

В то же время эти потребности сугубо ограничены количественно. И не потому, что здесь присутствуют некоторые внешние ограничения, связанные с господством той или иной экономической или институциональной формы (например, в мире развитого материального производства, имеющего форму рынка, Вам всегда не хватает денег для того, чтобы купить достаточно потребительских благ, а в «экономике дефи-

¹ Именно на этом делает акцент большинство теоретиков постиндустриального общества (подробнее см. упомянутые работы О. Антипиной и В. Иноземцева).

чита» у Вас не было возможности достать необходимые блага, даже если у Вас и были деньги).

В мире культуры *суть ограничения* в ином: своего рода «потребление», а на самом деле распределение культурных ценностей предполагает сложную творческую деятельность, требующую времени, усилий, энергии от того, кто хочет эту ценность «потребить». Здесь само «потребление» превращается в проблему.

Достаточно понятно, что к новым феноменам — «ресурсам» и потребностям мира культуры, — рождающимся «по ту сторону» материального производства, принадлежат практически все культурные ценности, которые могут быть использованы в процессе обучения и научной деятельности, в процессе художественного творчества и социального новаторства.

В данном случае важно добавить, что *природа в этом мире также выступает как культурная ценность*, а не внекультурный феномен¹, ибо она подлежит *распредмечиванию*: изучению, художественному восприятию и т.п. Человек взаимодействует с природой не как с «мастерской» или «источником ценного сырья», а как с *равноправным субъектом*. Природа как культура может и должна быть также своего рода партнером по рекреации человека при использовании им свободного времени для создания предпосылок нового творческого процесса.

Существенен вывод, который мы можем сделать на основе данного анализа: *культурные ценности по природе своей общедоступны* (хотя низкий уровень производительности в материальном производстве и/или «старая» социальная организация могут ограничивать доступ к ним). Проблемой здесь является социальная организация процессов опредмечивания и распределения, где возникают совершенно новые проблемы *общественных отношений по поводу сотворчества, диалога, распределения культурных ценностей и опредмечивания творческой деятельности*.

Бытие мира культуры в конце XX века (в рамках господства экономической необходимости) приобретает специфические превратные формы. Одна из них — бытие культурных ценностей, как информационных продуктов, или еще уже — как информационных товаров. В этих условиях *информация как продукт, товар, рассматриваемая с социально-экономической точки зрения*, становится феноменом, который *напоминает «овещенную»* (от слова вещь), *превратную форму*

¹ В этом смысле определение культуры как внеприродного мира в сути своей ошибочно, что поняли мои учителя (прежде всего — упомянутые выше советские марксисты 60-х - 70-х годов) многие десятилетия назад, освоив работы великих мыслителей прошлого и нынешнего столетий.

культурной ценности. Культурные ценности в данном случае переносятся из сферы сотворчества и аксиологии в плоскость меркантильную и утилитарную: они становятся предметом материального производства и утилитарного потребления, трансакций и т.п.

Таким образом, информация с социально-экономической точки зрения (я говорю сейчас не о философском аспекте этой категории, а об информации как о товаре, т.е. о феномене, который постоянно используется в экономической жизни современного мира) становится той превратной формой, которая как бы «отрекается» от своего содержания (а им является статус культурной ценности, результата и импульса сотворчества). Информация как объективный феномен создает видимость того, что это — продукт производства, что это — ресурс производства, что это — предмет потребления.

Так мы получаем специфический мир, который фиксируется в понятии «*информационное общество*»¹. Как следствие информация становится не общедоступной всеобщей культурной ценностью, а объектом частной собственности, купли-продажи; развиваются такие феномены как коммерческая тайна, государственная тайна и другие многочисленные секреты — механизмы ограничения доступа к информации.

Вследствие этого информация может быть монополизирована (и как товар, и как объект частной собственности) государственными или иными институтами. Кроме того, информация начинает распространяться преимущественно не в мире культурных ценностей, не в мире сотворчества, а в мире отчужденных социальных форм.

Более того, если взглянуть на структуру социума, то окажется, что *информационные продукты сейчас главным образом производятся, потребляются, распространяются в «превратном секторе» - секторе воспроизводства превратных форм человеческой жизнедеятельности*. Это сфера (ниже даются ее социо-философские характеристики), где одни превратные формы используются для производства, тиражирования etc. других превратных форм. В этом секторе не создаются (как основной продукт его деятельности) ни материальные блага (блага, способствующие развитию личности), ни культурные ценности. Речь идет прежде всего о таких сферах как *трансакции* (торговля, финансы, страхование); *государственно-бюрократический аппарат* и весь связанный с ним бюрократический мир; *военно-промышленный комплекс* и связанные с ним наука, образование, функционирование информации и

¹ Наиболее известный автор в области теорий информационного общества — И. Масуда (См.: *Masuda Y. Informational Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983*). Подробный анализ этого понятия, основных признаков информационного общества, его структуры содержится в уже упомянутом сборнике «Социум XXI века», разд. 1.

контроля; *массовая культура*, где в действительности культурные ценности отсутствуют, а существует лишь информационный продукт, потребляемый для релаксации, для расслабления после вынужденной работы (в английском есть хорошее выражение «for fun», для, так сказать, балдежа, для удовольствия, но не для развития человека или рекреации человека как личности).

Еще одной *превратной формой*, порождаемой миром экономической необходимости в современных условиях — условиях развитого, стоящего на границе своего снятия производства — становится *престижное паразитическое перепотребление*¹.

Оно становится следствием возросшей (до необходимого для перехода к «царству свободы» уровня) производительности труда в обществе, когда утилитарные потребности практически всех его членов могут быть удовлетворены на достаточном уровне без дальнейшего существенного наращивания производительности труда, без дальнейшего существенного расширения использования природных, человеческих и т.п. ресурсов.

Здесь следует сделать небольшую оговорку: когда я говорю о «достаточном уровне утилитарного потребления», то имею в виду уровень, который может быть задан качественно, как такой, при котором человек имеет объем свободного времени и необходимые материальные экономические предпосылки, достаточные для участия в творческой деятельности. Если говорить проще — достаточно одежды, еды, хорошее жилье, значительно сокращены затраты времени в быту, хорошие возможности для транспорта, доступ к библиотеке, компьютеру, электронным сетям, другим источникам получения знаний, обучения, передачи своих творческих достижений своим коллегам, а так же, по вторю, достаточный объем свободного времени.

Этот уровень доступен для среднего класса современных развитых стран. Другое дело, что для большей части мира (за исключением «золотого миллиарда») этот уровень еще не достигнут, но ресурсы, используемые ныне для жизнедеятельности «превратного сектора» (трансакционной сферы, на цели милитаризма и перепотребления в развитых странах), практически достаточны для того, чтобы повысить качество жизни во всем мире примерно до уровня, достигнутого некогда в СССР. Это давало бы возможность резко расширить сферу распространения творческого труда и потенциал его дальнейшей экспансии во всем мире. Впрочем, это особая тема, мы к ней еще вернемся, а сейчас

¹ Обоснование необходимости ограничения паразитического потребления содержится в широком круге работ теоретиков Римского клуба, а так же в книгах Э. Фромма, во многом корреспондирующих с ними (См.: Фромм Э. *Иметь или быть*. М., 1990).

продолжим исследование превратных форм генезиса ростков постэкономической реальности в условиях царства экономической необходимости.

Соответственно, социализм сможет ответить на этот вызов, если он сумеет сформировать социальные механизмы (предположительно, отношения самоуправления в экономике, базисной демократии в политике), снимающие (т.е. отрицающие с удержанием положительного) «превратный» сектор.

В то же время по себе бурное развитие этих фиктивных сфер является свидетельством достаточных материальных предпосылок для рождения нового общества, способного выдавить превратный сектор, обеспечив приоритетное развитие креатосферы – основы свободного всестороннего прогресса Человека.

К числу превратных форм, порожденных процессом прехождения царства экономической необходимости, относятся и противоречия, связанные с использованием природных ресурсов, когда глобальный кризис биогеоценозов Земли отображается в *превратной форме фрагментарной деятельности по охране окружающей среды* (именно акцент на охране среды деятельности капитала и его человеческих ресурсов здесь весьма симптоматичен)¹.

Вообще следует заметить, что в рамках царства экономической необходимости в отношениях между обществом и природой последняя до настоящего момента являлась единственным источником сырья для экономической жизнедеятельности человечества. Начиная с первобытного общества, эксплуатация природных ресурсов шла по нарастающей, и к настоящему моменту человечество приблизилось к их абсолютному исчерпанию. В результате одной из проблем, которая должна быть решена при переходе к обществу, лежащему по ту сторону материального производства, является качественное изменение отношения к природе: *природа должна стать для общества и человека главным образом не источником сырья и ресурсов для материального производства, а культурной ценностью*, о чем уже было сказано выше.

Но отсюда вытекает достаточно важное и принципиальное следствие: *всякая материальная деятельность человека должна предполагать воспроизводство (а на первоначальном этапе — восстановление и сохранение) биогеоценозов как культурных ценностей, обладающих*

¹ Критика концепции «устойчивого развития» как не достаточно глубоко отражающей необходимость решения экологических проблем содержится во многих работах левых теоретиков. Среди известных работ на русском языке назову книгу Н. Моисеева (См.: Моисеев Н. С мыслями о будущем России. М., 1997).

*собственными законами развития*¹. Такого рода деятельность является абсолютно необходимой предпосылкой дальнейшего развития как материального производства, так и «царства свободы», лежащего по ту сторону этой сферы.

Но мы несколько увлеклись. Пора сделать промежуточные выводы.

Так, мы можем предположить, что в мире происходит рождение новых типов ресурсов и потребностей, связанных с переходом «по ту сторону материального производства». Однако поскольку этот переход осуществляется пока что по-прежнему в рамках царства экономической необходимости и господства отчужденных общественных отношений, постольку он приобретает превратные формы, фиксируемые в понятиях «информационного общества», «общества профессионалов», «охраны окружающей среды», «sustainable development» и ряде других категорий (о них можно подробнее узнать из названного в предисловии сборника, где анализируются западные источники по данным проблемам).

Именно эти превратные формы могут быть зафиксированы и фиксируются на эмпирическом уровне, создавая объективную видимость «мнимого содержания» этих процессов (попытки его исследования можно найти в широком круге работ западных авторов: от Белла до Фукуямы, от Тоффлера до Бжезинского). Мы же предполагаем теоретически, что за ними скрыто эмпирически трудно различимое действительное содержание – генезис «царства свободы» и креатосферы (пространства и времени, мира культуры, со-творчества) как его основы.

В этом смысле мы можем утверждать, что креатосфера как основа жизнедеятельности «царства свободы» (пост-экономического и т.п. общества) есть торжество, победа подлинной культуры (мира Сократа, Эйнштейна, Шекспира и десятков миллионов безвестных учителей...), развивавшейся в рамках «царства необходимости» в процессе диалектической борьбы с отношениями отчуждения.

2.2. Смена доминанты: от репродуктивного к творческому содержанию деятельности

Характеристика репродуктивной деятельности как господствующей в условиях материального производства, позволяет (по принципу диалектического отрицания) предположить, что творчество, как существенная характеристика мира, лежащего по ту сторону материального

¹ Эти идеи восходят к гипотезам, выдвинутым еще в середине XIX века («натурализация человека», «гуманизация природы») и получившим свое развитие в уже упоминавшейся теории ноосферы В. Вернадского и современной идеологии «зеленых».

производства, должно обладать параметрами, снимающими ее основные черты.

Следовательно, мы можем предположить, что *творчество — это деятельность, развивающая ее агентов и созидаящая культурные ценности в процессе диалога (субъект-субъектного отношения) между индивидами*. Сотворчество (диалог) может быть как непосредственным, *актуальным* (когда индивиды кооперируются друг с другом в процессе совместного научного, педагогического, художественного, социального etc. новаторства), так и *опосредованным* (когда взаимодействие творцов опосредовано материальным носителем культурных ценностей: взаимодействие автора книги и ее читателя, ученого создавшего научную гипотезу и его ученика, который изменяет, критикует, развивает идеи своего учителя).

В последнем случае взаимодействие может быть опосредовано книгой, оборудованием, компьютером и системой информационных сетей: важна не специфика технологии, которая опосредует этот диалог, а то, что этот диалог построен именно как сотворчество, то, что здесь происходит распределение и опредмечивание культурных ценностей, а не материальное производство и утилитарное потребление.

Адекватной для такой (*творческой*) деятельности являются *система общественных отношений, при которых эта деятельность не может быть отчуждена, подчинена внешним параметрам*. По своей сути (саморазвитие творца в процессе создания культурных ценностей) творческая деятельность не отчуждаема и не может осуществляться в рамках общественного разделения труда.

Это не означает, что индивид, занятый творческой деятельностью, не может специализироваться в определенной сфере. Напротив, он всегда производит конкретный особенный творческий результат, определенную, конкретную культурную ценность. Но для того, чтобы создать ее, он должен вступать в диалог с очень широким кругом культурных ценностей и других лиц, и чем шире этот круг, чем он разнообразней, чем точнее подобрана диалектическая целостная комбинация, всеобщность параметров этой деятельности, позволяющих создать данную культурную ценность, тем выше будет творческий потенциал его труда.

Результатом творческой деятельности является не только культурная ценность (и, может быть, даже в первую очередь не культурная ценность), но и *саморазвитие человека в процессе творческой деятельности*. Здесь изменяется само содержание труда. Последний превращается в деятельность по созиданию (и саморазвитию) человека. Продукт творческой деятельности — книга, научная теория или что-то еще, являются своего рода «побочным» результатом, ибо человек, осу-

шествующий творческую деятельность, преследует прежде всего один (причем в некотором смысле эгоистический) интерес — *интерес самореализации*, интерес творчества¹.

Соответственно, атрибутом творческой деятельности становится ее *внутренняя мотивация*. Ценность, мотив, интерес, который движет таким человеком — это труд как таковой плюс свободное время, которое на самом деле соединяется с временем труда. Но это особая материя, к которой мы еще вернемся.

Здесь следует сделать оговорку, которая как рефрен повторяется на протяжении предыдущего и данного разделов. *Соотношение репродуктивного труда и творческой деятельности всегда характеризуется определенной мерой* (в диалектическом единстве качества и количества развития одного и другого). Любая человеческая деятельность на любой стадии развития будет включать как репродуктивный, так и творческий компонент. Вопрос лишь в том, какой из этих двух качественно различных параметров доминирует, и если деятельность является преимущественно творческой, то тогда среди результатов, ценностей, мотивов, содержательных параметров труда доминирующими будут внутренние, креативные. Если эта деятельность является по преимуществу репродуктивной — обратная ситуация.

Кроме того, как уже было отмечено, человек, как родовое существо, как представитель рода «Человек», всегда был наделен способностью к творческой деятельности, его деятельность в целом, во всемирно-историческом измерении всегда носила творческий характер, и этим она отличалась от псевдодеятельности, активности животных.

Но суть этого процесса состоит в том, что творческие функции в условиях отчуждения были характерны преимущественно для узкого круга представителей того привилегированного сословия, которое сегодня принято называть интеллигенцией, тогда как деятельность большинства работников носила, главным образом, репродуктивный характер. Впрочем, это повторы, хотя повторы достаточно важные.

Итак, движение к царству свободы знаменуется переходом к доминированию творческого содержания деятельности в отличие от репродуктивного труда.

¹ Этот тезис давно известен в социо-философской литературе. Нам наиболее известна марксистская традиция (от самого К. Маркса через Лукача, Сартра и т.п. ученым 70-х - 80-х годов, для которых тезис о самореализации и свободном развитии человека в творческой свободной деятельности, выступающей как самоцель стал банальностью). Кроме того, эта идея довольно полно представлена в работах Э. Фромма и его единомышленников.

Продолжая характеристику творческой деятельности, мы можем ввести еще один параметр: *изменение соотношения между рабочим и свободным временем в пользу последнего и изменение их содержания.*

Для царства экономической необходимости рабочее время определялось как время труда, подчиненного внешним параметрам, причем это рабочее время как правило распадалось на необходимое (связанное с воспроизводством работника) и прибавочное (в течении последнего создавались блага, необходимые для воспроизводства господствующего класса).

Переход к творческой деятельности существенно изменяет содержание рабочего и свободного времени. В новых условиях *свободное время* (будучи, как и прежде, периодом, когда человек не занят репродуктивным трудом) *становится временем, в течение которого человек может развиваться как свободная творческая личность*, как личность обладающая потенциалом творческой деятельности.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в «царстве свободы» *рабочим является время, которое необходимо затратить на репродуктивную деятельность* (напомним: она всегда будет иметь место, хотя и сокращается). Свободным будет время (еще раз подчеркнем это) творческой деятельности, общения, развития человека и его рекреации как личности в различных формах.

Соответственно, *мера развития «царства свободы» может определяться соотношением свободного времени и рабочего времени, которым располагает данное общество*¹

Почти все необходимое для характеристики «технологии» и «средств производства» творческой деятельности было сказано выше.

Если в качестве «ресурсов» этой деятельности выступают культурные ценности, а средством их использования становятся так называемые «субъект-субъектные» отношения, диалог, процессы опредмечивания и распредмечивания, то достаточно понятно, что ключевым параметром, ключевым «ресурсом» для такой деятельности становится культурный человек, «человек-креатор». Соответственно, *формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится, с одной стороны, главной задачей, а с другой — главным средством прогресса мира, основанного на творческой деятельности.* Отсюда — задача свободного всестороннего развития личности, сформулированная Марксом 150 лет назад как

¹ См.: По ту сторону отчуждения. М., 1990, С. 227-251.

сверхзадача для общества, снимающего противоречия капитализма, противоречия всей предыстории.

Здесь уместна своего рода аналогия между «производством» творческой личности как главным «средством» «производства» культуры и прогресса постиндустриального общества и производством средств производства как главным средством прогресса индустриального общества (в последнем, напомним, именно увеличение индустриального потенциала, постоянного капитала является главным технико-производственным орудием роста общественного богатства).

Иными словами я предполагаю, что в «царстве свободы» формирование «человека культурного» и является своего рода аналогом производства средств производства в «царстве экономической необходимости».

Тем самым, образование и воспитание становятся своего рода «первым подразделением» общественной деятельности в рамках мира культуры.

Соответственно, деятельность по созиданию культурных ценностей как таковых, будь то деятельность ученого, художника, социального новатора и так далее — становится своего рода аналогом «второго подразделения», созданием непосредственных предметов, которые не потребляются, а распредмечиваются в культурном диалоге.

Спецификой творческой деятельности, однако, является не столько разделенность, сколько синкретичная сращенность, слитность этих двух «подразделений», ибо, как уже говорилось, *творчество есть деятельность, в которой одновременно развивается ее субъект и создается культурная ценность*. Эта двойственность есть атрибут творческой деятельности.

Таковы основные слагаемые творческой деятельности, включая ее содержание, «ресурсы», технологию и «средства производства».

Следовательно, «сверхзадачей» будущего социалистического общества является формирование таких общественных отношений, которые бы обеспечивали адекватные социальные формы для решения проблемы, объективно выдвигаемой на первый план процессом «заката» материального производства, — приоритетного развития общедоступной творческой деятельности во всем богатстве ее слагаемых.

В свою очередь, объективные процессы массового развития творческой деятельности становятся важнейшей материальной основой будущего реального освобождения труда, движения к царству свободы.

Данный подход существенно отличен от господствующих ныне представлений о творческой деятельности. Подобно тому как превратной формой культурных ценностей стало производство, распространен-

ние и использование информации, так и *превратными формами творческой деятельности стали «производство» специалистов и развитие информационных* (прежде всего компьютерных) *технологий*, как главных средств жизнедеятельности информационного общества, общества специалистов. Но и то, и другое — всего лишь превратные формы, характерные для современного мира: сохраняющееся господство материального производства, отчуждение пытаются «перевести» творческую деятельность и её компоненты в плоскость традиционного производства материальных благ и потребления.

Такой подход позволяет интерпретировать и теории «революции знаний», «компьютерной революции» и т.п. как характеристики примерно одного и того же процесса: во всех этих случаях речь идет о том, что знания и профессионализм стали своего рода субститутами творческого потенциала человека и его креативных способностей¹.

Безусловно, такой подход вызовет по меньшей мере недоумение среди авторов, пишущих о названных «революциях». Но это не случайно: любая превратная форма характеризуется противоречием между ее подлинным содержанием и самой формой как таковой. Так же и здесь: «революция знаний», «компьютерная революция» — это термины, обозначающие превратные формы. Но эти формы не могут существовать и развиваться без своего содержания, без творческой деятельности и культурного диалога, без формирования творческой личности и ее новаторского потенциала как содержательных процессов, лишь «переворачиваемых» в современном мире с лица на изнанку, превращаемых в деятельность профессионалов, обладающих знаниями.

Это «переворачивание» не случайно: знание и информационные технологии (в отличие от культурных ценностей) могут быть использованы в процессе материального производства и утилитарного потребления (и, соответственно, стать объектом частной собственности, купли-продажи и т.п.). Соответственно, «революция знаний» и т.п. становятся подходящими «именами» для превратных социально-экономических форм, механизмов утилизации растущего творческого потенциала человечества, используемого лишь для прогресса материального производства, а в современном мире и того уже — для прогресса капитала, в том числе - для накопления богатства, развития власти корпораций и т.д., поскольку для всего этого необходимы утилиза-

¹ Обзор работ по проблемам «революции знаний», «общества знаний» и упоминаемого ниже «общества профессионалов», «человеческого (интеллектуального) капитала» и т.п. так же содержится в упомянутых во введении работах О. Антипиной, В. Иноземцева, сборнике «Социум XXI века» и др.

ция знаний, рост профессионализма, постоянное повышение производительности труда.

Мир отчуждения в его современно виде — гегемонии корпоративного капитала — стремиться утилизировать и процесс развития творческого потенциала человека, осуществляемый в сфере образования и формирования нового человека. Закономерно, что и этот процесс реализуется ныне, в мире отчуждения, как правило, *в превратной форме прогресса «общества профессионалов», обучения квалифицированного работника.*

В данном случае формируется не столько творческий потенциал и способность к распределению культурных ценностей, сколько набор стандартных профессиональных навыков, которые человек может и должен реализовывать. Так создаются предпосылки для развития не гармоничного творческого человека, а человека-профессионала, который приспособлен лишь для выполнения частичных функций, жестко подчиненных разделению труда; человека, который обладает соответствующими утилитарными потребностями, диктуемыми достаточно простым набором благ, необходимым для воспроизводства его профессиональных способностей.

Тем самым формирование профессионала, его деятельность и потребление профессионалом массовой культуры или узко профессиональных знаний становятся слагаемыми единого процесса функционирования псевдокультуры, псевдовоспитания и псевдообучения, точнее культуры, воспитания и обучения в превратных формах, характерных для современного информационного общества или общества профессионалов.

При этом было бы по меньшей мере неточным лишь критически воспринимать прогресс профессионализма. В той мере, в какой сохраняется разделение труда и, уже — господство корпоративных (в том числе, капиталистических) структур — в этой мере именно деятельность профессионалов была и остается основой стабильности и прогресса материального производства. Весь вопрос, однако, в том, сколь прогрессивны и перспективны разделение труда и другие атрибуты современного мира отчуждения равно как и сам этот мир в целом.

Наконец, отметим, что в современных условиях, когда творческая деятельность становится важнейшим слагаемым роста производительности труда (и, тем самым, необходимым компонентом современного материального производства), с объективной необходимостью начинают развиваться и *превратные формы творчества*, одной из которых становится искусственная погоня за новизной или, точнее, *погоня за искусственной новизной* материальных продуктов и услуг, ресурсов и утилитарных потребностей. Этот феномен уже был упомянут, но здесь

хотелось бы подчеркнуть: искусственная новизна имитирует творческий процесс там, где на самом деле происходит удовлетворение качественно тех же утилитарных потребностей при помощи относительно новых материальных средств, продуктов или технологий. Причем в ряде случаев меняется даже не действительное материальное содержание продукта или технологии, а всего лишь обертка, чисто внешняя форма, создаваемая рынком для того, чтобы повысить объем продаж.

Подобного рода псевдоновизна характерна не только для производства товаров и услуг на рынке. Она типична для производства по видимости новых услуг в сфере массовой культуры, для создания по видимости новых идеологических установок в области духовного производства и т.д. и т.п.

Итак, «революция знаний» и «общество профессионалов» становятся «именами» превратных форм развития творческого содержания деятельности в условиях рождения нового мира — мира культуры, креатосферы.

Подытоживая сказанное, мы можем предположить (и это еще одна гипотеза автора), что социальной основой «царства свободы» становится креатосфера, сфера, где (1) доминируют творческая деятельность и свободное время — пространство и время свободного всестороннего развития человека — этого объективного детерминанта прогресса царства свободы; (2) творчество становится внутренним стимулом деятельности, что тормозит утилитарное потребление и провоцирует потребности в распрямлении культурных ценностей; (3) репродуктивный труд, узкопрофессиональная деятельность человека, подчиненного общественному разделению труда, ориентированного на утилитарное перепотребление и искусственную новизну уходят в прошлое.

Решение этих грандиозных сверхзадач – *второй «вызов», который отмирающее царство необходимости бросает творцам царства свободы.*

2.3. Смена доминанты: «производство» креатосферы

Если мы можем зафиксировать качественные изменения в содержании труда, материального производства и потребностей, то легко предположить, что такие изменения должны вызывать *существенную трансформацию структуры общественного производства в целом.* Вслед за многими нашими предшественниками мы можем зафиксировать переход от индустриальной системы как вершины материального производства, производства вещей в рамках царства экономической необходимости, к новому типу общественного производства, какому именно – мы поразмышляем об этом ниже.

Переход к «царству свободы» и снятие этих противоречий предполагает развитие нового качества планетарной общественной деятельности. Прежде всего должны произойти соответствующие изменения в самом «царстве экономической необходимости», которое является базисом для «царства свободы» (я еще раз педалирую этот важный тезис).

Каким же может видаться *материальное производство, лежащее в основе царства свободы?*

Прежде всего речь пойдет о *развитии материальных факторов творческой деятельности*. Именно эта сфера должна стать доминирующей в рамках нового материального производства. В данном случае речь пойдет не только об известных феноменах: оборудовании, помещении, ресурсах для научной, художественной и т.п. деятельности, образования и так далее, хотя это достаточно важные параметры. Следует взглянуть на проблему шире: произойдет *формирование особого «заказа» материальному производству, исходящего из потребностей креатосферы*. Этот «заказ» качественно отличен от того, что диктуется утилитарными потребностями.

Пока трудно предположить, какие изменения это вызовет в собственно материальном производстве; мы можем лишь сформулировать данное требование, данную посылку, ибо находимся в преддверии нового типа материальной деятельности, адекватной «царству свободы», но никак не в условиях господства этого нового типа деятельности.

Под влиянием названного выше процесса изменится и «заказ» материальному производству со стороны утилитарных потребностей (последние будут ограничиваться уровнем достаточного, рационального потребления, которое, напомним, служит лишь предпосылкой для решения задач творческой самореализации человека): существенно скорректируются структура и качество потребительских благ, модель и стиль потребления.

Итак, *переход к доминированию творческой деятельности, креатосферы существенно изменяет само материальное производство*.

Не сложно предположить, что постиндустриальное материальное производство должно преодолеть господство механических технологий, базирующихся на широком использовании невозобновляемых природных ресурсов. *«Вызову» нового материального производства будут удовлетворять технологии*, которые позволяют, во-первых, создавать материально-технологические предпосылки для гармоничного развития человека и прогресса мира культуры, креатосферы; во-вторых, не потреблять более невозобновляемые природные ресурсы, сохранять и восстанавливать био-, геоченозы; в-третьих, не повышать затрат совокупного рабочего времени, которым обладает общество, для решения

проблем материального производства, но, напротив, постоянно повышать производительность труда.

По-видимому, для этого нужен переход к технологиям, основанным на использовании более сложных форм движения материи (не механических, но химических, физических, биологических). Как будут развиваться эти технологические процессы — пока трудно предугадать, но понятно, что важнейшими задачами, которые будут решаться при этом, станут *абсолютные ограничения*, характеризующие (1) безопасность этих технологий, (2) *не* разрушение природы и (3) *не* повышение объема рабочего времени, которым располагает человечество.

Генезис «царства свободы», качественные изменения технологии материального производства вызывают существенные сдвиги в *структуре общественного воспроизводственного процесса*.

Достаточно очевидными тенденциями уже являются изменения и сокращения индустриальных и доиндустриальных, а также генезис постиндустриальных технологических процессов.

Гораздо более спорной является теза о необходимости вытеснения и тех внепроизводственных сфер, которые проявляются в результате свертывания индустриального производства в развитых странах, но сами по себе не обеспечивают развития творческой деятельности или обеспечивают развитие творческой деятельности преимущественно в превратных формах. Во всех последних случаях речь идет о *радикальном сокращении «превратного» сектора* — сектора, в котором не создаются ни материальные продукты и услуги, служащие производительному и/или личному потреблению, ни культурные ценности. Этот сектор не обеспечивает прогресс постматериального общественного производства или обеспечивает его лишь в превратных формах.

Сказанное позволяет сформулировать гипотезу: *прогресс креатосферы в современном мире возможен исключительно по мере выдавливания «превратного» сектора, всей деятельности, связанной с обслуживанием собственно превратных форм, опосредующих жизнь и материального производства, и творческой деятельности*.

К этому вопросу мы еще вернемся, сейчас же подведу некоторую черту: *структурные изменения, связанные с рождением креатосферы* и постепенным снятием материального производства как доминанты развития в эпоху царства экономической необходимости могут идти по пути, *во-первых*, вытеснения материального производства (в таких его формах как индустриальная и доиндустриальная деятельность), а также потенциально необходимого вытеснения превратных форм творческой деятельности, осуществляемых в «превратном» секторе.

Во-вторых, эти структурные сдвиги связаны с развитием таких новых технологий в материальном производстве, которые позволяют пре-

одолеть истощение, некомпенсируемое поглощение невозпроизводимых природных ресурсов и разрушение биогеоценозов, а также уйти от технологий, основанных на механических формах движения материи, связанных с подчинением человека разделению труда и прежде всего системе машин.

В-третьих, это прогресс собственно креатосферы, всех ее сфер, связанных с формированием творческого, обладающего новаторским и культурным потенциалом человека; деятельностью в области науки и искусства, социальным новаторством и т.п.

Выше мы уже несколько раз обращались к тем превратным формам, которые приобретают эти структурные сдвиги в условиях современного корпоративного капитализма. Наиболее типичным для обозначения этих изменений является использование таких понятий, как «*общество услуг*», «*информационное*» (или «*постиндустриальное*») *общество*.

Во всех случаях использования этих названий фиксируются действительные, реальные, объективные тенденции вытеснения индустриальных технологий и, шире, материального производства. При этом, однако, не критически, позитивистски отражается процесс создания субститутов, которые как бы «переносят» превратные формы мира экономической необходимости (эти формы были названы выше) в то свободное пространство, которое могло бы быть занято креатосферой.

Пожалуй, наиболее близка по сути к пониманию тенденции вытеснения материального производства гипотеза генезиса *постиндустриального общества*, в которой фиксируется рождение технологий и сфер материального производства, уходящих от собственно машинного производства, индустриальной технологии.

Что же касается более «продвинутых» вариантов теории постиндустриального общества (последняя становится нынче все менее и менее «модной»), то здесь следует, пожалуй, обратить внимание на многочисленные вариации на темы «информационной революции», «*информационного общества*», («общества знаний») и т.д. — выше я упомянул о наиболее известных западных работах на эту тему).

В данном случае следует обратить внимание на *компьютерную революцию*, поскольку прежде всего с этим феноменом связаны наиболее радикальные современные технологические сдвиги. Суммируя разбросанные выше по тексту замечания о превратных формах, которые приобретает компьютерная революция в современном мире, хотелось бы подчеркнуть, что вследствие фетишизации информации как превратной формы культурных ценностей развивается *фетишизация именно компьютера как главного средства, иногда самоцели и главного орудия тех изменений, которые происходят в современном мире*.

При этом не случайно, что изменения, связанные с развитием компьютерных технологий, происходят, главным образом, в сферах «удвоенных» превратных форм о которых шла речь выше. Сюда как бы переносятся законы «царства экономической необходимости». И хотя эти сферы неадекватны для креатосферы, в них развиваются механизмы, лежащие «по ту сторону» материального производства. Теория «компьютерной революции» фиксирует эти процессы, но в весьма специфической форме.

В связи с анализом превратных форм структурных сдвигов, порождаемых генезисом «царства свободы» особо важно прокомментировать уже упоминавшуюся теорию «общества услуг».

Здесь как раз фиксируется активное и всё убыстряющееся развитие субститутов креатосферы, характерных для современного общества. Именно в сферу услуг включаются все те отрасли, где не создаётся материальный продукт, и где сегодня, в основном, осуществляется функционирование многочисленных субститутов креатосферы. Это такая деятельность как обработка информации в процессе и с целью осуществления трансакций; все сферы, связанные с деятельностью государственного аппарата, институтов охраны прав собственности, парирования так называемого оппортунистического поведения; обслуживание жизнедеятельности человека (сюда входит, с одной стороны, обслуживание искусственно создаваемых утилитарных потребностей, а с другой — часть креатосферы: медицина, образование, наука, рекреация человека и природы, т.е. особая часть сферы услуг, которая выходит за пределы ее превратных форм) и т.д.

За понятиями «сфера услуг» и «материальное производство» скрывается крайне неоднородная совокупность сфер. Если в качестве критерия прогрессивности структуры общественной деятельности принять меру продвижения от материального производства к креатосфере, да еще и с учетом формирования такой превращенной формы этого процесса как «превратный» (фиктивный) сектор, то весьма сомнительными окажутся многие принятые ныне тезисы.

Во-первых, окажется, что критерий «постиндустриальности» как неявно применяемая мера развитости обществ (в частности, один из критериев «отрыва» первого мира от остальных) по меньшей мере недостаточен, ибо не учитывает такого важнейшего параметра как сфера (а значит — мотивы, цели и социальные, экологические, гуманитарные *результаты*) использования этих технологий.

Во-вторых, по существу неправомерным окажется типичное для многих авторов сближение (а то и прямое отождествление) постиндустриального сектора и сферы услуг. Последняя включает огромный пласт доиндустриальных и индустриальных видов деятельности. Кроме

того, нельзя забывать и о том, что в отраслях материального производства (промышленность, транспорт и т.п.) ныне весьма развиты постиндустриальные технологии.

В-третьих, наиболее важными с точки зрения прогресса (экономического, социального, гуманитарного) окажутся не те отрасли, где максимально используются информационные и иные высокие технологии, а те, где в наибольшей степени обеспечивается простор для ростков креатосферы (названные два критерия лишь частично совпадают), а не «превратного» сектора, т.е. общедоступного образования и воспитания (прежде всего, в детских садах и школах), здравоохранения, подлинных науки и культуры, а не финансовых спекуляций, маркетинга, массовой культуры и бюрократического управления.

Перечень следствий несложно продолжить, но главное для нас сейчас в том, что все они обусловлены обосновывавшейся выше гипотезой. Она же, напомним, показывает, что именно креатосфера, а не сонм многократно упоминавшихся выше превращенных форм, есть прогрессивный наследник развития материального производства¹.

Итак, концепция «общества услуг» может быть в целом охарактеризована как отражение процесса замещения своего рода «свободного места» (которое образовалось вследствие резкого сокращения в развитых странах материального производства) «превратным» сектором, лишь частично обеспечивая развитие собственно креатосферы, да и то преимущественно в отчужденных формах.

Прокомментирую последний тезис. Развитие *отчужденных форм собственно креатосферы* связано с тем, что и наука, и образование, и искусство, и рекреация человека и природы, равно как и научное управление обществом (а последнее является сегодня компонентом любой экономики, любой социальной системы) — все эти сферы становятся механизмами, обслуживающими процесс функционирования корпоративной рыночной экономики и адекватных для неё политических систем, духовных ценностей, идеологии.

Снятие этих превратных форм предполагает развитие двух глобальных процессов в рамках перехода от эпохи господства материаль-

¹ Для прогресса культуры адекватной социальной формой должны стать отношения совместного сотворения, созидания и использования общественных форм, имеющих неотчужденное содержание и природу. Этот процесс автор (вслед за десятками представителей творческого марксизма) назвал в своих работах (См., например: Бугалин А.В. Это сладкое слово свобода...// Свободная мысль, 1999, № 9, 12) *ассоциированным социальным творчеством*, когда люди совместно, сами, не прибегая к внешним механизмам (товарам, деньгам, корпоративным структурам и так далее), создают свои общественные отношения (формы общения), совместно творят свою историю при помощи той культуры, которой они обладают.

ного производства к эпохе господства креатосферы. Первый — уже названный процесс превращения природы в культурную ценность и перехода к ноосферному типу воспроизводства. Второй — прогресс креатосферы, мира, в котором творческая деятельность во всех ее ипостасях становится основной сферой, где сосредоточен основной человеческий потенциал, где формируются важнейшие целевые установки, ценности и мотивы.

Для обоих процессов адекватной формой социальных отношений должны стать отношения совместного сотворения, созидания и использования общественных форм, имеющих неотчужденное содержание и природу.

Этот процесс мы назвали выше *ассоциированным социальным творчеством*, когда люди совместно, сами, не прибегая к внешним механизмам (товарам, деньгам, корпоративным структурам и так далее), создают свои общественные отношения (формы общения), творят свою историю совместно при помощи той культуры, которой они обладают (Это в полной мере понимали все творческие марксисты, вплоть до В.И. Ленина).

Впрочем, все это скорее абстрактные предположения. Вопрос о том, как осуществляется это опосредование, требует специального рассмотрения.

Сейчас же мы можем зафиксировать третью гипотезу: *превращение креатосферы в социальную основу прогресса обусловит* (1) качественные изменения в самом материальном производстве, сделав его «службой» мира со-творчества; (2) превращение пространства и времени формирования творческого потенциала личности («I подразделение») и создания культурных ценностей («II подразделение») в основные сферы жизнедеятельности *всех членов общества*; (3) процесс социального творчества как общедоступной (всеобщей) общественной формы развития креатосферы; (4) выдавливание превратного сектора и выход из тупика «общества услуг».

Эти императивы — объективны; созидание социальных отношений, адекватных для достойного ответа на них — такова очередная «сверхзадача», стоящая перед будущим обществом, таков еще один вызов творцам царства свободы.

В свою очередь объективные процессы разворачивающихся ныне (и описанных выше) структурных изменений, ведущие к рождению мира, лежащего «по ту сторону» материального производства, — это объективная основа для генезиса и развития новых общественных отношений царства свободы.

В заключение этого раздела подчеркну: *рождение ноосферы и креатосферы, вытеснение собственно материального производства —*

это процессы, которые только начались в современном мире. Мы отслеживаем лишь первые шаги, которые неизбежно связаны с появлением достаточно уродливых, иногда мутантных форм, и сегодня мы можем лишь с большим трудом продираться через эти довольно уродливые облики новых феноменов, их превратные формы, пытаясь вычленивать их зародыш, понять их действительное существо.

Более того, рождение ноосферы и креатосферы происходит сейчас *крайне неравномерно*, и мы можем фиксировать в ряде случаев лишь необходимость появления этих сфер, но не их торжество.

3. Вызовы социализму: «закат» социально-экономических отношений отчуждения

3.1. Пострыночное общество: на пути к сознательному регулированию распределения ресурсов и пропорций

Заголовок этого подраздела¹ отражает лишь финальную стадию эволюции социально-экономических форм распределения ресурсов. Она достигается лишь в той мере, в какой будут сняты отношения отчуждения. Исходным пунктом генезиса отношений координации, аллокации ресурсов (как уже было отмечено во введении к этой части), были дорыночные отношения, основанные на натуральном хозяйстве, при наличии механизмов волевого «внеэкономического» распределения ресурсов (такие как война, насилие, иерархическое принуждение и многое другое). Более того, натуральное хозяйство также предполагает

¹ Проблема будущего общества (социализма) как не-рыночной социально-экономической системы имеет очень давнюю историю. Что касается западных марксистов, то ее обзор можно найти в книге одного из наиболее сильных теоретиков этого направления - Э. Мандела «Власть и деньги» (М., 1992). Что касается ученых СССР, то здесь спор «рыночников» и «антирыночников» имеет очень долгую историю. Автор вырос в рамках последнего направления, одним из выдающихся представителей которого был Н.В. Хессин (См.: Хессин Н. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968). В большинстве случаев снятие рынка рассматривалось как процесс, обусловленный прежде всего обобществлением производства. Идея не-рыночного характера будущего коммунистического труда (всеобщего и автоматизированного, преодолевающего разделение труда) казалась очевидной.

Автор тоже отдал дань этой традиции написав объемистую рукопись «После рынка» (она была подготовлена к печати в издательстве «Экономика» в 1990 году, но после путча 1991 года не смогла увидеть свет), в которой постарался показать как формальное и реальное обобществление, а затем формальное и реальное (базирующееся на господстве творческой деятельности) освобождение труда позволяют снять товарные отношения.

специфический обмен деятельностью и соединение производителя с потребителем, причём механизм этого взаимодействия как правило регулируется традицией, то есть во многом доэкономическими отношениями.

Мы упоминаем эти механизмы аллокации ресурсов потому, что царство свободы лежит «по ту сторону» не только рынка, но и всех форм отчужденных отношений, которые регулируют распределение ресурсов и взаимодействие производителя с потребителем. Более того, в процессе снятия рыночных отношений возможно вторичное, точнее повторное рождение добуржуазных форм распределения (аллокации) ресурсов. Снятие же тех и других механизмов (как дорыночных, так и рыночных) представляет собой немалую теоретическую и практическую проблему¹.

Кроме того, механизм снятия рынка может порождать мутантные, превратные формы возникающих новых пострыночных отношений (именно такими, на мой взгляд, были отношения так называемого бюрократического планирования и регулирования в «командной» экономике). Данная работа — не место для их анализа, автор посвятил этому немало специальных работ, в том числе небольшую брошюру «Анатомия бюрократизма» (М., 1988), написанную совместно с Андреем Колгановым, где достаточно подробно рассмотрены эти феномены. Наша же задача сейчас — посмотреть, что именно и как снимается и что именно приходит на смену экономическим отношениям, определяющим способ связи производителей и потребителей, распределение ресурсов, пропорции и т.п.

Ключом к решению этих проблем послужит следующий тезис: *независимые от человека, неподвластные ассоциированным, объединённым людям распределение ресурсов, поддержание пропорций, определение затрат труда* и так далее должны уступить и уступают место *сознательному регулированию этих процессов*.

Данная точка зрения является более чем спорной, но она имеет определённые основания.

Среди них — наличие на протяжении всего двадцатого века *нелинейной тенденции к возрастанию роли сознательного регулирования экономической жизни*. Я хочу подчеркнуть, что эта тенденция, безусловно, является нелинейной, и в последние десятилетия двадцатого века наблюдается скорее отступление от предшествующей линии возрастания сознательного регулирования. Но это отступление далеко не абсолютно. Имеющий сегодня место своеобразный «ренессанс» рынка

¹ Я постарался дать ее краткую интерпретацию в работе «Переходная экономика» (М., 1994, разд. 2).

(он связан с определёнными причинами, о которых мы ещё будем размышлять ниже) отнюдь не перечеркивает то, что в экономике практически всех стран (а особенно развитых) существует *система разнообразных механизмов, обеспечивающих сознательное воздействие на экономику*. Рассмотрим их чуть подробнее.

Во-первых, сформирован блок достаточно жёстких социальных, экологических и гуманитарных нормативов, которые ограничивают рыночные отношения и касаются качества продукции, параметров деятельности и условий использования рабочей силы, природной среды и т.п.

Во-вторых, существует система сознательного регулирования экономики со стороны государств и наднациональных институтов, а также муниципальных органов, которые формируют программы, планы, другие механизмы сознательного воздействия на экономическую жизнь. Это воздействие носит косвенный характер, но по ряду параметров оно оказывает влияние на экономику отнюдь не меньшее, чем рыночная конкуренция.

В-третьих, крупнейшие корпорации на протяжении последнего столетия доказали свою способность косвенно, частично, локально, но мощно регулировать и контролировать определенные сегменты рынка (последнее особенно характерно для деятельности ТНК в ряде развивающихся стран). Антимонопольное же регулирование (а) само является сознательным воздействием на рынок и (б) лишь ограничивает (но не устраняет полностью) влияние ТНК.

Наконец, весьма значительный объём экономических ресурсов, значительная часть пропорций на так называемом микроуровне сегодня также являются объектом сознательного регулирования. При этом понятие «микроуровень» в ряде случаев достаточно условно. Подчас это уровень внутренних экономических отношений крупнейших транснациональных корпораций, где объём производственной деятельности и, соответственно, обмен этой деятельностью, распределение ресурсов, пропорций и так далее исчисляются десятками миллиардов долларов и сопоставимы с масштабами небольших государств. В рамках этих корпораций существует достаточно четкое стратегическое планирование, которое предполагает наличие внутренних нормативов, трансфертных цен, чёткого распределения ресурсов, единой системы управления (степень ее централизации — второй вопрос; тезис о самостоятельности звеньев как атрибуте сознательного регулирования был давно обоснован).

ван¹), формирования контингента менеджеров вплоть до целостной стратегии, идеологии, культуры и традиций фирмы.

Но мы не будем увлекаться: в данном случае задачей было лишь упоминание о том, что сознательное регулирование является одной из тенденций, которые характерны для сегодняшнего мира, где конкуренция во многом ограничена.

В то же время главные проблемы в исследовании процессов снятия рыночных отношений в результате развития креатосферы лежат «по ту сторону» традиционных экономических вопросов соотношения плана и рынка². Речь пойдёт о более глубоких закономерностях.

Если же вернуться к материальному производству, то можно зафиксировать, что процесс обобществления труда и производства, как закономерность развития индустриального общества, равно как и генезис креатосферы создают предпосылки для *снятия содержания и формы товарных отношений*.

Начнем с первого и напомним: *противоречие обособленности производителей и их общественной взаимозависимости* (независимость, частный труд обособленных лиц — с одной стороны; их всеобщая зависимость, диктуемая разделением труда, общественным характером труда — с другой) *является сущностным и лежит в основе товарного отношения*³.

Прогресс обобществления и связанный с ним «подрыв» этой связи (во всяком случае, одной из ее сторон – обособленности производителей) позволил ученым марксистской ориентации сделать вывод о том, что на смену рыночной обособленности производителей приходит их взаимозависимость (этот вывод мы уже сформулировали выше), а эта взаимная зависимость хозяйственных звеньев требует сознательного регулирования процессов поддержания пропорций, обмена ресурсами, деятельностью, продуктами.

При этом следует заметить, что сознательное поддержание пропорций лишь в условиях бюрократического планирования приводило к «экономике дефицита» и их консервации или волюнтаристическому изменению. В принципе требованием обобществленного производства

¹ См. названные работы Н.В. Хессина и нашу работу с А. Колгановым «Реализация общественных интересов» (М., 1985).

² Обращу внимание, что развернутое обоснование такого подхода дано в работах В. Иноземцева. При этом, на мой взгляд, автор совершенно неправомерно и без всякого анализа игнорирует проблему снятия рыночных отношений по мере роста обобществления.

³ Любопытно: западные исследователи-марксисты фактически игнорируют это противоречие, хотя оно было очевидно подчеркнуто в работах Маркса и Ленина; этот аспект был подробно раскрыт в названной выше работе Н. Хессина.

является не консервация определенных пропорций (или в ряде случаев диспропорций) и образование «экономики дефицита», но развитие противоположного процесса – процесса гибкого изменения пропорций в соответствии с изменяющимися общественными потребностями при помощи механизмов сознательного регулирования.

В свою очередь, механизмы сознательного регулирования предполагались как сложная система методов воздействия на экономику развивающихся, начиная с простейших форм массового учета и контроля через косвенное и прямое регулирование экономики в краткосрочном периоде до планирования, которое соединяет в себе как прогноз и индикативные регуляторы долгосрочного характера, так и собственно директивы, принимающие форму государственного заказа (последний, кстати, существует практически во всех странах). Если этот государственный заказ принят производителем, то он становится обязательным для выполнения и определяет программу деятельности сложного производственного комплекса на определенный (среднесрочный или долгосрочный) период.

«Горжество» рынка, связанное с ренессансом неолиберализма в конце XX века, во многом подрывает эту тенденцию (имеется в виду тенденция развития сознательного регулирования экономики), во всяком случае, проблемизирует ее, но не отрицает вовсе.

Подведем промежуточный итог: для развитого индустриального производства можно считать хотя бы отчасти обоснованным вывод, что процесс обобществления предполагает снятие апостериорного саморегулирования, основанного на конкуренции, стихийном столкновении и соединении в процессе обмена продуктов труда обособленных производителей.

При этом надо отметить, что процесс обобществления трактовался в марксистской литературе двояко: как процесс реального и формального обобществления. Под последним понималось создание общественной формы, которая обеспечивала бы социально-экономическую (на практике, в мировой социалистической системе она практически с момента своего возникновения развивалась в мутационном, бюрократическом виде) взаимосвязь между отдельными хозяйственными звеньями. Формальное обобществление само по себе, без развития достаточной базы для этого процесса противоречиво и подчас отрицательно влияет на процесс интеграции производства, хотя и позволяет решать ограниченный круг задач, например, ускоренного развития оборонного комплекса, как это было в СССР, начиная с 30-х гг.

Реальное же обобществление (процессы соединения в единую взаимосвязанную и гибкую макроэкономическую систему конкретных видов труда, технико-производственная интеграция хозяйственных

звеньев, формирование материально-технических основ единой макроэкономической системы) характерно не только для развитого индустриального производства, но в еще больше степени – для производственных процессов, лежащих в основе «царства свободы», использующих постмеханические формы движения материи. Типичный пример – единые энергетические системы, существующие в ряде стран на макроуровне.

И последняя важная ремарка: марксистская парадигма предполагает, что для развитого материального производства, где происходит переход от индустриального типа деятельности к деятельности, основанной на использовании постмеханических форм движения материи, развитие процессов обобществления может и должно протекать при *подвижности, гибкости, но растущей взаимозависимости производственных систем*.

Однако процесс снятия товарных отношений, с точки зрения марксистской теории, связан не только с процессом обобществления, но и с гораздо более масштабными, глубокими процессами генезиса «царства свободы». Характерный для рынка труд обособленных, независимых от других производителей; труд, создающий материальные продукты, вещи, — такой труд оказывается неадекватен развертывающимся в массовых масштабах с конца XX века тенденциям развития творческого содержания труда, генезиса креатосферы.

Дело в том, что, как уже было отмечено, с точки зрения марксистской парадигмы, товарное производство подразумевает обособление труда, а также отчуждение продуктов (результатов) и мотива деятельности от непосредственного производителя, в то время как творческий труд по своему содержанию является всеобщим и предполагает, что мотив деятельности и ее цель состоят в развитии человека в процессе труда, в процессе сотворчества, опредмечивания и распредмечивания культурных ценностей, и этот результат не отчуждаем¹.

Сказанное позволяет сделать вывод: в процессе генезиса «царства свободы» *отрицание сущностных сторон товарного производства идет по двум руслуам*.

Первый процесс происходит в рамках собственно материального производства, по мере приближения его к постиндустриальной стадии, по мере прогресса его обобществления.

¹ Данный давно известный в марксизме тезис достаточно подробно рассмотрен в упомянутой выше в книге В. Иноземцева «К теории постэкономической формации», где автор привел традиционные и оригинальные аргументы в пользу снятия товарного производства по мере развития постэкономической реальности.

Второй — связан с развитием творческого содержания труда, с генезисом деятельности и отношений, лежащих собственно «по ту сторону» материального производства, переходом к доминированию креатосферы, мира культурных ценностей.

Продолжим наши размышления. Если творческий труд не требует признания своей общественной значимости через отчуждение результата труда, вещи, ее обмена на другую вещь, то здесь налицо *снятие формы стоимости*.

Существенно, что в рамках первого процесса снятия рынка, связанного с обобществлением труда и производства, на смену выражению общественной необходимости труда в вещи, потребительной стоимости другого товара через обмен, колебание спроса и предложения и т.д. должно прийти нормирование труда¹.

В рамках второго процесса снятия товарных отношений, в частности, формы стоимости, прогресс творческого содержания труда приводит к тому, что общественная необходимость такого труда и его результат не требуют особого выражения ни в деньгах, ни в нормах. Результатом творческой деятельности является, как уже многократно подчеркивалось, не только новая культурная ценность (программа, книга и т.д.), но и развитие самого автора, творца. Такая деятельность получает признание своей ценности как на индивидуальном уровне (через саморазвитие автора), так и в общественном масштабе (через распремечивание созданных данным творцом культурных ценностей) непосредственно².

Она предполагает снятие общественного разделения труда и подразумевает диалектическое *отрицание закона стоимости* как закона, который регулирует распределение труда по сферам деятельности и пропорций между ними.

¹ Развитие нормативного регулирования в народнохозяйственном масштабе стало реальностью, хотя и имело превратные формы бюрократического формального регулирования в бывшей социалистической системе, в частности, в СССР. Эти отношения достаточно развиты на внутрифирменном уровне в современных крупных корпорациях.

² Отмечу наличие интересной проблемы: в рамках «переходного периода» к царству свободы существует проблема проникновения в жизнь последнего элементов «экономической необходимости». Так, проблема оплаты деятельности творца неразрешима ни на основе принципа «по труду», ни на основе рынка: оба подрывают принципы «царства свободы» (эти тезисы весьма спорны и вообще-то требуют большей, чем в данном тексте, аргументации). Остается лишь путь нормативного распределения, обеспечивающего творцу удовлетворение всех тех его утилитарных потребностей, которые обусловлены необходимостью создания достаточных предпосылок для творческой деятельности.

Что же касается мира культурных ценностей, то здесь распределение труда по сферам деятельности регулируется, как мы уже заметили, иными закономерностями их общественного признания, значимости. *Ценность культурного феномена тем выше, чем большее количество других лиц вступает в диалог с продуктом вашей деятельности, использует его для своего развития, для своей творческой деятельности.* Для нас существенно, что *механизм общественного признания результата творческого труда, опредмеченного в некотором материальном носителе, может быть реализован лишь через диалог со-творцов, лишь в процессе сотворчества.*

Что же касается другого результата творчества — саморазвития субъекта этой деятельности, то здесь индивидуальная оценка, самооценка тождественна социальному признанию. Если этот человек — субъект творческой деятельности — сам развивается в деятельности, то и сам он является ценностью. Вступая в диалог с ним, вы можете признать общественную значимость его творческого труда, «доказывая» тем самым, что его творческая деятельность была не случайной, что он, как личность, как «человек культурный», действительно целен и достоин общения. Последние тезисы касаются любой творческой деятельности, в том числе воспитательной и образовательной.

* * *

Завершая, хотелось бы подчеркнуть, что над сущностными ключевыми производственными отношениями в царстве экономической необходимости «надстраиваются» «вторичные» и «третичные» производственные отношения, где взаимодействие экономических лиц строится по поводу деятельности, использующей в качестве своего предмета социальные формы продуктов и услуг. Примеры таких отношений я уже приводил неоднократно, характеризуя «превратный» сектор. Именно здесь в наибольшей степени проявляются отношения отчуждения, и именно здесь на смену безличным институциональным формам («хозяйственному механизму») должны прийти новые отношения общественного управления, непосредственного социального со-творения нового мира в процессе свободного ассоциирования людей¹.

Как именно могут строиться эти отношения, в которых «хозяйственный механизм», как отчужденная форма, снимается прямым взаимодействием людей в процессе общественного учета, контроля, регулирования, самоуправления — это важный и сложный комплекс про-

¹ Идея трактовки социалистического «хозяйственного механизма» как отчужденной, превратной формы межличностных отношений управления была высказана в кандидатской диссертации Ю. Сеяранова еще в 1989 году.

блем, которые мы, тем не менее, обсуждать не будем, поставив здесь многоточие и, оставив вопрос пока открытым. Лишь еще раз подчеркнем, что на место овещенных, институциональных форм «хозяйственного механизма» должны прийти формы непосредственных субъект-субъектных отношений в области организации социальной жизни (в том числе и в области сохраняющегося материального производства).

На этом мы закончим наши эскизные размышления по поводу системы производственных отношений, которые снимаются по мере развития нового мира, — царства свободы, лежащего «по ту сторону» собственно материального производства.

Кризисный и стабилизационный тип теоретического сознания: версия Ю. Н. Давыдова

Наивысшим профессиональным достоинством ученого в области науки об обществе является, по-видимому, историческое чутье. Этим таинственным качеством известный советский философ-марксист Э. В. Ильенков обладал в полной мере, придавая особое значение последовательной борьбе с *позитивизмом*, в котором он усматривал главного противника марксистского мировоззрения. Так и получилось, что победа позитивизма обернулась, в конечном счете, трагедией и для него самого, и для всего нашего общества. Драма его последней книги подтверждала тот факт, что для «реального социализма», как и каким он сложился к тому времени, тридцать восьмым символом веры, на который он ни в коем случае не позволял покушаться, стал как раз позитивизм. Он, как раковая опухоль, постепенно, но беспощадно проник во все уголки общественной жизни и, в первую очередь, в теорию.

Логическим и историческим завершением позитивистской трансформации нашего общества явился *антикоммунизм*, развернутый как по всему идеологическому фронту, так и на ниве практики, пустившейся догонять «историю» оригинальным образом, пристроившись в отсыхающем либеральном хвосте западного общества полуторавековой давности. Но у либерализма теперь свои проблемы, главная из которых состоит в том, что он себя исторически исчерпал. Это, однако, вовсе не значит, что кому-то в совершенно других исторических условиях удастся пройти путь европейских государств. Надо быть очень необразованным или наивным человеком, чтобы всерьез поверить в возможность такого повторения... Или очень хитрым, чтобы под либеральные лозунги быстро и, не оглядываясь, состряпать свои делишки. На самом деле, по видимому, имело место и первое, и второе. Хитрость не требует особого образования, и можно было искренне, до слез и всем сердцем, верить в либеральные ценности, не забывая при этом загрывать руками.

Наука при этом, как и всегда раньше, выполняла вполне практическую функцию. Больше десяти последних лет теоретической работы в общественной и экономической науке ушли в нашей стране в песок антикоммунизма. Третировать марксизм, обвиняемый во всех ужасах тоталитарного режима, стало таким же расхожим штампом, как в прежние времена обращать внимание на историческое значение последнего Пленума ЦК. Причем, энергия и пафос антикоммунизма временами становились настолько судорожными и активными, что вызывали на-

стороженность. Складывалось невольное ощущение того, что вся «духовная элита» постсоветского общества хлебала из одной чашки, жадно пожирая разлагающиеся куски еще недавно почитаемых почти абсолютными истин, сдабривая их крохами с чужого стола и любимыми специями, ценность которых измерялась лишь тем, насколько далеко их прежде держали от марксистской кухни.

В каком-то комическом фильме 70-х годов герой серьезно и с обидой замечает: «У нас в Шотландии по одному поводу два раза не шутят». На это с не меньшей обидой и сожалением придется признать, что «у нас в России, не стесняясь, шутят даже больше, чем два раза». Мы уже вспоминали, что можно на пафосе абсолютно ложной, но искусно сформулированной альтернативы выиграть президентские выборы в огромной стране, навязав всему обществу несуществующий вопрос и заверив при этом, что забит «последний гвоздь в крышку гроба коммунизма». А потом можно несколько лет подряд вытаскивать этот гроб и гвозди из его крышки, и опять пугать весь честной мир тем же жуе-лом.

И все же энергия антикоммунизма близка к выдыханию. Причем формально уже потому, что нынешняя общественная система, если ей даже серьезно приписывать системное достоинство, становится *органичной*. Она все более воспроизводит свои предпосылки как следствия своего функционирования. Поэтому чем дальше, тем в меньшей степени происходящее может объясняться «тяжелым наследием социалистического прошлого». Вследствие этого источник негативной каузальности все более смещается в сторону более абстрактных эвфемизмов типа «советской ментальности». Приходится теперь на нее списывать причины наших неудач¹.

Но на мельницу антикоммунизма льет воду также то, что закономерным образом в истории задача часто возникает одновременно со средствами ее разрешения. Чем более жалким и унижительным становится положение бывшей сверхдержавы в мировой экономике и политике, чем катастрофичнее уровень обнищания ее населения и утрата ею своего военного, промышленного, научного, образовательного и культурного потенциалов, тем сильнее дает о себе знать чувство национального самосохранения. Все отчетливее становится ощущение того самого дна кризиса, твердая и безжизненная почва которого проясняет сознание и объединяет нацию, сообщает ей решимость, волю и понимание того, что принципиально изменить что-либо она может только своими *собственными* руками и головой.

¹ Рац М., Ойзерман М. Советская ментальность как причина кризиса // Власть, 1998, № 10-11, с. 30-36.

В прояснении сознания, т.е. головы, как известно, решающая роль принадлежит науке, а в ней самой — ее методологии. Ничтожность и примитивность последней также, очевидно, достигла той черты, за которой уже нет ничего, кроме обыденного сознания, наличной фактичности и их охранника — позитивизма в лице наивной и продолжающей блекнуть перед лицом суровой исторической реальности, чужой поваренной книги либеральных рецептов. Она, конечно, еще может, напрягаясь, принимать respectable вид практической науки, занимающейся не абстрактными принципами, а конкретным делом. Но это не меняет ее сути. Она, по своему определению, остается служанкой *ограниченных, наличных интересов*. Положение такой науки усугубляется тем, что сами эти интересы сиюминутны и ничтожны, а потому и ее роль, в конечном счете, сводится лишь к тому, чтобы «придавать возможно более ученый вид сумбурным представлениям банкиров Ломбард-стрит». Совершенно конкретным последнее замечание могут сделать названия других улиц, тех, что внутри Садового кольца.

На критику марксизма были брошены все теоретические силы, достаточно разной весовой категории, и поэтому в среднем планка антимарксизма располагалась очень невысоко. Внимания заслуживают лишь отдельные экземпляры, на одном из которых мы и считаем необходимым сосредоточиться. Речь пойдет о Ю.Н. Давыдове, известном социологе, а в прошлом видном философе-марксисте, который со всей определенностью высказывается по поводу своего сегодняшнего отношения к прошлым «заблуждениям». Причем в разряд «заблуждений» у Давыдова попал не только классический и догматизированный официальный марксизм, но и его современная западная интерпретация, идущая через А. Грамши, Г. Лукача и Е. Корша к М. Хоркхаймеру, Т.В. Адорно и Ю. Хабермасу. Он относит теперь марксизм и все его разновидности к *кризисному типу теоретического сознания*, которому противопоставляется *стабилизационный тип*. Соответственно, деструктивному этапу эволюции теоретической социологии у него противостоит конструктивный.

Данный тезис автор развивает в контексте, касающемся эволюции теоретической социологии в XX веке, о чем идет речь в одноименной статье¹. Основное содержание такой эволюции Ю.Н. Давыдов усматривает в существенно важной и недостаточно учитываемой роли, какую сыграли в судьбе теоретической социологии в XX веке два «больших», можно даже сказать «общих», если не тотальных, кризиса, поставивших под вопрос ее фундаментальные постулаты². Главным виновни-

¹ См.: Социологические исследования. 1995. № 8. С. 53-59.

² Там же.

ком фактически *перманентного* кризиса теоретической социологии, сублимируемого автором статьи до уровня кризиса миропонимания или мирозерцания вообще, объявляется «выдвижение на авансцену западной культуры совершенно особого типа общественного сознания, а именно кризисного сознания, в атмосфере которого до предела заострялись все иные антиномически-конфликтные теории, до поры до времени скрывавшиеся в культурной «подпочве»¹.

Кризисное сознание здесь фактически идентифицируется с марксизмом и его продолжением в неомарксизме. Расширяя исторические рамки этого типа сознания, Давыдов относит к нему также «просветительство» в лице Ж.-Ж. Руссо, который тоже стремился превратить теорию социального *порядка* в теорию социальной *революции*. Но основной пафос критики Давыдова все же направлен на марксизм. Что касается *стабилизационного*, а значит конструктивного направления в социологии, собственно и придающего ей статус науки со своим предметом, что, кстати, до сих пор оспаривается критическими теориями, то оно, по мнению Давыдова, ведет свое начало от социологии Огюста Конта. Эта социология как раз и явилась реакцией на просветительскую идеологию, ввергнувшую Францию в анархию и революцию. Вся эта эпоха и была определена О. Контом как кризисная.

Давыдов пишет, что «социологии, которую выстраивает О. Конт, предстояло сыграть решающую роль в преодолении кризисного состояния, утвердив органические начала стабилизационного сознания с его пафосом социального порядка и согласия (консенсуса)»². Прямая противоположность этому конструктивному принципу, которая превращает порядок в социальный беспорядок, согласие в раздраз, а интеграцию в дезинтеграцию, есть «принцип преднамеренного дезинтегрирования общества через социальную революцию». И это последнее, согласно Давыдову, вылилось в конечном счете в марксистскую концепцию *социального отчуждения*, которое понималось как искажение «подлинно человеческого состояния».

В качестве примера такого рода отчуждения у Ж.-Ж. Руссо, И.-Г. Фихте и К. Маркса, продолжает Давыдов, «предстал существующий социальный порядок, хотя только последний превратил его в основополагающий социально-философский принцип социально-экономической теории»³. Истоки так называемого кризисного сознания определяют его эволюцию от Т. Гоббса до К. Маркса в XVII-XIX вв., «а уже со второй половины XIX в. общественная наука предстает постоянно расколотой

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, с. 56.

на две версии — стабилизационную и кризисную, противостоящие друг другу настолько радикальным образом, что научное с точки зрения одной из них, представлялось ненаучным с другой»¹.

Мы поспешим объяснить наше особое внимание к цитируемой и пересказываемой статье Ю.Н. Давыдова тем, что усматриваем в ней *программный* характер и очень точное представление сути марксизма и его неомарксистской версии. Автор, опубликовавший еще в 1962 году книгу «Труд и свобода», уж безусловно понимает что такое «отчуждение». И его тоска по недостатку позитивизма, исполненного «духа стабилизации и согласия», которому до сих пор не удается вытеснить в науке всякий подлинно критический дух или марксизм, неискренняя. Ведь никому другому, а именно ему удалось создать в советской научной литературе целое направление позитивного изложения западных модных и запретных авторов в форме «критики буржуазных концепций». Критика на самом деле ничего не стоила, поскольку была лишь формой легальности, да и глубины содержания излагавшихся авторов проверить никто не мог. Многим ли смертным открывались двери спецхранов?

Псевдомарксистская критика была заведомо дана и оставалось лишь «провести свой груз под чужим флагом». Интеллектуальная планка этих опусов, выпущенных на самой хорошей бумаге, могла располагаться очень невысоко, спрос же был заранее обеспечен. Что бы ни писалось: читайте и будьте рады, что вы что-то узнаете о М. Вебере или Т.В. Адорно. Это же давало возможность не участвовать в острых идеологических спорах. «Сел на Гуссерля» и никаких неприятностей, и публикация, и интерес публики, и какой-никакой гонорар. Чем не позитивный образ жизни, «исполненный духа стабилизации и согласия»?

Но в статье об эволюции социологии Давыдов сам полон критического духа в отношении критических теорий. Он вспоминает тезис К. Ясперса о трех «противоразумах» XX века, куда, наравне с расизмом, входят марксизм и фрейдизм. Два последних образуют леворадикальную неомарксистскую версию «кризисного сознания», которая возникает на излете первого общего кризиса мировоззрения, но которой предстоит далее сыграть решающую роль в эпоху второго, в качестве его катализатора. Ряды неомарксистов крепнут, к ним примыкают теперь «не только теоретики Франкфуртской школы (Хоркхаймер и Адорно, Маркузе и Фромм), — пишет Давыдов, — но и левые экзистенциалисты, а именно Ж.П. Сартр, которого экзистенциально ориентированный философ и социолог М. Мерло-Понти назвал «ультра-

¹ Там же.

большевиком», да и он сам. В атмосфере небесконфликтного взаимодействия фрейд-марксизма Франкфуртской школы, экзистенциал-марксизма Сартра и феноменологического марксизма Мерло-Понти уже начинался процесс кристаллизации той взрывчатой смеси, которую нельзя определить иначе, как «социологический радикализм», с самого начала обнаруживавший тенденцию к распрямечиванию социологии, что и определило теоретико-методологическое содержание ее второго, всеобъемлющего кризиса»¹.

Такое четкое и однозначное определение теоретических позиций, похожее на вынесение окончательного приговора, (недосягаемым образом здесь навсегда останется изобретение «меньшевиствующего идеализма») — это, конечно, из опыта «критики буржуазных концепций», но не в этом дело. Важно то, что возмутители «социального порядка и согласия» покушаются на сам *предмет социологии* как науки, и нас интересует сейчас именно этот факт как таковой. Ведь в трактовке Давыдова второй, большой кризис социологической теории оказался прогрессирующим разложением самих *основ* социально-научного знания, дотоле считавшихся незыблемыми.

Почему же, по мнению Давыдова, марксизм и его продолжения обладают таким взрывчатым зарядом, направленным как против налично существующих порядков, так и против позитивных версий науки об обществе? Одну из причин объективного характера автор статьи видит в поразительной живучести «кризисного сознания», возрождающегося как феникс из пепла перегоревших воспоминаний об ужасах революционного террора, который каждый раз возвращает общество в естественное состояние «войны всех против всех». И такое возрождение «кризисного сознания», как подчеркивает Давыдов, всегда происходит в периоды наибольшей общественной стабильности, что, на первый взгляд, парадоксально. Ностальгия по «естественному» революционному состоянию привела к появлению новых приверженцев и активных носителей «кризисного сознания» во Франции в период стабилизации, наступившей после «руссоистской» революции, а в России — в период тоталитаризма, утвердившегося под лозунгом «диктатуры пролетариата».

Здесь автор схемы эволюции социологии уже начинает формировать предпосылки для своего главного вывода, о котором пойдет речь ниже. Заметьте, расцвет марксизма с появлением новых приверженцев и носителей «кризисного сознания», по его мнению, в России совпадает

¹ Там же, с. 54.

с периодом самого жесткого тоталитаризма. Одно как бы *естественно* соответствует другому.

Что же касается логики и общемировоззренческих предпосылок, которые составляют основу теорий, связанных с «кризисным сознанием», то Давыдов усматривает все это в одном корне — «неогегельянстве». При этом само «кризисное сознание» у него выступает в двух его версиях: «правом» и «левым» радикализме. Для усиления негативного впечатления от отрицательного потенциала, таящегося во всяком радикализме, Давыдов находит нити, связывающие идейно «революцию слева» и «революцию справа». «Подобно тому, — пишет он, — как Х. Фрайер многое заимствовал у основоположника неомарксизма Г. Лукача, «утилизуя» гегельянизированного им К. Маркса в своей теории «революции справа», такие неомарксисты как Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и Т. Адорно, а впоследствии Ю. Хабермас, далеко идущим образом заимствуют фрайеровские ходы мысли в интерпретации таких марксистских понятий как «техника», «буржуазность», «революция»¹.

Наиболее характерной чертой неомарксизма Ю.Н. Давыдов совершенно справедливо считает *«гипертрофированный антипозитивизм»*. Его «тайна», лишь внешним образом прикрываемая разговорами о «Марксовом материализме» и различными «натуралистическими» реминисценциями, заключается все в том же неогегельянском идеализме», — пишет он. Ею же, этой «тайной», объясняется и внутренняя связь антипозитивизма франкфуртцев, доходящего до «аннигиляции всякой фактичности», и их революционизма... Да и как же иначе, — заключает Давыдов, — если в гегельянском (и неогегельянском) духе отождествлять всякую объективацию и «отчуждение», а последнее рассматривать как феномен «буржуазности», то и гипертрофированный антипозитивизм и экзальтированный революционизм будут требовать одного и того же: «развеществления» этого «насквозь буржуазного «мира»².

Трудно сказать, может, и здесь критический пафос, долженствующий создавать негативное впечатление, есть только чистая видимость, код советской философской литературы по «критике буржуазных концепций», которым Ю.Н. Давыдов столь продуктивно пользовался в самые «тяжелые, несвободные времена застоя». Если отбросить жупел «неогегельянского духа» или «гипертрофированность» от антипозитивизма, то трудно отделаться от мысли, что получается очень точная картина действительно революционного содержания марксизма как

¹ Там же, с. 57.

² Там же.

«единственной, до конца последовательной критической теории»¹, каковой ее и представляют западные неомарксисты.

Серьезности восприятия критики марксизма вряд ли поможет следующий яркий образ автора, призванный подчеркнуть *чрезмерность* отрицания позитивного содержания предмета социологии. Так он пишет, что «разьедаемая слишком далеко зашедшей саморефлексией, ищущей своекорыстный «классовый интерес» за каждым поворотом собственной мысли... теоретическая социология обнаружила явную робость в утверждении положительных принципов, необходимых для всякой стабилизирующей реконструкции общесоциологического знания»². Но что значит для науки «слишком далеко», и не имеет ли «явная робость» достаточно объективные причины, по которым «распремечивание социологии» напрямую связано с «овеществлением» этого «насквозь буржуазного мира»?

Наши социологи, которые явно испытывают потребность в стабилизации социологической теории, вынуждены мимикрировать, выступая в радикалистском облачении. Но от этого их изобретения не перестают быть чистым вымыслом. В результате и вторая позитивная ветвь социологического знания, изображаемая Давыдовым как постоянная тенденция и внутренняя динамика эволюции теоретической социологии в XX веке, которая возвращает социологию из объятий «кризисного сознания» к стабилизационному периоду, — не что иное, как искусственно изобретенная схема, призванная сообщить социологическому позитивизму будущие теоретические перспективы. Хотя Давыдов вынужден признать, что «в ходе второго общего кризиса теоретической социологии, когда неомарксизм, который взяли на вооружение леворадикальные социологи, пробил себе дорогу в социологический истеблишмент (а в США занял господствующее положение в системе университетского социологического образования), он был уравнен в правах с академическими теориями общества»³.

По сути конструируемая дихотомия теоретической социологии во все не спасает от критики ее предмет, поскольку в стабилизационном варианте он вновь и вновь обнаруживает *позитивистскую аксиоматику* О. Конта, которая требует признать налично существующую структуру общества, его институты и соответствующие формы сознания, в том числе и научные, в качестве неразложимых далее и не подлежащих критике наличностей. Всякое иное отношение к «фактичности» в этом случае автоматически зачисляется по ведомству «кризисного созна-

¹ Там же, с. 58.

² Там же, с. 54.

³ Там же, с. 56-57.

ния», которое ведет к преднамеренной дезинтеграции общества и социальной революции, т.е., в определении Давыдова, к гоббсовской «войне всех против всех». Не хотите этих ужасов — принимайте позитивистскую версию науки об обществе, исполненную «духа стабилизации и согласия». Прямо, как «голосуй сердцем, иначе проиграешь».

Из эволюции «теоретической социологии XX века» у Ю.Н. Давыдова фактически получилось правильное, антиномически выраженное противоречие двух типов *мировоззрения*: критического марксистского и догматического позитивистского. Причем для последнего «распредмечивание социологии» в духе О. Конта есть самое существо понимания истории и общества, которое имеет своей предпосылкой, «семейной тайной» своего рождения, или, пользуясь фрейдовским выражением, «родовой травмой»¹, всю классическую философию от Аристотеля до Гегеля.

Видимо, чувствуя это, Давыдов спешит в своем главном заключении относительно марксизма завязать и испачкать его собственным позитивизмом. Он пишет: «Функция, какую выполняют подчас социологические теории, родившиеся из духа кризисного сознания, при переходе от деструктивного этапа эволюции теоретической социологии к конструктивному, явно наводит на мысль о границе каждого из этих двух типов социологического сознания — и кризисного, и стабилизационного. В пользу вывода о такого рода относительности их противоположности свидетельствует, на первый взгляд, и та роль, какую сыграл марксизм в России, где он первоначально предстал как орудие тотального разрушения традиции, культуры, наконец, самого социально-научного знания (хотя все это и совершалось российскими марксистами от имени «подлинной науки»), а затем был превращен в инструмент утверждения тоталитарной власти, простирающейся на все области человеческого существования. Но как показали уже западные неомарксисты, (для которых этот неудобный факт грозил разрушением основного постулата, согласно чему марксизм — это единственная, до конца последовательная «критическая теория»), чтобы выполнить такую роль «стабилизатора» тоталитарного господства, марксизм должен был фактически утратить свое теоретическое содержание, обросшее идеологическими догмами»².

Неомарксисты, по мнению Давыдова, допустили явный перегиб, полностью абстрагировавшись от теоретических постулатов марксизма, не только не препятствовавших, а, наоборот, способствовавших его *использованию* в целях стабилизации тоталитарного господства. «Но

¹ Там же, с. 57.

² Там же.

главное, — продолжает он, — что неомарксисты оставили в тени при истолковании русского марксизма как догматической идеологизации «подлинно критической» теории — это особенности самого тоталитарного режима, не случайно продолжавшего держаться за «марксистскую» науку об обществе. Они не учитывали (или не хотели учесть) тот факт, что марксизм продолжал функционировать в тоталитарной России как теория перманентной революции, составляющая, по их собственному признанию, революционную душу марксистской науки об обществе»¹.

А вот это уже ложь, потому что в Советской России марксизм как раз фактически *прекратил* быть «теорией перманентной революции», а стал идеологической формой автономного замкнутого развития отдельной страны на базе догоняющей индустриализации. Это была индустриализация военно-административного, почти феодального, типа, которая решала задачи национального развития чудовищными, но в общем соответствующими характеру исторической ситуации и уровню общественного развития России средствами. Именно *отказ* от «теории перманентной революции» последний раз свидетельствовал о последовательном критическом применении марксизма даже по отношению к своим собственным основам. Это и оказалось единственным способом национального самосохранения России в форме Советского Союза, и существенного изменения ее места и роли в мировой экономической и политической системе. «Теория перманентной революции» в форме троцкизма, уже зараженного догматизмом, перекочевала как раз за рубежи ошетилившегося, понявшего и пережившего свое одиночество «незаконно рожденного дитя истории» (Г. Плеханов). У Истории, однако, (и это уже марксизм) не может быть незаконнорожденных детей, поскольку она сама есть и субстанция, и субъект.

Может быть, эта переориентация марксизма в политику национального возрождения и самосохранения явилась также самым глубоким *идейным расколом*, инспирировавшим затем репрессивный характер режима. Где и когда Советская власть действительно порвала с марксизмом как «единственной до конца последовательной критической теорией общества» — вопрос особый, требующий специального исследования. По крайней мере, это не совершилось в одночасье. Но что где-то и когда-то окончательно порвала — это точно, иначе бы мы не имели сегодня того, что имеем. Причем окончательно порвать — это как раз и означало сознательно исходить из позитивистской версии науки об обществе, исполненной духа стабилизации и согласия. Расцвет

¹ Там же, с. 58.

такого позитивизма уже пышет в концепции «развитого социализма» или в программе построения коммунизма за 20 лет.

Гибель реального социализма (мы имеем в виду саму попытку построения нового общества, а не тот наличный строй, который называл себя зрелым или развитым «социализмом»), осмелимся предположить, связана в самой своей сути с *позитивистским перерождением* и теории, и практики.

Репрессивность советского режима по сути ничем качественно не отличалась от способов, какими в Европе в определенные времена утверждались свобода, равенство и братство. Хотя Давыдов отводит такой аргумент, размещая в одной плоскости «кризисного сознания» и Ж.-Ж. Руссо, и К. Маркса, а значит, тем самым, любую социальную революцию как преднамеренную дезинтеграцию существующего социального порядка. Но дальше Давыдов, наконец, выносит окончательный приговор марксизму и всему, что, исходя из него, может покушаться на наличное положение вещей и соответствующий ему позитивный способ мышления.

Для того, чтобы увидеть (а главное, признать) тот факт, что марксизм продолжал функционировать в тоталитарной России как «теория перманентной революции», пишет Давыдов, неомарксистам «нужно было согласиться с тем, что ликвидация целых общественных классов, систематические чистки, политика агрессии и захватов, насильственное переселение целых народов — все это и было фактически «перманентной революцией», возвещенной марксистской наукой об обществе»¹. Это, резюмирует он, самое главное, это, а не отдельные моменты или аспекты учения Маркса, определяет принадлежность его именно к кризисному, а не стабилизационному типу теоретического мышления².

Вменение теории «систематических чисток» — это уже чрезмерно эмоциональный аргумент. Если уж обращаться на это серьезное внимание, то почему нельзя либеральной позитивной теории, безраздельно господствующей в России теперь, вменить в вину обнищание трети нации, не говоря уже о положении ее самой и страны в мировой экономике и политике, ничтожность и унижительность которого растут обратно пропорционально социальному порядку и согласию.

Признаем у серьезному теоретика такой всплеск эмоций срывом и вернемся к социологии. Сконструированная схема эволюции социологии выполняет вполне прагматическую функцию. Она сообщает ей *легитимность*. Раз действительно кризисное сознание, то столь же правомерно и стабилизационное. Если критические теории распредмечи-

¹ Там же.

² Там же, с. 58.

вают социологию, то ее позитивистская версия «собирает камни». Она есть, она нужна, она имеет свой собственный предмет, не подлежащий критике и отличный от предметных областей всех других общественных наук.

Именно с этой точки зрения, уже в других работах Ю.Н. Давыдова идет оценка теоретического наследия классики, беспардонно перетаскиваемого на свой берег. Характерно в этом отношении исследование им творчества крупнейшего социального мыслителя XX века Макса Вебера. Ему посвящена в работах Давыдова не одна сотня страниц.

М. Вебер, действительно, отчетливо противопоставляет типологическое эволюционно-генетическому, и Ю.Н. Давыдов, разумеется, имеет достаточные основания подчеркнуть, что, «отправляясь от социокультурного понимания капитализма, Вебер решительно порывает с традицией (своей догматизацией во многом обязанной «Капиталу» Маркса), в русле которой молчаливо предполагалось существование одного единственного капитализма, хотя и проходящего различные стадии своего эволюционного развития»¹. Из этого следует, — продолжает Давыдов, — что «согласно Веберу, существует не один единственный капитализм, а целый ряд его социально-экономических «форм» или «типов», из которых лишь один — современный, западный — обычно имеется ввиду. Между тем, наряду с ним, имеющим трехсотлетнюю историю, существует, как и существовали до него, иные типологические формы капитализма, иные «типы капиталистической деятельности», чей возраст, по крайней мере, три тысячи лет»².

Такая диспозиция фактической наличности заменяет генетическую связь развития на отношение различных сосуществующих социокультурных типов капитализма. Если остановиться на этом сосуществовании, сведя к нему все общественное развитие, то, действительно, получится, что история общества есть история капитализма. Но такое однозначно позитивистское истолкование социологии Макса Вебера — опять ложь. В целом ряде значительных работ Вебер виртуозно применяет материалистическое понимание истории, а его собственное, запечатленное в текстах, отношение к Марксу очень интимно и сложно. По крайней мере, он достаточно часто упоминает о нем как о великом мыслителе.

Вебер — создатель *универсально-исторической* модели теоретической социологии, рассматривающей капитализм в его культурно-исторической целостности. Отсюда один шаг до лукачевского понятия

¹ Давыдов Ю.Н. Веберовская социология капитализма. // Социологические исследования. 1994, № 8-9, с. 192.

² Там же.

общества как *конкретной тотальности*. И разве может быть односторонне истолковано его собственное признание, имеющее программный характер? «Несмотря на то, что современный человек, — пишет Вебер, — при всем желании обычно неспособен представить себе всю степень того влияния, которое религиозные идеи оказывали на образ жизни людей, их культуру и национальный характер, это, конечно, отнюдь не означает, что мы намерены заменить одностороннюю «материалистическую» интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией. Та и другая допустимы в равной степени, но обе они одинаково мало помогают установлению исторической истины, если они служат не предварительным, а заключительным этапом исследования»¹. А это уже совершенно иная постановка вопроса, далекая от позитивистского примитивизма и контурно обозначающая грандиозную сложность и глубину принципа *конкретного историзма*, немислимого без диалектики.

М. Вебер — социолог. Это такое же утверждение, как и вопрос. Так вопросительно и неопределенно это звучит в речи, произнесенной в память о своем учителе Максе Вебере Карлом Ясперсом перед студентами Гейдельбергского университета 17 июля 1920 г. «Величие этого человека, — считал он, — не позволяет притязать на него отдельной профессии или отдельной науке»². Может быть, правомерно добавить здесь и то, что это же величие не позволяет однозначно притязать на него ни диалектике, ни позитивизму, что одинаково глубокие его познания в области политэкономии, права, социологии и философии, истории хозяйства, политических институтов и теорий, религий и науки, логики и методологии просто свидетельствует о том, что все они только односторонние точки зрения на общественное целое, единое и неделимое, универсально-историческое и в то же время каждый раз уникальное в своем историческом своеобразии. Иначе как могли быть его учениками одновременно Т. Парсонс и Г. Лукач.

Первый превратил Вебера в позитивистскую икону, закончив за учителя структуризацию социального действия, второй — развил центральное понятие веберовских работ — «рационализацию» — до универсальной категории «овеществления», наводящего животную ненависть и ужас на всех позитивно мыслящих социологов. Теория социального отчуждения до сих пор просто вышибает из-под ног благообrazных конструктивных теоретиков общества твердую почву застыв-

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 208.

² Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994, с. 53.

шего от века на век естественного социального порядка, ждущего от них только дальнейшей структуризации и типологизации.

В контексте рассматриваемого здесь вопроса о принципиальной противоположности и борьбе двух типов мировоззрения — кризисного и стабилизационного — в версии Ю.Н. Давыдова необходимо заметить следующее. Дальнейшее разжигание противопоставления этих типов мировоззрения теоретически бесперспективно, и даже практически опасно. Сами избранные Ю.Н. Давыдовым термины «кризисное» и «стабилизационное» тенденциозны и политизированы. Правильнее было бы говорить о «критическом» и «позитивном» *типах мышления*, где уже просматривается то, что сами они лишь моменты более широкого целого, не существующие друг без друга, а потому и взаимозависимые. Если диалектика и позитивизм, либерализм и коммунизм не соотносятся друг с другом — это просто плохо кончится в XXI веке для всей европейской культуры. Для этого уже сейчас есть определенные основания.

Под «соотнесутся» мы не понимаем, конечно, веберовскую толерантность, допустимость в равной степени. Степени здесь разные, такие как у разума и рассудка. Никто не может отрицать того факта, что абсолютно подавляющее большинство людей «мыслит» позитивно или сообразно здравому смыслу, подобно тому, как и все без исключения компьютеры, иначе они просто не могли бы практически действовать в наличной обстановке, т.е. «здесь и теперь». Но совсем другое дело, когда теория мышления или теория социального действия, призванная не констатировать факт, а вскрыть его природу, беспардонно эксплуатирует эту количественность, действуя как «агрессивное большинство». Другими словами, она увековечивает «овеществленность этого насквозь буржуазного мира», принципиально отказывая человечеству в возможности качественно другого пейзажа на его исторической дороге.

Социология, исходящая только из структуры и стремящаяся к формализации отношения ее элементов, может использоваться только в манипулятивных целях. Новейшие политические технологии демонстрируют результативность такого манипулирования. Нынешние информационные средства и перспективы их развития обещают этим технологиям безграничную власть над сознанием большинства людей.

И в XX веке противопоставление этих двух типов мировоззрения, конкретно исторически, отчасти из-за политических амбиций, привело к самой страшной трагедии. Разве не смертельная война коммунистов и социал-демократов, разжигавшаяся из Москвы через Коминтерн, проложила прямую дорогу к власти фашистам в Германии?

В.М. Межуев обратил внимание на то, что «противоядием против угрозы фашизма в стране с недемократическим прошлым может быть

только союз социализма или социал-демократии с либерализмом ...мы же предпочли этому союзу антикоммунизм и монопольную власть радикал-демократов. Результат налицо: либеральные демократы потеряли союзников на одном фланге, с опаской смотрят на другой, значительно более зловещий... Такова цена слишком поспешного разрыва с прошлым¹. И это уже давно сказано, а ситуация с тех пор только усложнилась.

Зачем же в таких непростых обстоятельствах продолжать, в угоду конъюнктуре, наживать политический багаж на антикоммунизме такому глубокому знатоку марксистской теории и метода? Ведь Ю.Н. Давыдову прекрасно известно, что коммунизм, теоретическим выражением которого был и остается марксизм, не выдумка фанатика или утописта, «не состояние, а действительное движение, уничтожающее современное положение вещей», или, выражаясь словами В. Межуева, «есть не что иное, как самокритика западной цивилизации с позиции западной же культуры».

В конце концов либеральное барство должно перейти в *подлинный демократизм*, и для этого вовсе не обязательно, точнее, теперь уже просто нельзя, проливать море крови. Может быть, ворота нового века и тысячелетия — самое удобное и пристойное место для того, чтобы серьезно вслушаться друг в друга, не доходя ни до «аннигиляции всякой фактичности», ни до отрицания возможности ее принципиальной критики, и теоретической, и практической.

А.Д. Майданский

Практическая истина коммунистических утопий

Слово «утопия» означает по-гречески «место, которого нет». История XX века показала, однако, как легко самые грубые и неразумные утопии обретают наличное бытие. И напротив, как самые стройные и, казалось бы, вполне реалистичные теории не могут найти для себя «место» в человеческой истории. В середине шестидесятых, в работах «Маркс и западный мир» и «Об идолах и идеалах», Ильенков интенсивно размышлял над причинами такого положения вещей. — Почему действительность, с упорством приводящим в отчаяние, отказывается соответствовать своему понятию? Быть может, в человеческой природе

¹ Социалистическое видение современности или современное видение социализма. (обзор симпозиума) // Полис, 1994, № 5, с. 57.

заложено нечто, что превращает коммунистический идеал в бессильную абстракцию, в кантовскую ускользающе-условную «линию горизонта»? Это предположение Ильенков категорически отвергал.

Ему, разумеется, приходилось выражаться с осторожностью, прибегая к принятым в те времена эвфемизмам. Кричащее расхождение коммунистического идеала с действительностью он именует «известным колоритом» и объясняет «пережитками докапиталистических форм регламентации жизни». Это тривиальное, лежащее на поверхности решение ни в коей мере не является собственным изобретением Ильенкова. Мне кажется, Ильенков сам не вполне доверял ему и, во всяком случае в последние годы своей жизни, чувствовал, что действительная жизнь нашего общества протекает не по сценарию, написанному некогда Марксом. И дело вовсе не в том, что декорации («формы регламентации жизни») были слишком старыми, а главная партия в исторической драме социализма досталась плохим артистам...

I

Чтобы понять природу коммунистической утопии, воспользуемся парой категорий «абстрактное – конкретное», образующей логический стержень диалектического метода. Утопическое мышление вообще есть, безусловно, мышление *абстрактное*. Это не означает, что оно совершенно отрывается от реальности, воспаряя в некое «место, которого нет»; напротив, всякая утопия в идеально-чистом (абстрактном) виде выражает какой-нибудь простой момент уже существующих, *наличных* отношений общения. «Абстрактное» не синоним «умозрительного» или «воображаемого», – снова и снова повторял Ильенков. В известных условиях абстракты могут обладать вполне реальным, чувственно-осязаемым бытием. Так случается, когда тот частный момент человеческого бытия, который выражается в данной абстракции, на самом деле, *практически* отрывается от всех остальных, обретает «в-себе-и-для-себя-бытие» и превращается в самодовлеющее целое.

Эта, на первый взгляд, отвлеченно-философская схема схватывает самую суть формы общения, которая зовется «социализмом» (в его советской, китайской, скандинавской или любой иной исторической модели). Впрочем, нет смысла забегать вперед. Пока достаточно дать простую дефиницию: «утопией» я называю изображение какой-либо отдельной стороны наличных общественных отношений в качестве идеальной и всеобщей формы человеческого общения.

Утопия — это абстракция, абстракции же, как известно, имеют свою историю. Требуется усилие, чтобы очистить человеческое представление о предмете от всех вкраплений чувственности и привести его к всеобщему виду. Этот «катарсис» человеческого духа осуществляется

сперва самой Историей: та или иная категория усваивается всеобщим образом лишь при условии, что ее реальное содержание прежде уже выступило как всеобщее содержание материальных отношений людей¹. Тогда абстрактная категория становится «практически истинной» и с необходимостью отпечатывается в человеческом мышлении.

Ильенков превосходно изобразил и этот генезис абстракций, и последующее «восхождение к конкретному». А в своем докладе «Маркс и западный мир» он воспользовался инструментарием диалектической логики для исследования форм коммунистического движения, теоретических и реальных. Прежде чем мы последуем за ним в эту область, стоит пояснить, какие, собственно, преимущества дает обращение к средствам философии для решения конкретных теоретических проблем такого рода.

Категории философии – если, конечно, понимать их не как формальные абстракции, а как живые и деятельные формы мышления, – содержат в себе экстракт накопленного в течение многих столетий опыта познания человеком себя, своего общества. Этот исторический опыт дает возможность с самого начала представить в чистом виде существенные, всеобщие черты предмета мышления. Такой логически чистый, не осложненный «сырым» эмпирическим материалом анализ позволяет поставить многообразные частные стороны предмета в надлежащую связь и понять особенность каждой из них под углом зрения их единства, или конкретно.

Так представлял себе дело Ильенков, и так в свое время действовал Маркс, чьи работы служили Ильенкову эталоном логического мышления. Известно, что к исследованиям в области политической экономии Маркс приступил уже вооруженный абстрактно-философскими представлениями о коммунизме как ближайшем направлении движения современного «гражданского общества». Как в прошлом религиозная реформация в Германии началась в мозгу монаха, так радикальная революция в человеческих отношениях начинается теперь в мозгу философа, – заявляет Маркс на страницах «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Характерное условие философского исследования предмета – соотнесение его реальных моментов с теми идеальными, нередко «превращенными», формами, которые данный предмет принимает в созна-

¹ Маркс показал, что Аристотель не смог образовать категорию стоимости лишь потому, что к акту рождения простейших всеобщих абстракций теоретический разум вообще не имеет ни малейшего отношения. Никакая, сколь угодно тонкая, рефлексия не в состоянии доставить их духу. Разум находит эти абстракции уже готовыми к употреблению, вследствие чего они представляются ему «вечными истинами» или же «априорными логическими функциями».

нии людей. Поэтому, хотя коммунистические идеи английских и французских писателей Маркс-философ оценивал крайне невысоко, отказываясь признать за ними «даже теоретическую реальность», эти идеи, тем не менее, образуют первоначальный контекст его размышлений. В рукописях 1844 года свои мысли к «решению загадки истории» Маркс противопоставляет положениям Бабефа и Кабе, Фурье и Прудона; его собственная концепция возникла как их логическая противоположность, антитеза, и потому не может быть понята вне их контекста, вплоть до того момента, когда эта противоположность, в ее абстрактной форме, была снята и Марксов коммунизм стал развиваться на «положительной», политико-экономической основе.

Существо предстоящего дела Маркс, под впечатлением фейербаховской критики религии, видит в том, чтобы разъяснить коммунистам истинный смысл их собственных положений, скрытый от них самих. Он оговаривается, что его критика имеет в виду «не какой-либо воображаемый и возможный коммунизм, а действительно существующий коммунизм, в той форме, как его проповедует Кабе, Дезами, Вейтлинг и т.д.»¹.

Эти примитивные коммунистические утопии Маркс называет «догматической абстракцией»: они являют собой упразднение частной собственности *in abstracto* – лишь в представлении человека, лишенного собственности. Однако такой человек, вместе со всеми своими представлениями, сам – порождение частной собственности. Поэтому в форме коммунистической утопии частная собственность в одно и то же время упраздняется и достигает предельной всеобщности: «на первых порах он [коммунизм] выступает как *всеобщая* частная собственность»².

Коммунисты второй волны (Фурье, Сен-Симон и экономисты – Рейвнстон, Годскин, Брей и др., которые «исходят из рикардовской формы») предлагают «упразднение государства» и восстановление простой рыночной формы экономических отношений. Однако и этот коммунизм – условно назовем его «товарным» – «еще не уяснил себе положительной сущности частной собственности... и заражен ею»³.

А сущность частной собственности, согласно Марксу, заключается в том, что она представляет собой отчужденные «сущностные силы» человека, или, иначе говоря, его предметно выраженные деятельные способности, оторванные от человека и противостоящие ему как нечто чуждое. Коммунисты стремятся уничтожить частную собственность

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 379.

² Там же, т. 42, с. 114.

³ Там же, с. 116.

как таковую, превратив ее в собственность государства либо разделив поровну; Маркс, со своей стороны, предлагает создать условия для деятельного ее *усвоения и освоения* каждым индивидом. В этом заключается его идея «общечеловеческой эмансипации» – возвращения в распоряжение человека созданного его трудом в рамках частной собственности предметного мира и отношений общения, принявших отчужденную (товарную, политическую, религиозную, семейную и др.) форму.

Эта последняя, третья форма коммунистического идеала, вне всякого сомнения, философски грамотнее, да и просто на порядок разумнее двух предшествующих. Маркс поначалу умалчивает о конкретных исторических действиях, которые необходимо предпринять для построения общества без частной собственности, и не решается вдаваться в детали его устройства. Он лишь предрекает – столь же решительно, сколь и туманно, – грядущую революцию, за которой последует уравнительное «отрицание» частной собственности (Ильенков именует этот исторический акт «формально-юридическим» обобществлением собственности). Однако, в отличие от теоретиков «уравнительного» коммунизма, Маркс не считает, что революция в состоянии создать новую «форму человеческого общества». Это, пишет он, только первый необходимый «момент» действительного снятия отчуждения.

II

Предсказание коммунистов сбылось, хотя они ошиблись в своих расчетах места и времени. Далее, однако, дело пошло совсем не так, как они рассчитывали. Почему же? Ильенков на это отвечает: «То обстоятельство, что марксизм – как идейно-теоретический экстракт «западной культуры» – пришлось впервые реализовать на «периферии западного мира», т.е. в странах, наименее подготовленных к этому и в отношении материально-технического, и культурного развития, наложило известный колорит на процесс практической реализации идей научного коммунизма. И те отрицательные явления... вытекали не из идей коммунизма. Как раз наоборот, они были следствиями косного сопротивления того материала, в преобразовании которого эти идеи пришлось реализовывать»¹.

Позади этих строк угадываются философские тени Платона и Аристотеля. Они одобрительно кивают, глядя, как деятельная идея (научного коммунизма) «практически реализует» себя в человеческой исто-

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М. 1991, с. 158.

рии и преодолевает «косное сопротивление» социальной материи. Материя уступает с неохотой, ей удается оттеснить идею на «периферию западного мира» и сообщить той оттенок восточного «колорита» (гражданских войн и террора, ГУЛАГов, культурных революций и тому подобных «отрицательных явлений»). И все же коммунистическая идея, изрядно помятая, но не сломленная, продолжает вести сражение с «принципом частной собственности».

Это – настоящая утопия, не имеющая ничего общего с материалистическим пониманием истории. Трудно поверить, что Ильенков, тонкий мыслитель-логик и материалист до мозга костей, мог принять эту наивную идеологему за чистую монету истины. Впрочем, в другой своей работе Ильенков поясняет, что «в виде идей всегда выражают себя *реальные потребности*, созревшие внутри социального организма. Это потребности не индивида, а целых групп, масс таких индивидов»¹.

Раз так, надлежит исследовать, *какая именно* коллективная потребность выразила себя в акте формально-юридического обобществления собственности. Такое исследование давным-давно проделал Маркс – нам достаточно воспользоваться его плодами. Только прежде заметим, что авторство проекта формально-юридического упразднения частной собственности не принадлежит Марксу. Это основополагающая идея «уравнительного коммунизма» со времен еще Томаса Мора. Потому нет оснований видеть в этой исторической акции свидетельство правоты *марксистской* теории.

Субстанцией-субъектом «уравнительного коммунизма» – безразлично, выступает ли он как форма мышления либо как практически-историческое действие, – является *абстрактная*, или «искусственно упрощенная» (Маркс), *физическая потребность*. Частная собственность с необходимостью осуществляет упрощение человеческих потребностей, сводя многообразие предметного богатства человека к удовлетворению его простейших физических нужд, пишет Маркс. «В абстракции, отрывающей их [физические потребности] от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер»².

Абстрактная потребность побуждает пролетария обменивать свою рабочую силу на средства существования, она приводит в движение его рабочую силу и превращает физическую потенцию его тела в живую деятельность, – словом, это она заставляет рабочего трудиться. Стало

¹ Там же, с. 200. Курсив мой. – А.М.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 91.

быть, абстрактная потребность является подлинной *causa efficiens*¹ экономического бытия класса пролетариев. Коль скоро капитал – это персонификация вещных условий труда и «для-себя-сущая стоимость» (Маркс²), то пролетариат есть, в той же самой мере, персонифицированная *абстрактная потребность*, ее экономическое «для себя бытие».

Пролетарская революция тоже питается энергией абстрактной потребности. В развитой капиталистической стране эта потребность находит возможность удовлетворить себя *экономически* (посредством легального обмена рабочей силы на предметы потребления); в отсталых же странах такая возможность отсутствовала, потому абстрактной потребности пришлось «сублимировать» свою энергию в форме пролетарской революции, с последующим формальным упразднением частной собственности. То, что эти акции, вопреки пророчеству Маркса, регулярно происходили *на периферии* западного мира, меньше всего походит на историческую случайность.

Ильенков утверждал, что докапиталистические формы регламентации жизни «не имели никакого отношения к существу социализма и коммунизма»³. Что верно, то верно, зато они самым деятельным образом *способствовали делу революции*, до предела обостряя абстрактную потребность и не позволяя ей наладить «позитивные» отношения с капиталом. Просто, как оказалось, сама пролетарская революция не имела отношения к существу коммунизма, в том смысле, в каком его понимал Маркс. Революция, вопреки его расчетам, не только не создала условий для «общечеловеческой эмансипации», но напротив – немедленно *уничтожила* немалые возможности для развития человеческой личности, созданные буржуазным обществом.

Маркс ошибался, полагаясь на теоретические достоинства своего учения и коллективный разум и волю пролетарской партии. По сравнению с колоссальной, грубо-материальной энергетикой абстрактной потребности интеллектуальная энергия коммунистических теорий и, тем более, воля отдельных личностей или партий, – *вообще ничто*. Диктатура пролетариата есть не что иное, как диктатура абстрактной потребности, подавляющей либо подчиняющей своим примитивным целям все «сущностные силы» человеческой личности, ее мысли и эмоции, всевозможные дарования и нравственность.

¹ Действующая причина (*лат.*) – причина, которая дает вещи бытие и приводит ее в действие.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, Ч. I, с. 450.

³ Ильенков Э.В. Философия и культура, М., 1991, с. 158.

В итоге получилось так, что критическое описание уравнительного коммунизма в «Философско-экономических рукописях» выразило – в отдельных моментах с поразительной точностью – существо *реального* экономического строя социализма, а те дальновидные меры, которые в «Критике Готской программы» предлагались в качестве условий реального «снятия» частной собственности и разделения труда, остались благими пожеланиями – утопией. История в который раз воспротивилась стараниям философов и политиков направить ее течение в разумное русло, заставив человека считаться с ее собственными порядками.

III

Что же есть такое *в действительности* этот коммунизм? Какова его природа? Самый короткий и точный ответ предложил Ильенков: «Рождаясь из движения частной собственности в качестве прямой ее антитезы, этот стихийный, массовый коммунизм и не может быть ничем иным, как той же самой частной собственностью, только с обратным знаком, со знаком отрицания. Он просто доводит до конца, до последовательного выражения, все имманентные тенденции развития частной собственности»¹.

Коль скоро уравнительный коммунизм – *имманентная* форма развития частной собственности, значит он не мог остаться чистой формой сознания, значит ему предстояло, так или иначе, обрести *историческое* бытие. Ведь ясно, что частная собственность погибнет не раньше, чем исчерпает все возможности своего развития, не раньше, чем примет все реальные формы, которые только способна удержать ее субстанция; и уж конечно, она не может миновать исторической формы, которая предоставляет ей самое полное и всеобщее, хотя и чисто негативное, выражение.

Частная собственность порождает уравнительный коммунизм как форму деятельности, только *по видимости* обращенную против нее самой. По сути же эта деятельность создает «*всеобщую* частную собственность» (Маркс), устанавливая одинаковое для всех отношение не-владения к собственности. Последняя превращается теперь в нечто чужое *всем*, противостоящее не тому или иному общественному классу, а *каждому индивиду*. Коммунизм – уже не только теоретически, в качестве идеального «увеличивающего зеркала», как полагал Ильенков, а на деле, практически, – «в его первой форме является лишь обобщением и завершением этого отношения [частной собственности]... Категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение

¹ Там же, с. 161.

частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей...

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимодействия подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предзнаменование каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества¹.

Грубая, «искусственно упрощенная потребность» в случае успеха революции делает себя всеобщей мерой отношений общения и кроит их на свой прагматический лад. Устраняя формальное неравенство собственников друг другу, пролетарская революция создает видимость обратного присвоения частной собственности. Однако она не может создать *способности* воспользоваться собственностью по-человечески или человеческой *потребности* в ней. Предметы культуры воспринимаются пролетарием по преимуществу как средства удовлетворения физической потребности, в их абстрактном качестве, а не как *человеческие* предметы. Его чувства, сформированные частной собственностью, – остаются «прагматиками», а не «теоретиками», поэтому пролетарий «теряет себя в своем предмете». Формально-юридическое обобществление – это *чисто негативная* форма проявления общественной природы собственности.

Несмотря на то, что внешнее экономическое различие (форма классового неравенства) людей революцией снимается, противоречие труда и собственности не исчезло, напротив, оба его момента получили форму абстрактной всеобщности: «рабочий» и «собственник предметных условий труда» суть теперь определения *каждого индивидуума*. Последний, соединяя в себе эти противоположные определения, никак не устраняет существующее между ними противоречие. Тождество труда и собственности оказывается всего лишь декларативным и потому мнимым.

Отчуждение не устраняется, а лишь изменяет свою форму: прежде оно распределялось внешним образом между двумя классами людей, теперь – целиком смещается внутрь отдельной личности. Это *предельная, законченная форма отчуждения* человеческого бытия: человек как работник противостоит *самому себе* как собственнику и не умеет себя «присвоить».

Поскольку пролетарий не в состоянии распорядиться собственностью по-человечески, ему поневоле приходится передать свое право

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114-115.

собственности органам государства, этим древним «суррогатам коллективности» (Маркс), регулирующим отношения частных и всеобщих мотивов человеческой деятельности. Государство опосредствует теперь *все* отношения человека к себе¹, а его номинальный глава, словно оживший Метафизик из книжки Кампанеллы, обретает неограниченную власть. «Заговор равных»² с характерным диалектическим коварством оборачивается самым грубым и реальным неравенством.

Перспектива предельного отчуждения человеческой личности от своей «предметной сущности» (собственности) во времена Маркса оставалась простой возможностью. Для нас это вчерашняя реальность, и лучше расстаться с мыслью, будто она возникла вследствие стечения обстоятельств места и времени, до неузнаваемости искалечивших прекрасный коммунистический идеал. Эта дорога уводит рассудок во владения Случайности – привычное *asylum ignorantiae*³ для историков.

IV

Экономический строй социализма есть абсолютное бытие абстрактной потребности, или, выражаясь гегелевским слогом, ее «в-себе-и-для-себя-бытие». Она окончательно «оторвалась от круга прочей человеческой деятельности и превратилась в последнюю и единственную конечную цель» – в *causa finalis*⁴ общественного бытия.

Внешнее отношение абстрактной потребности к «своему иному» (капиталу) было *снято*, то есть не просто исчезло, а сместилось внутрь

¹ Как это прежде делал другой безличный посредник – *деньги*. В обоих случаях совершается один и тот же диалектический сдвиг: *посредник* деятельности неминуемо превращается в ее *конечную цель*. – «Отчуждая саму эту опосредствующую деятельность, человек может теперь действовать лишь как потерявший себя, как обесчеловеченный человек; само *соотнесение* вещей, человеческое оперирование ими, становится оперированием некой сущности, находящейся вне человека и над человеком. Вместо того чтобы сам человек был посредником для человека, наличие этого чуждого посредника приводит к тому, что человек рассматривает свою собственную волю, свою деятельность, свое отношение к другим – как силу, независимую от него и от них. Таким образом, его рабство достигает апогея. Так как посредник есть *действительная власть* над тем, с чем он меня опосредствует, то ясно, что этот *посредник* становится *действительным богом*. Его культ становится самоцелью» (Там же, с. 18).

Остается лишь удивляться наивному идеализму тех, кто еще и теперь рассчитывает превратить государство в послушный инструмент человеческой деятельности и воспользоваться этим «для-себя-сущим» институтом отчуждения в целях снятия отчуждения.

² Так озаглавил свою книгу Гракх Бабёф.

³ Убежище неведения (*лат.*). В «Этике» Спинозы: обращение к «свободной воле» Бога для объяснения причин вещей.

⁴ Конечная, или целевая, причина (*лат.*).

нее и там «положено» как собственный момент ее сущности. Не сдерживаемая больше извне (капиталом), абстрактная потребность поглощает все, что возможно, создавая хронический дефицит предметов потребления.

Однако самый острый и невосполнимый дефицит, который испытывает пролетарское государство, – это недостаток *рабочей силы*. В дефиците оказывается пролетарий, эта *живая субстанция* абстрактной потребности. По мере того, как абстрактная потребность «съедает» собственную субстанцию, образующую *экономическое основание* данного общественного строя, форма собственности деградирует и в конце концов рушится, либо, в лучшем для себя случае, претерпевает радикальную мутацию, развиваясь в направлении своей формальной «антитезы» (конвергентная модель¹).

Безусловно, более высокой формой собственности является *товарный коммунизм*². Его конкретно-исторические черты весьма далеки от тех, которые описывали в своих книгах коммунисты «второй волны», однако сохранилась суть: *методы* – сочетание различных форм экономической регуляции (директивных и рыночных) и уравнительный характер распределения, плюс *цель* – максимально возможное погашение абстрактной физической потребности.

Неограниченная диктатура абстрактной потребности и ее полномочного представителя, пролетарского государства, уступает место более тонким и сложным формам снятия ею «своего иного» – капитала, однако главная цель экономической деятельности остается прежней: поставка средств для существования человеческого тела. Экономический приоритет абстрактной потребности есть, вообще говоря, фамильная черта *всякого* социалистического общества. Вся разница – в методах, с помощью которых человек старается погасить эту свою потребность.

Товарный коммунизм, в отличие от уравнительного, предлагает действительно эффективное решение данной задачи. Однако экономика по-прежнему остается средством удовлетворения физических потребностей, а не формой свободного развития деятельных способностей человека. Экономикой движет абстрактная потребность, а не (высшая, конкретно-человеческая) потребность в труде как таковом; труд остается средством к жизни, он не превратился в свободную игру человеческих «сущностных сил». Этот коммунизм «не постиг еще *человеческой природы потребности*», значит он тоже «заражен» частной собственностью.

¹ К примеру, ленинская «новая экономическая политика» или китайская экономическая реформа.

² Хорошим примером могут служить скандинавские страны или Австрия.

стью и остается у нее в плену, констатировал Маркс. Ни о каком «освоении» частной собственности или перспективе установления общественной (в настоящем смысле этого слова) собственности здесь нет и речи. Просто один безличный посредник человеческой деятельности, деньги, *делит место* у кормила экономической власти с другим – государством. Однако, быть может, товарный коммунизм – более совершенная и гуманная форма бытия *частной* собственности, нежели все прочие ее формы?

Я полагаю, это не так. Качество потребления, и вообще физической жизни, не есть настоящая цель или мера развития *человеческой* природы, не есть истинный критерий гуманности¹. Как не является такой мерой качество мышления, эстетического восприятия или же нравственности. Всё это, как поясняет мысль Маркса Ильенков, суть только *средства* саморазвития «производительной силы человеческого рода (в широком смысле этого слова – в смысле способности предметно, практически преобразовывать природу)»². Стоит лишь уточнить, что речь идет о преобразовании человеком как внешней природы, так и *своей собственной* природы, исторически формируемой трудом, причем последней – *par excellence*.

Развитие *производительной силы* человека – вот единственный, объективно-истинный критерий того, как далеко то или иное человеческое сообщество продвинулось в направлении коммунистического идеала Маркса. Поэтому та форма собственности, которая позволяет добиться более высокой производительности труда, *eo ipso* является более совершенной и гуманной. Иными словами, к финалу «общечеловеческой эмансипации» быстрее движутся те, кто лучше умеет трудиться руками и головой, те, кто расходует бóльшую долю ресурсов для развития своей производительной силы, те, кто создает более действенные и эффективные стимулы к труду. В этом отношении, приходится признать, лидируют отнюдь не те страны, в чьих экономиках преобладают социалистические элементы³.

Историческая миссия социализма заключается в возможно более полном удовлетворении простых потребностей, но никак не в решении

¹ Практикуемое в странах товарного коммунизма *безвозмездное* распределение жизненных благ (иные авторы именуют это «*непосредственным*» распределением, пренебрегая той деталью, что оно осуществляется *посредством* такого института отчуждения, как государство), как хорошо известно еще из античной истории, разлагает экономику, ослабляя стимулы к труду, и негативно сказывается на нравственности людей.

² Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1984, с. 231.

³ История не раз уже проделывала весьма чистые *experimenta crucis* – в Германии и Корее, Чили и Тайване...

задачи «снятия» частной собственности как таковой. Ведь и уравни- тельный, и товарный коммунизм в качестве условия своей возможности предполагают разделение деятельных способностей между односто- ронне развитыми индивидами и, в порядке логического дополнения, существование массы сверхличных, «вещных» посредников, без кото- рых немыслима экономическая машина, основанная на частном труде. Тот и другой не только оставляют в неприкосновенности разделение труда, не устраняют его хотя бы в тенденции, но еще больше усугуб- ляют его, без конца наращивая слой специалистов-менеджеров от госу- дарства, которые заняты лишь *распределением* потребительных стои- мостей, созданных *чужим* трудом.

Стало быть, обе эти общественные формы оставляют в неприкос- новенности и частную собственность, – ибо разделение труда и частная собственность, согласно Марксу, выражения тождественные: первое означает для живой деятельности то же, что второе для ее продукта, т.е. деятельности, в нем «угасшей».

V

«Положительное» установление общественной собственности рав- нозначно, по словам Ильенкова, возникновению реальных условий для превращения каждого человеческого индивида в разносторонне разви- тую личность. Погашение физических потребностей – Маркс опять- таки ошибался, полагая, что эта задача не по плечу экономической сис- теме, основанной на частном труде, – высвобождает время и силы лич- ности для развития ее конкретно-человеческих качеств, индивидуаль- ных форм ее «родовой жизни». Ведь «человек в истинном смысле слова только тогда и производит, когда свободен от нее [физической потреб- ности]»¹.

Избавление человека от ее абстрактной власти есть, меж тем, дале- ко не достаточное, хотя и абсолютно необходимое, условие реального присвоения собственности. Нужда и внешняя целесообразность не должны диктовать личности условия ее деятельности, – это так, однако еще важнее, чтобы кардинально изменился *предметный характер* че- ловеческой деятельности, ее технологическая структура и «костная ткань» – орудия труда. Качество собственности переменится не рань- ше, чем завершится революция в сфере предметных условий труда, – «когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

Эта революция является исторической миссией *капитала*, – миссией, осуществлению которой самым энергичным образом противится абстрактная потребность рабочего: «Если капитал есть *всеобщая форма богатства*, то труд является такой субстанцией, которая ставит себе целью *непосредственное потребление*. Но в качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме»¹.

Противостояние капиталистической и социалистической форм собственности – это не что иное, как *внешне-историческое* проявление противоположности капитала и труда вообще², как ее описал Маркс. Капитал, «в качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства», накапливает ресурсы и развивает производительную силу труда; напротив, «труд» (и, равным образом, социализм) «ставит себе целью непосредственное потребление», поглощая необходимые «материальные элементы для развития богатой индивидуальности», – чем *препятствует* реально совершающемуся движению общества к историческому триумфу «всесторонне развитой личности».

Капитализм есть общество *созидания и накопления*, социализм – общество *непосредственного потребления*. И то и другое достигается ценой отчуждения человека от самого себя, от своей предметно-деятельной сущности, только в первом случае главным инструментом отчуждения служат деньги, а во втором – институт государства.

Впрочем, отчуждение вовсе не является безусловным злом. Согласно Марксу, это необходимая историческая форма развития человеческой индивидуальности. Человека вообще отличает от прочих живых существ умение «отклеиться» от собственной жизнедеятельности и поставить ее *форму* перед собой, в качестве *внешнего* предмета деятельности, иначе говоря, превратить эту форму в идеальное «пред-ставление». Ильенков гениально описал эту диалектику превращения формы деятельности в предмет и снятия формы предмета человеческой деятельностью.

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. М., 1980, Ч. 1, с. 282-283. [Курсив мой. – А.М.]

² Недавняя холодная война двух мировых «лагерей» была естественным продолжением и завершением *на политической поверхности истории* холодного же (экономического) конфликта труда и капитала.

Тот же самый акт, только разворачивающийся в масштабах истории человечества – на протяжении нескольких тысячелетий, зато всего один раз, – в работах Маркса зовется «отчуждением». «Индивиды не могут подчинить себе свои общественные связи, пока они эти связи не создали», – и не могут эти связи создать, иначе как имея их перед собой в качестве таких чуждых, сверхличных сущностей, как деньги или государство. Чтобы «выработать всю полноту своих отношений», писал Маркс, человеку приходится сначала «противопоставить их себе в качестве независимых от него сил и отношений». Так, меновые стоимости, товары, «вместе со всеобщим отчуждением [Entfremdung] индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей»¹.

Рассмотрим теперь конкретнее условия реального снятия отчуждения.

VI

Обретая в форме капитала бытие «в себе и для себя», вещная сторона труда достигает колоссального преобладания над живым физическим трудом, дробит последний на все более простые доли и сводит его затраты к бесконечно малой величине. Пролетарий, как экономическая категория, исчезает, убывает и энергия абстрактной потребности.

Параллельно растет зависимость труда от *разумного умения* работника. История формообразования труда возвращается, в конце концов, в свое *основание*² – к человеку. Однако последний является уже не столько тем физическим субъектом, который некогда положил начало истории, сколько мыслящим субъектом, собственником знания, в органы которого превратились вещественные слагаемые труда.

Эта форма труда возможна только при наличии орудия, которое больше не зависит от физической рабочей силы человека. Таким орудием труда становится *автоматическая машина*, то есть машина, которую приводит в движение не деятельность человеческих мышц, а энергия природы. Обслуживание автоматической машины есть деятельность по преимуществу умственная, а не физическая, поэтому в дальнейшем, по мере распространения этих машин, место пролетария в акте труда займет работник-интеллектуал.

Непосредственным продуктом интеллектуального труда являются *идеи*. В отличие от предметов материальных, идеи по своей природе *неотчуждаемы*: приобретая и обменивая идеи, человек не отбирает их у другого человека и не теряет сам. Отношения частной собственности в

¹ Там же, с. 107-108.

² Я имею в виду гегелевскую категорию основания (*Grund*).

мире идей невозможны; правда, они могут какое-то время распространяться на *вещи*, в которых человек опредмечивает свои идеи. Однако предметные условия интеллектуальной деятельности нельзя удержать в частной собственности отдельных лиц, классов или государств, не погубив этим мышление как таковое. Лишившись кислорода общения, человеческая мысль угасает; ее свободное *An-und-für-sich-sein* требует универсального общения личностей, возможного лишь при условии *непосредственно-общей собственности* на предметные условия труда.

Товарные свойства идей в высшей мере необычны. Потребительная стоимость идеи не утрачивается, а напротив, *неограниченно возрастает* в результате ее потребления: чем активнее и чаще люди пользуются идеей, тем она делается полезнее. А стоимость идеи (количество содержащегося в идее необходимого рабочего времени) не поддается даже приблизительному определению. Маркс абсолютно прав, утверждая, что адекватной мерой интеллектуальной деятельности является не рабочее время, а время *свободное*.

Ясно, что рыночные отношения, ориентирующиеся на закон стоимости, не в состоянии регулировать обмен идеями столь же эффективно, как они регулировали обмен материальными ценностями. Что же случится, когда величина человеческого труда, кристаллизованного в идеях, станет на порядок большей величины труда, затрачиваемого на создание предметов физического потребления? Логично предположить, что управление экономикой перейдет от «невидимой руки» рынка, денег и «для-себя-сущих» структур государства к человеку и подчинится его *разумному уменью*, подобно многим явлениям внешней природы. Конкретные черты этой посткапиталистической экономики вряд ли возможно представить уже теперь.

VII

Преодоление отчуждения Маркс связывал с созданием условий неограниченного усвоения каждым индивидом знаний и умений, которые опредмечены человечеством в виде внешних вещей. Однако формальное упразднение частной собственности посредством революции и диктатуры пролетариата, как наглядно показала история XX века, нисколько не устраняет отчуждение, а напротив, до предела его обостряет. *Реальное снятие отчуждения* означает изменение характера человеческой *потребности*, приводящей в движение труд.

В обществах архаической формации человека принуждали к труду его природные потребности; в экономике следующей, вторичной формации одни люди принуждали к труду других; в капиталистической экономике под действием законов конкуренции складывается особый тип человеческого поведения – «самоэксплуатация» (Маркс), и форми-

руется представление о труде как общем человеческом долге, которое Макс Вебер считал атрибутом «протестантской этики». С превращением интеллектуальной деятельности в основной вид труда доминирующей становится более высокая мотивация – *потребность в труде как таковой*. Отношение взаимного отчуждения труда и собственности может прекратиться не раньше, чем разумный труд станет всеобщей потребностью.

«Историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие... разовьется как всеобщее достояние нового поколения»¹

Естественно, Маркс не имел в виду *механический* труд – когда человек сам делает то, что могут вместо него делать вещи. В этой своей форме труд никогда не станет для человека потребностью, ибо он уравнивает человека с вещью, игнорирует его *differentia specifica*. Маркс говорит о труде *интеллектуальном*, который представляет собой «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку» (что не мешает ему оставаться «физическим упражнением, поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии»)².

Хотя умственный труд, как и физический, может и должен на время принять отчужденную историческую форму, он, в отличие от физического труда, в принципе не может совершаться механически. В механическом труде «ум» отсутствует, вследствие чего труд, собственно, и делается механическим. В этом, самом общем смысле умственный труд – во все времена и во всех экономических формациях – является свободной самодеятельностью человека.

Итак, до тех пор, пока не изменится *предметный характер труда* (в пользу подавляющего преобладания доли умственной деятельности и ее продуктов, идей, над деятельностью механической) и *характер потребности* (в труде), всякие попытки превратить экономику в инструмент осуществления коммунистических идеалов обречены оставаться утопией и приводить только к *экономической деградации* и, соответственно, к реальному удалению общества вспять от этих самых идеалов. Революции и прочие радикальные опыты социальной инженерии только мешают труду создавать, а капиталу накапливать «материальные элементы», жизненно необходимые для существования всесторон-

¹ Там же, с. 282.

² Там же, Ч. II, с. 224.

не развитой индивидуальности. Не следует торопить историю, рискуя тем, что ребенок коммунизма в который раз родится недоношенным. Придет срок и он сам появится на свет «в его положительной, с себя начинающей форме» (Маркс).

В.А. Лазуткин

Социализм как присвоение культуры

Если посмотреть на историю человечества с точки зрения того, что является основным предметом присвоения, собственности, то можно заметить, что таким предметом всегда являлась основная производительная сила общества, она же представляла собой ближайшую неорганическую природу для человека. Исследуя исторический путь человечества в этом аспекте, можно выделить две большие эпохи. Первая – эпоха натурального хозяйства. Основной производительной силой в эту эпоху являются сами силы дочеловеческой природы и прежде всего производительная сила земли: все способы производства этой эпохи, начиная с первобытнообщинного и заканчивая феодализмом, основывались поэтому на различных модификациях земельной собственности, различных формах собственности на землю.

Вторая эпоха представляет собой историю буржуазного общества, капитализма. Здесь главной производительной силой общества становится абстрактная способность человека к труду, живой абстрактный труд. Поэтому труд здесь является основным предметом присвоения, собственности. Капитал как основное общественное отношение расширенно воспроизводит себя, только беспрестанно присваивая труд. Основной спецификой такого труда является то, что это труд частичный, а сам трудящийся является частичным звеном, «винтиком» целостного процесса производства того или иного товара, либо проектного обеспечения этого производства, либо обеспечения реализации товара. Дело не меняется от того, что в так называемых «постиндустриальных», «информационных» обществах основная масса работников перемеща-

ется в область проектной подготовки производства, а разделение труда (в собственном смысле этого слова – отделения умственного труда от физического) принимает международный характер.

Если теперь рассматривать социализм в принятых нами исторических координатах, то его можно было бы определить как общество, где основным предметом присвоения выступает культура, как *система деятельных способностей человека*. Поэтому, прежде чем продолжить разговор о социализме, необходимо сказать несколько слов о понятии «культура». Культура с ее нематериальной (идеальной = *ideelle*) стороны представляет собой не что иное, как совокупность социально-исторически развившихся деятельных способностей человека: способностей к преобразованию материального мира и деятельности в нем – *способностей к материальной деятельности* и способностей к преобразованию внутреннего мира человека – совокупности его человеческих отношений к миру – *способностей к духовной деятельности*.

Как у духовной, так и у материальной культуры, есть материальная сторона – материальные формы культуры – будь то лопата и способы работы с ней или же живописное полотно и, к примеру, способы класть краски на полотно (а равно способы оптически правильно смотреть на картину), то есть *культурные формы* вещей и *культурные формы* деятельности с вещами. К сожалению, часто имеет место смешение материальной культуры и материальных форм фиксации культуры (материальной стороны культуры). Живописное полотно, музыкальный клавишник и т.п. такие же вещественные формы культуры, как и машины и механизмы, но фиксируют, символизируют эти вещественные формы разные виды культуры: первые – культуру духовную, вторые – культуру материальную.

Как инобытие человеческой деятельности, как ее предметность, эти символы равно идеальны (Э. Ильенков). Однако в процессе развития самого идеального они, безусловно, представляют разные ступени; это идеальности разного порядка (М. Лифшиц). К примеру, лопата идеальна в аспекте педагогическом (как по отношению к отдельному человеку, так и по отношению к человечеству), в аспекте овладения человеком материальной культурой. Взятая в аспекте преобразования материального мира, она также материальна, как и вырытая с ее помощью траншея. Лопата идеальна только в аспекте культуры, только как аспект культуры, то есть поскольку она не только материальное средство, орудие, но и представитель *деятельной способности* человека. Живописное полотно и т. п. есть исключительно средство преобразования человека как субъекта деятельности, то есть его духа, его способностей, его отношений к миру, к другим людям и к себе самому, есть всецело средство его эстетического воспитания (как и понятие есть всецело

средство его научного образования) и потому оно всецело в аспекте культуры, всецело аспект культуры.

Еще раз зафиксируем четко эти различия. Культура есть совокупность деятельных способностей человека. Как таковая культура всецело идеальна. Совокупность деятельных способностей человека по преобразованию материального мира – материальная культура; совокупность деятельных способностей человека по преобразованию самого человека, его духа, по развитию его способностей – духовная культура. Материальные формы культуры – предметная фиксация деятельных способностей человека, способов его деятельности, его отношений.

По поводу категории «отношение» здесь необходимо заметить следующее. Известный психолог В.Н. Мясищев писал: «Самое главное... что предмет, лицо, любое обстоятельство (в связи с которым находится человек. – В. Л.) представляет не только *сенсорную* совокупность (вернее, не только чувственную определенность. – В. Л.), но имеют и определенный смысл (точно так же как и действия человека)»¹. Поэтому, как утверждал далее Мясищев, отношения – это связи человека не столько с внешними сторонами вещей, сколько с их существом, с их смыслом.

Но *их* существо, *их* смысл внутри человека есть не что иное как его деятельные способности. Таким образом, человек только тогда *относится* к предмету, когда он связан с ним как со своей собственной деятельной способностью, вернее, когда он посредством предмета, через предмет, связан со своей деятельной способностью, когда, стало быть, предмет предстает перед ним как его опредмеченная способность, когда он берет его не только как объект, но и как деятельность, субъективно. Животное на это не способно, поэтому, по Марксу, оно и не способно к чему-либо относиться.

Человеческое отношение не просто связь с предметом (даже, когда предметом выступает сам человек), а именно деятельная связь. Деятельная способность человека и действительна только как его отношение. Когда вещь отражается (или выражается) как деятельная способность человека к воспроизводству или преобразованию этой вещи, то она (вернее ее форма) берется как отношение; когда деятельная способность выражается в вещи, она берется как форма, как определенная форма вещи. Животное именно потому и не относится, что оно внутренним образом – через способность производить в соответствии с логикой вещи, с ее законом, ее всеобщей формой – не связано с вещью.

¹ Мясищев В.Н. Проблема отношения человека и ее место в психологии / Хрестоматия по психологии. М., 1987. С. 146.

Оно не может поэтому относиться к ней, а может только внешним для него образом соотноситься с ней, быть соотнесено с этой вещью в рамках внешнего им обоим целого.

Если мы далее зафиксируем как предмет форму отношения, то получим то, что философы, опять же по выражению Маркса, называют *идеей*, то есть форму культуры (*форму духа*) – продукт и одновременно средство образования человеческого рода (человеческого развития). Все это позволяет нам вместе с В.Н. Мясищевым утверждать, что «в сущности вопрос о развитии человека неразрывно связан с формированием его отношений». Всеобщие, необходимые формы человеческих отношений – это и есть культура.

Начиная с 1999 года на страницах журнала «Альтернативы» ведется дискуссия о роли культуры при социализме. Инициатор дискуссии В. Межуев утверждает: «Социализм не отрицает экономику, а постулирует в качестве ее основных целей цели культуры, т. е. цели собственно человеческого развития, развития человека как «свободной индивидуальности»... экономика при социализме есть прямое дело культуры, а не наоборот... социализм поднимает труд до уровня культурного творчества и делает культуру уровнем, предпосылкой и результатом такого труда»¹.

Б. Славин – основной оппонент В. Межуева – отрицает базисную роль культуры в обществе и определяет ее по преимуществу по ведомству надстройки. Однако материальную культуру в вышеуказанном смысле к надстройке уж никак не отнесешь. Да и духовная культура, институализируясь как надстроечное образование, принимает отчужденную форму абстрактного духовного производства, которое по аналогии с «собственно материальным производством» можно было бы назвать «производством собственно духовным». Это – отчуждение вплоть до мертвой предметности духа, подавляющей дух живой.

В действительности собственно материальное производство есть только момент производства духовного, понимаемого как человеческое развитие. Но на первом этапе это отношение оборачивается, и развитие материального производства начинает определять духовное развитие, – это процесс рождения человеческого духа, когда последний неизбежно принимает отчужденную форму. В этом смысле материальное производство повивальная бабка человеческого духа – культуры, действительное основание производства духовного, без этого духовное развитие просто не может начаться. Но этот период господства собственно материального производства – этой абстракции человеческого произ-

¹ Вадим Межуев и Борис Славин. Диалоги о социализме. Два подхода к одной идее. М., 2001. С. 72.

водства, сам является лишь моментом человеческой истории (он, скорее, есть предыстория), как и материальное производство – момент человеческого, духовного производства, развития человеческой личности (а личность всецело идеальна). Только дух здесь не надо понимать на чисто спиритуалистический лад. Такое понимание человеческого духа само есть результат абстракции собственно материального производства, которое неизбежно порождает противоположный абстрактный полюс – «собственно духовное производство» – идеологическую сферу человеческого бытия. Под духом я понимаю человеческую личность, мыслящее тело человека, включающее и его неорганическое тело (в пределе всю природу), его сознательное бытие; культуру как совокупность субъективных способностей человека, а не мертвые продукты идеологического производства: государство, право, религию и т. д. (то, что традиционно относится к надстройке). Последнее, конечно, никогда не станет основой человеческого развития (мало того, все это подлежит снятию как отчужденные формы человеческой духовности), а культура, личность, свободная индивидуальность станут!

«Если стать на точку зрения В. Межуева, отождествляющего культуру со всем «человеческим», со всем «общественным», то тогда на самом деле культура является базисом существования человека и общества», — замечает Б. Славин¹. Но так ведь оно и есть. Ведь человек только потому и человек – только тем и отличается от животного – что он имеет культуру. Он человек, поскольку он освоил (присвоил) в своем индивидуальном развитии выработанные историей человечества формы культуры – это действительное богатство человека в противовес лишь абстрактному выражению этого богатства – деньгам. Человек с его отношениями – культурой – и не может существовать без культуры ни в отношениях трудовых, ни в отношениях половых, ни в каких других отношениях. Не относится животное, вот и все. Культура есть совокупность форм всех человеческих отношений, способов его бытия как человека, собственно это не что иное, как сущность человека.

Зря Б. Славин сомневается, что капитал может быть отчужденной формой культуры. Прав здесь В. Межуев на все сто. Ведь для Маркса капитал заключается не в вещественной стороне орудий, машин и т. д., а в их способности опосредствовать труд человека, в той универсальной совокупности деятельных связей, отношений человека, моментами которых и являются орудия, машины и т. п. В форме капитала, в форме денег все это универсальное общественное богатство и отчуждено от человеческого индивида. «Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо

¹ Там же, с. 98.

других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу»¹.

Именно культура есть подлинное человеческое богатство, и именно его абстрактной формой выражения, его отчужденной формой является капитал, стоимость, как продукт абстрактного труда – этого базиса капиталистического общества. Не посчитаю лишним еще раз напомнить здесь Б. Славину, что базисом любого общества как историко-культурного образования является деятельность человека, а орудия, средства, материалы, лишь моменты этой деятельности и без нее они – ничто. Вы сомневаетесь, что капитал является по своей сути отчужденной формой культуры. Тогда в чем, позвольте спросить, его положительное содержание и зачем он вообще возник в истории человечества. Славин пишет, что «капитал есть все-таки отчужденная форма труда, а не культуры»². Во-первых, это не верно: капитал является не отчужденной формой труда, а отчужденной формой его инобытия, лишением труда предметности. А во-вторых, культура есть не что иное как совокупность деятельных способностей человека – форм труда, так как же можно противопоставлять труд культуре, ведь только в труде она существует реально. И если предметность культуры (культурная предметность) отчуждена от рабочего, то это только потому, что от него отчужден труд, потому что его труд не есть его деятельность, потому что он опредмечивается в противоположность ему. Вместе с деятельностью от рабочего отчуждена и субъективность – ансамбль форм человеческой деятельности и человеческих отношений – культура.

Когда труд реально обобществлен, когда он носит конкретно-всеобщий характер, тогда и субъект его есть непосредственный субъект культуры. Такому труду как базисной общественной силе и соответствует культура как базисное общественное отношение.

Для Маркса, как гуманиста, человек всегда стоял на первом месте, в том числе и в вопросе о собственности, вещи же лишь опосредствуют и отражают человеческие отношения. Поэтому сущность собственности – присвоение человеком окружающего его мира, преобразование, очеловечивание этого мира, — он видел в труде, в человеческой деятельности. Для него преобразование частной собственности в общественную означало прежде всего преобразование формы деятельности человека, формы его труда. Труд абстрактный, частичный, вынужден-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46. Ч. I. С.476.

² Вадим Межуев и Борис Славин. Диалоги о социализме. Два подхода к одной идее. М., 2001. С. 99.

ный, должен уступить место *труду конкретному, всеобщему, свободному, творческому*. Но даже свободный труд он рассматривал именно как средство самореализации человека, человеческой свободы.

«Гуманизм», «социализм», «коммунизм». У Маркса такое соотношение, как мне представляется, намечено уже в одном из писем А. Руге 1844 года. Это соотношение действительно справедливо, если всеми тремя терминами обозначается конкретный, целостный исторический процесс снятия материального, социального и духовного отчуждения. Процесс освобождения человека реален только в конкретном единстве этих трех аспектов.

Идеалом К. Маркса было гуманное (человечное, истинно человеческое) общество или обобществившееся человечество. Последнее означает и то, что человеческая сущность, человеческие сущностные силы, универсальные деятельные (субъективные) способности человека стали достоянием всего общества и каждого человека.

Универсальные деятельные (субъективные) способности человека есть не что иное, как культура – непреходящий продукт общественно-исторического процесса. В таком понимании культура всецело идеальна. Система универсальных деятельных способностей человека может существовать (быть действительной) только в непрерывном процессе деятельного опредмечивания и распредмечивания. Культура действительна для человека только через свою (она же его, человека!) предметность. Предметность культуры есть ее материальная сторона, будь то лопата, или же средство современного автоматизированного производства, живописное полотно или звучащий оркестр, чертеж, представляющий техническое изобретение, или книга, представляющая научное открытие (художественный образ).

В другом аспекте мы можем говорить о духовной и материальной культуре. Материальная культура – это система деятельных способностей человека по преобразованию материального мира, духовная культура – система деятельных способностей по непосредственному преобразованию самого человека, его духа, его деятельных способностей, его человеческих отношений к миру и себе самому, его способов бытия. Можно сказать, что духовная культура – это система способностей по образованию как Человека, так и человеческой личности, человеческой индивидуальности.

Говоря о материальной стороне культуры, мы не можем провести безусловного разделения, того в ней, что имеет отношение либо к культуре материальной, либо к культуре духовной. Действительно, лопата, взятая в аспекте преобразования материального мира (например, как средство для рытья траншеи) представляет собой материальную силу, в этом аспекте она так же материальна, как и вырытая с ее помощью

траншея. Но, с другой стороны, лопата представляет определенную деятельную способность человека, является ее предметностью. А деятельная способность может быть освоена (присвоена) человеком только через деятельность человека с соответствующим предметом. Когда человек при помощи лопаты овладевает определенной деятельной способностью, когда лопата выступает как средство образования человека, она, безусловно, идеальна. С другой стороны, живописное полотно представляет собой не только художественный образ, но и определенную технологию работы с красками, то есть деятельную способность по преобразованию материального мира (такого же рода способностью является и способность зрителя находить правильный ракурс восприятия картины). Поэтому во вполне определенном смысле можно говорить о живописном полотне или о скульптуре, как о предметности культуры материальной. И все же (здесь прав М. Лифшиц) живописное полотно, скульптура или же научное понятие на порядок более тесным образом связаны с человеческим духом, чем лопата или любое другое орудие материальной деятельности, принадлежащие по преимуществу к миру материальной культуры; живописное полотно или скульптура принадлежат по преимуществу к миру духовному, духовная же культура имеет более тесную связь с идеальным. Хотя, конечно, не будь лопаты (или же ее более древнего аналога) никогда не появилось бы не только живописного полотна, но и первых наскальных рисунков. Культура материальная всегда остается базисом (основанием) культуры духовной.

Мы так долго говорили о понятии культуры потому, что, говоря о социализме, нам не обойти вопрос о собственности, об общественной собственности, ибо это есть основа социализма. Общественная собственность есть собственность каждого и всех, собственность всех и каждого. Как это понимать?

В. Межуев, говоря о социализме как пространстве культуры, причем по преимуществу духовной культуры, утверждает, что объектами общественной собственности могут быть только открытия или изобретения науки и творения искусства. А вот трактор, или скажем станок, принципиально не могут быть объектами общественной собственности, поскольку не могут принадлежать каждому. Но, ведь если быть последовательным с точки зрения принятой В. Межуевым логики, то ведь и скульптура, и живописное полотно, и музыкальный концерт, и балетное представление, и документация на техническое изобретение, научное открытие и т. п. не могут принадлежать каждому. Как говорил, шутя, один из отрицательных персонажей знаменитого советского сериала о «Знатоках», искусство принадлежит народу, а картины принадлежат нам. Но любой феномен культуры (любой действительный объект соб-

ственности) действителен только через собственную предметность, через свою материальную сторону, и если я отчужден от этой предметности, то я необходимо отчужден и от самой культуры (здесь не важно духовной или же материальной).

Говоря о духовной культуре, все богатство художественных образов, нравственных норм, или же научных понятий может быть присвоено каждым только в том случае, если их предметная материальная сторона является собственностью всех. Но и в тракторе, и в станке для меня важны не предметность железа, резины и т. д., а предметность определенной материальной деятельной способности человека, каждый может овладеть такими способностями, если их предметность принадлежит всем.

Таким образом, если мы будем рассматривать собственность с ее объектной стороны, а это вся совокупность феноменов культуры, то вне зависимости от того, о феноменах какой культуры идет речь – духовной или же материальной – возможность их присвоения (собственности) неразрывно связана с доступностью их предметности. Другое дело субъектная сторона собственности: без овладения способностью управления трактором или даже легковым автомобилем я еще как-нибудь проживу, а вот без овладения чувством прекрасного, понятийным мышлением, нормами нравственного поведения, я поистине буду считать себя ущербным. Это проявление существенно большей всеобщности, универсальности феноменов духовной культуры, в отличие от феноменов культуры материальной.

Таким образом, общественная собственность предполагает, что предметность культуры является собственностью всех, а сама культура – собственностью каждого.

Собственность есть вообще общественная связь. Насколько собственность стала общественной, настолько же и общественная связь стала действительно всеобщей, настолько же каждый индивид стал действительно общественным индивидом. Насколько общество стало истинно человеческим, настолько же и человек стал истинно общественным. Здесь имеется существенное различие, игнорирование которого связано с двумя терминологическими нонсенсами. Первый нонсенс – это «коммунистический человек» – выражение, к счастью, не нашедшее у нас такого массового употребления, как второй нонсенс – «социалистическое общество», использовавшийся в нашей общественной науке и идеологии направо и налево.

«Коммунистическое общество» или же общество завершенного коммунизма, означает завершенную, ставшую действительной всеобщность общественной связи. *«Социалистический человек»* означает человека, присвоившего себе свою общественную связь, человека, сняв-

шего свое отчуждение от общества, то есть от других людей и общественных связей. Именно в этом смысле Маркс и использует термины «коммунизм», «коммунистический», «социализм», «социалистический», начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года». И позднее он не изменял для себя значение этих терминов, хотя, безусловно, понятия «социализма» и «коммунизма» им развивались и совершенствовались. Он никогда не называл социализм какой-либо фазой коммунизма – процесса обобществления, очеловечивания собственности. Социализм – не фаза, не этап, а просто другой аспект процесса гуманизации, аспект личностный, индивидуальный, субъектный. Поэтому Маркс и говорит, что для социалистического человека, присвоившего для себя свою общественную связь и тем самым сделавшего ее для себя ясной (прозрачной) нет необходимости ни в каком атеизме, являющемся отрицанием фантастического представления об этой связи, о собственной общественной сущности.

Коммунизм, как обобществление общественной связи, со стороны индивида (т. е. в аспекте социализма) «как раз и предстает как задача социальной педагогики, как задача превращения каждого индивида из односторонне развитого профессионала, раба наличного разделения труда во всесторонне развитую индивидуальность, способную без особого труда и личных трагедий менять виды деятельности»¹.

С другой стороны, «Социалистическое общество» – это просто тавтология. Однако не все так просто. Общество ведь может быть и общественным, или, выражаясь гегелевским языком, не соответствующим своему понятию, неразумным, неистинным. Вся история утопического социализма представляет собой поиск такого разумного, истинного общественного устройства. Это разумное общество рассматривалось как средство изменения человека, но никогда не рассматривалось как результат этого изменения. Оно всегда рассматривалось по отношению к человеку, индивиду, личности, как нечто внешнее, как их абстрактная противоположность. И только тогда, когда была понята общественная природа человека, тогда термин «социалистический человек» стал обозначать истинного человека, человеческого индивида, личность, соответствующую своему понятию, своей сущности, а основание несоответствия человека своему понятию, конфликта между его сущностью и существованием, стали видеть в отчуждении его от общественной связи, от общества, от совокупности исторически возникших общественных отношений.

¹ Ильенков Э.В. Маркс и западный мир // Философия и культура. М., 1991. С. 166.

Соответственно и разрешение этого противоречия стали видеть в обобществлении общества, в коммунизме. «...Он есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между сущностью и существованием, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью...»¹. Поэтому человека, овладевшего своим понятием, т. е. адекватным самосознанием, Маркс и называет социалистическим человеком: «Социализм есть *положительное*, уже не опосредствуемое отрицанием религии *самосознание* человека, подобно тому как *действительная жизнь* есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, *коммунизмом*»².

Таким образом, можно сказать, что истинный человек – это общественный человек, в противоположность буржуа или пролетарию, феодалу или крестьянину и т. д., а истинное общество – это человеческое, всеобщее общество, в противоположность обществу буржуазному, феодальному и т. д. То есть истинное общество – это завершенное коммунистическое общество, или общество, как результат завершеного коммунизма. Это общество всесторонне развитых личностей, свободных индивидуальностей. Маркс называет все это положительным гуманизмом.

Таким образом, терминами «социализм» и «коммунизм» Маркс и Энгельс обозначали два аспекта – теоретический и практический – единого процесса гуманизации общества и освобождения человека. Энгельс так и назвал одну из своих замечательных работ «Развитие социализма от утопии к науке», в которой прямо определил социализм как теоретическое выражение пролетарского движения, т. е. коммунизма. Никогда и нигде ни Маркс, ни Энгельс не называли ни социализм, ни коммунизм общественными системами, формами (моделями) общества, формациями и т. п. Никогда они не говорили о социализме как о фазе коммунизма, да и «фаза коммунизма» – это не модель общества, а этап практического движения по преобразованию общества.

В чем заключается трагедия России? В том, что в начале XX века, с одной стороны, предпосылки социализма еще не получили в ней достаточного развития, но что, с другой стороны, Россия не могла «идти вперед, не идя к социализму» (Ленин). Диалектически архисложнейшая вещь совместить развитие предпосылок социализма с социалистиче-

¹ Маркс К. Социология (сборник). М., 2000. С. 259.

² Там же. С. 271.

ским развитием¹ как таковым. Такой путь чреват провалами, обратными движениями, историческими зигзагами, но иной путь развития для России был заказан, иной путь – это консервация отсталости России, чтобы по этому поводу ни говорили контрреволюционеры всех мастей.

Здесь необходимо пояснить, почему мы считаем утопическим буржуазно-демократический вариант развития как для России, так и для всех так называемых развивающихся государств. Капиталистическое развитие в отличие от предшествующих этапов развития с самого начала носит глобальный характер, поскольку оно вообще возможно только как становление мирового рынка, как развитие мировой экономики. Поэтому и нельзя говорить о самом по себе капиталистическом развитии какой-либо отдельной страны. Капитализм на первом этапе своего развития, выходя из недр феодального общества, с необходимостью опирается на демократический подъем народных масс. Далее, по мере нарастания кризисных явлений, усиления классовой борьбы, с одной стороны, демократический подъем народа все более носит антибуржуазный характер, а с другой — буржуазия все более склонна прибегать к самым крайним формам политической реакции, как во внутренней, так и во внешней политике (отсюда, кстати, и мировые войны, и известные амбиции быть мировым жандармом). И, если народ той или иной страны, объективно будучи втянутым в процесс капиталистического развития, вступает на путь антифеодальной или национально-освободительной борьбы, эта борьба с необходимостью носит также и антикапиталистический характер. Поэтому в России начала XX века буржуазия была склонна скорее к союзу с феодально-бюрократическим государством, с деспотическим режимом, чем к оппозиции к нему. Фрондирующие либеральные интеллигенты, явившиеся предметом критики авторов известного сборника «Вехи», не в счет. Ибо их либеральная риторика немедленно прекращалась всякий раз, когда революционно-демократический подъем низов угрожал их филистерски сытому существованию.

По этому поводу Ленин отмечал, что капиталистический мир идет к неслыханному краху, который способен порвать и неминуемо порвет все основы культурной жизни². «Однако все поправки к анархии частных интересов в буржуазном обществе означают лишь восстановление некоторых средневековых и монархических институтов, каковы – единовластие, наделенное неограниченными полномочиями, господство

¹ Под социалистическим развитием здесь соответственно понимается сознательное, свободное развитие в противоположность развитию стихийному и вынужденному, имеющему иллюзорное самосознание.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 36, с. 436.

чиновников, улаживающих взаимоотношения между различными общественными группами, и другие виды чрезмерно растущей политической надстройки, если не просто диктатуры сабли», — писал М. Лифшиц¹.

И у него же в тексте 1933 года читаем: «Если в прежние времена буржуазные политики отстаивали интересы господствующих классов во имя догматов полезности и права, то в настоящее время, говоря словами Германа Геллера, родился новый тип политика, «романтического эстета в области политики, который больше ценит эффектные, чем эффективные действия правительства и находит наилучшее в элегантном шатании между... диктатурой и анархией, между Сорелем и Муссолини»².

В начале века Россия представляла собой «кипящий котел» противоречий, нагнетавшихся и не разрешавшихся десятилетиями и даже столетиями: все попытки модернизации носили односторонний, абстрактный, лишь формальный характер и только загоняли эти противоречия внутрь, многократно усиливая их напряжение. Вопрос о земле и сословные перегородки, принявшие во время первой мировой войны форму противостояния армейских низов и верхов, деспотический, бюрократический и полицейский характер власти, «амбарный рынок»³.

Отсутствие положительного разрешения всех этих давящих чело- века проблем все более способствовало разложению элементарных форм общественности и культурности, развитию негативных форм снятия отчуждения, подобных кинизму у античных греков, с той лишь разницей, что для киников было характерно негативное отношение лишь к формам материальной культуры, вернее даже к материальным формам, материальной стороне, материальной культуры (в ней они видели основу отчуждения), а для «декадентов» и «анархистов» всякого рода – негативное отношение к культуре в целом, и даже к формам духовной культуры, в особенности.

Россия необходимо нуждалась в *ускоренной модернизации органически сочетающейся с попыткой революционным путем сохранить от распада все то положительное, что было выработано в российской культуре за предшествующие века*, в ускоренной модернизации, кото-

¹ Лифшиц Мих. Поэтическая справедливость. М., 1993. С. 332.

² Лифшиц Мих. Соч. в трех томах. Т. 1. М., 1984. С. 11.

³ «Купец любит не торговать, а начальствовать, и ваш амбар не торговое учреждение, а застенки! Да для такой торговли, как ваша, нужны приказчики обезличенные, обездоленные, и вы сами готовите себе таких, заставляя их с детства кланяться вам в ноги за кусок хлеба, и с детства вы приучаете их к мысли, что вы – их благодетели.» (Чехов А.П. Три года // Соч. в восьми томах. Т. 5. М. 1970. С. 462.)

рая могла бы обеспечить культурную преемственность. (Мих. Лифшиц применительно к данному вопросу вслед за Герценом говорил о революции как о «силе хранительной».)

Мне вспоминается, как я в 1988 году, поступая в аспирантуру, сдавал экзамен по марксизму-ленинизму. Мне достался как раз вопрос о последних письмах и статьях Ленина. Я по наивности своей начал ответ с работы Ленина «Что делать?». Я стремился показать её связь с «Письмом к съезду», с «Как нам реорганизовать Рабкрин?», с «Лучше меньше, да лучше», показать, что мысли последних работ Ленина не были чем-то из ряда вон выходящим в его наследии. Меня в довольно жесткой форме прервали, сказав, чтобы я говорил «по существу», т. е. не о политике, а об экономике, о кооперации и т. п. Но в том то и дело, что экономическую сторону ленинского НЭПа нельзя оторвать от его политической и культурной сторон. В противном случае он неизбежно приходит к своему вырождению и краху, и «злая воля» Сталина здесь совершенно не при чем. Если что-то и создавалось в СССР, то как раз не вопреки, а благодаря Сталину (как бы он ни был мне глубоко антипатичен), альтернативой его «великому перелому» могла быть только великая катастрофа. Положительная альтернатива сталинизму была не в 1929, а в 1923-24 годах, но тогда она не была реализована: Ленин оказался глубоко непонятым своими соратниками. Если «реальный социализм» создавался в СССР не благодаря, а вопреки Сталину, то не понятно, как он вообще создавался. Разве, что прав Б. Славин, и тоталитаризм есть сугубо надстроечное явление, «реальный социализм» тогда получается явлением сугубо базисным. А как иначе?

Обосновывая «перемену всей нашей точки зрения на социализм», Ленин писал: «При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции»¹.

Ведь в чем заключается проблема общественной собственности. Что такое способ присвоения, как не форма деятельности вообще и форма труда в частности. Одна форма труда соответствует собственности частной, другая – общественной (= личной). Базовым принципом социализма является принцип обеспечения свободного развития каждого человека, основной целью здесь является человек, тогда как мир частной собственности низводит человека до средства «самовозрастания» вещного богатства.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 376-377.

Такие известные писатели на тему социализма, как А. Бутенко и Б. Славин предостерегают от зряшного отрицания частной собственности, что означает в том числе и сохранение ее положительного содержания. Но, что составляет это содержание? Частная собственность – превратная форма универсального развития деятельных способностей человека и соответственно его потребностей. Именно деятельные способности человека, собственно говоря, его свобода, являются в условиях общественной собственности главным результатом труда и соответственно объектом присвоения. Иное понимание вопроса – это просто попытка реализации старой утопии превращения всех трудящихся в частных собственников. Говоря о том, что основой социализма является воссоединение непосредственных производителей со средствами производства, Б. Славин и С. Федоров не говорят о том, какие это средства. В условиях XXI века — это достижения науки и техники, знания и способности самого человека, предполагающие высокий уровень образования и культуры субъекта присвоения. Разрешить эту проблему юридическими мероприятиями вовсе невозможно.

Общественный или частный характер собственности определяется еще и тем, что происходит в процессе труда: затрата рабочей силы или реализация и развитие деятельных способностей человека. Если индивид в процессе производства лишь (или хотя бы по преимуществу) затрачивает рабочую силу, то ни о какой общественной (= личной) собственности говорить не приходится.

Но, с другой стороны, ни токарный станок или трактор, или даже целый завод не могут быть объектами общественной собственности, объектом общественной собственности может быть только вся система материального производства в целом, со всеми своими элементами и связями. Как таковая автоматизированная система материального производства может быть только собственностью всех и только потому каждого. Наоборот, знания, деятельные способности человека, способы человеческой деятельности могут быть общественной собственностью, только будучи собственностью каждого, и только потому собственностью всех. Вот в чем разница между материальной и идеальной сторонами общественной собственности. Первая – прежде всего собственность всех, вторая – прежде всего собственность каждого. Только в этом единстве общественная собственность – реальность. Как таковая общественная собственность действительно не экономическая, а культурная категория (прав здесь Межуев), вернее здесь снято противоречие между экономикой и культурой: не экономическая, потому что никакой экономики как системы собственно материального производства здесь больше нет, а есть производство самого человека, не опосредст-

вваемое больше своим собственным отрицанием – абстракцией материального производства, а это и есть собственно культура.

Отчуждение и революционность в современном мире (по материалам статей Э.В. Ильенкова)

Изучение двух указанных в названии этой статьи явлений является основополагающим для понимания динамики развития капиталистического общества. По своей сути это общество таково, что отчуждение является в нем наиболее *всеобщим*, по сравнению с предшествующими социально-экономическими структурами. Эвальд Васильевич Ильенков считал (и в этом он был солидарен с К. Марксом), что «молох отчуждения — это полный псевдоним молоха частной собственности»¹. И далее он пишет, что, капитализм — «это и есть частная собственность, превратившаяся во всеобщий и единственный принцип организации всей социальной жизни и потому охватившая буквально все элементы общественного производства — как материального, так и духовного»². Прочитированные положения, на наш взгляд, самоочевидны и не требуют ни развернутой системы доказательств, ни резкого критического переосмысления. Наоборот, их смысл актуализирует необходимость исследования двух вынесенных в название настоящей статьи явлений.

Опираясь на выводы Э.В. Ильенкова, мы постараемся кратко проанализировать исторический и современный аспекты этой проблемы, поскольку, на наш взгляд, явление под названием «отчуждение» представляет собой одну из основных причин многих бед, преследующих и все человеческое общество, и отдельных его членов, а *революция* оказывается одним из потенциальных путей для преодоления наличных форм отчуждения.

Однако, прежде чем непосредственно приступить к изложению сути проблемы, определимся с терминологией, как это делает Э.В. Ильенков в статье «Гегель и отчуждение». Во-первых, заострим внимание на том, что разработанная в идеалистическом ключе Гегелем и в материалистическом ключе Марксом понятие «отчуждение» в немецком языке имеет несколько неполных синонимов. Маркс и Гегель оперируют тремя из них: „Entfremdung“, „Veräußerung“, „Entäusserung“, из которых наиболее важны первый и последний. Изучение этимологии понятия „Entäusserung“ заставляет нас при точном переводе на русский язык интерпретировать его как „уход вовне“ или же пользоваться, на наш взгляд, достаточно искусственным термином „овнешнение«. В свою очередь, понятие „Entfremdung“ наиболее соответствует русскому слову „отчуждение«.

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 191.

² Там же.

Между тем, понятие „Enttäusserung» более общее, по сравнению с „Entfremdung», на что справедливо указывает Э.В. Ильенков. Если мы попытаемся раскрыть его суть, то придем к выводу, что отчуждение в смысле „ухода вовне» от человека продуктов его труда, каковые, согласно определению Маркса, являются „неорганическим телом человека», есть в глубинном экзистенциальном смысле достаточно большая трагедия людского бытия, поскольку фраза „мы продолжаем жить в своих творениях» — отнюдь не пустой звук. Часть человеческой жизни, таким образом, будучи опредмеченной, *обезличивается* в системе производственных отношений, присущих так называемому „современному развитому обществу с рыночной экономикой».

Но это только один момент, способствующий заострению проблематики отчуждения в современном мире. Второй, по нашему мнению, заключается в том, что общество (мы имеем в виду его современный вариант), согласно сложившимся стереотипам, привычно использует для своего развития продукты человеческого труда, при этом забывая о *развитии самого человека*. То есть, отнимая часть жизни человека, оно, как правило, не обращает внимания на его личность, которая, кстати, в той или иной мере является продуктом тех же самых общественных отношений. В итоге мы видим, что человек, отдавая обществу часть себя, в то же время в значительной мере *отчуждается* от этого же самого общества (становится до некоторой степени внешним по отношению к нему).

Одинокий в рамках данной реальности он стремится так или иначе структурировать реальность собственную — свой внутренний мир. И в этом ему помогают современная культура масс-медиа и Интернет. Но эти нынешние изобретения — всего лишь *паллиативы духовности*, неполноценные заменители реальной жизни. У человека формируется иллюзия того, что он приобщается к продуктам подлинной культуры, присоединяется к общей деятельности, но в том-то и дело, что через средства массовой информации ведется тонкая манипуляция таким „приобщением». Как и раньше, но уже иными способами, люди не сами „приобщаются», а *их „приобщают»*, и нередко к весьма сомнительным вещам.

Таким образом, проблема виртуальной реальности не является только составляющей фантастических фильмов, подобных „Матрице». В фильмах такого рода для нас интересна не столько техническая, сколько *социальная сторона дела*. Нам представляется, что в фантастике такого рода в гипертрофированной форме отражены реалии современного постиндустриального общества. По аналогии с тем, как посредством глобальных иллюзий в указанном фильме компьютерная матрица создает у людей совершенно искаженное представление о ре-

альности, в современном обществе власть предрержащие, посредством упомянутых средств масс-медиа, создают в общественном сознании картину мира и стереотипы, которые главным образом выгодны *элите*, нежели основной массе людей.

Постиндустриальное общество являет нам изощренный способ *эксплуатации* посредством *манипуляции* индивидуальным и общественным сознанием, причем на все более „тонких» уровнях. Суть этого механизма анализируется в специальной литературе, например, в широко известной работе С. Кара-Мурзы „Манипулирование сознанием»¹. Авторы такой литературы вполне справедливо указывают на особую опасность данной формы эксплуатации, которая состоит в незаметной подмене собственной воли эксплуатируемого волей эксплуататора.

Печально то, что в подобной ситуации людей устраивает такое положение дел, которое по многим объективным причинам их устраивать не должно. Многочисленные выборы в нашей стране показали, какими темпами совершенствуются и как именно используются технологии манипуляции сознанием человека. Мысль о том же самом возникает при лицезрении очередного рекламного ролика. Забавное и печальное сходство между рекламой, скажем, жевательной резинки и агитацией за многих кандидатов в депутаты заключается в том, что в обоих случаях людей призывают выбрать что-то или кого-то, что в действительности пользы не принесет: ни в настоящем, ни в будущем.

На основе сказанного выше можно полемизировать с защитниками сложившейся системы социально-экономических отношений и ценностей, которые обычно утверждают, что, *следуя своей имманентной логике*, капитализм смягчает и уменьшает присущие ему формы эксплуатации, а в результате на первый план выходят такие его достоинства, как социальная защищенность, демократия и пр. Таковы аргументы, а на деле сплошь и рядом оказывается, что как раз демократии вследствие усиливающейся манипуляции сознанием, сильно поубавилось. Ибо какое же это демократическое волеизъявление, если человек искренне считает, что отдает свой голос вполне осознанно и добровольно, а по сути он всего лишь выражает волю манипулятора, т.е. голосует в рамках виртуальной реальности за идеальный образ, не имеющий отношения к его действительной жизни.

Полемика с безоглядными сторонниками сложившегося способа жизни и социально-экономического строя возможна еще в одном ракурсе. С одной стороны, растущая социальная защищенность, уровень потребления и другие позитивные явления в странах так называемого

¹ Кара-Мурза С. Манипулирование сознанием. М., 2000.

„золотого миллиарда» свидетельствуют о положительной динамике в развитии данного явления. Однако, если положить на одну чашу весов все эти блага, а на другую — подмену свободной воли и самостоятельного мышления *суррогатом*, то положение вещей оказывается уже не столь радостным. Ведь эксплуатация, причем глобального характера, может быть там, где эксплуатируемые массы пока не осознают этой данности. По нашему мнению, в современном мире, где люди обрели *равные права* в политическом и юридическом смысле, отчуждение приобретает наиболее виртуозные и потому чрезвычайно опасные формы. Ведь таким образом человек отчуждается от собственного *права на выбор*, на *свободное волеизъявление*, на *собственное, самостоятельное и творческое мышление*.

В XX веке можно найти немало примеров того, к чему может привести такого рода массовое отчуждение, уход человека в вакуум виртуальной реальности и подспудно навязанной картины мира, что по сути является отчуждением от *собственных творческих сущностных сил*. В таком положении сознание человека начинает тяготеть не к созиданию, а к разрушению, как показывает история Третьего рейха с его извращенно-гениальной машиной пропаганды. Поэтому отчуждение, вне всякого сомнения, необходимо воспринимать не только как трагический уход от продуктов своего *труда*, но и как отрешение человека от многого того, что, собственно, и составляет его *человечность*.

В свете изложенного выше не удивительно, что Э.В. Ильенков уделял такое внимание исследованию категории отчуждения. Этот философ участвовал в Великой Отечественной войне и, как мы полагаем, не мог не задумываться над глубинными причинами, вызвавшими чудовищное явление мировых войн и нацизма. В силу этого в поле его зрения необходимым образом попал институт собственности вообще, и частной собственности в частности (просим прощения за каламбур). Ведь именно частнособственнические отношения, достигшие апогея при капитализме, способствовали тому, что сложились крайние формы отчуждения, указанные выше.

Несмотря на то, что Э.В. Ильенков не анализировал своеобразные формы отчуждения в *постиндустриальном обществе*, ведь даже сам этот термин в его времена только входил в обиход, вполне логично предположить, опираясь на его методологию, что и самые современные формы отчуждения уходят корнями в систему капиталистических отношений, основанных на институте собственности.

Стоит оговорить тот факт, что речь в данном случае идет о собственности частной. Причем таковую следует понимать не вульгарно, не как прямое и непосредственное обладание каким-то предметом, но как диалектический процесс, в рамках которого происходит присвоение

индивидуумом вещей и других продуктов труда „внутри и посредством определенной общественной формы»¹. Указанный процесс, как уже говорилось, необходимо понимать диалектически — через тождество двух противоположных явлений — „присвоения» и „отчуждения». Если какой-то предмет в рамках частнособственнических отношений отчуждается одним человеком от другого, то он, соответственно, должен и присваиваться самым необходимым образом.

Но присвоение, пребывающее в диалектической паре с отчуждением, осуществляется частным и при этом частичным образом. С одной стороны, получая нечто в частную собственность, индивид полагает себя правомерным владельцем такого нечто. Однако, будь то продуктом труда или явлением природы, такое нечто принадлежит человеку, как правило, не по факту его *создания*. Конечно, рабочий, втянутый в современную систему разделения труда, изо дня в день производящий одну и ту же деталь, может присвоить себе одну или несколько таких. Но все равно они будут составлять лишь ничтожную часть его частной собственности. В итоге если кто-то заявляет, что ему нечто *принадлежит*, то не потому, что он — *творец* этого, и не потому, что он — *соучастник* такого творения, но лишь по той причине, что существует определенная *правовая система* и исторически сложившаяся *общественная традиция*, признающая право собственности, причем на сугубо формальном основании, непререкаемым и основополагающим правом.

Таким образом, сегодня, как и раньше, *созидание в жизнедеятельности людей, отчуждено от присвоения, а труд в системе материального производства отделен от творчества*. И корнем этого по-прежнему оказывается частная собственность.

С другой стороны, достаточно симптоматичен тот факт, что человек стал называть себя „господином природы» по мере того, как научный прогресс способствовал росту и утверждению капиталистических отношений. Получив возможность влиять на природном миропорядок и свыкшись с сущностью частной собственности, люди стали полагать себя не органической частью, а *хозяевами* природы.

Но на деле, такой процесс чреват опасными последствиями. Распределив природные ресурсы, насколько это возможно, и оформив собственнические права на них, люди оказались опьянены иллюзией власти над природой, а в качестве идеальной максимы — над всем доступным нечеловеческим миром. Таков итог индустриального развития в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12. С. 713

его капиталистической форме, обернувшийся в XX веке экологической катастрофой, вызванной именно деятельностью человека.

В связи с этим стоит напомнить, как Э.В. Ильенков характеризует отчуждение в самых общих чертах: „Явление это (отчуждение — С.Н) древнее и давным давно описанное мыслителями и поэтами. Суть его в том, что человек, совершая некоторый поступок, активно вмешиваясь в порядок окружающего мира, волей-неволей приводит в действие не только известные ему, но и неведомые, таящиеся во мраке непознанного, связи и соотношения социальных и природных сил, — и те, неосторожно сдвинутые с места, обрушиваются на него бедою. Его поступок, совершенный с самыми невинными и добрыми намерениями, преломившись через призму уже не зависящих от него обстоятельств, возвращается к нему неожиданно-нежеланным и подчас очень грозным образом»¹.

В итоге, вступая в противоречие с природными законами, которые более всеобъемлющи, нежели частнособственнические отношения, которые есть всего лишь одна из форм организации социальных связей, человек оказывается отчужден *от самой природы*. Своей деятельностью человек создал антропосферу. Однако это „достижение» не принесло большинству представителей рода человеческого внутренней целостности и гармонии. Дисгармония во взаимоотношениях с природой оборачивается дисгармонией внутри самого человека. Преобразование и присвоение природы в частнособственнической форме сопровождается *фрагментацией* человеческой личности. Мало того, постоянные, неосмысленные, частичные присвоения влекут за собой постепенную *хаотизацию* внутреннего мира человека.

Человек-фрагмент, „одномерный человек» Г. Маркузе, „цивилизованный дикарь» Х. Ортеги-и-Гассета живут внутри такой реальности, которая обладает некоторой *объективной видимостью*, но при этом по природе своей *иллюзорна* и *субъективна*. То, что сложившаяся общественная система устами своих защитников, привыкших к уютному конформизму, объявляет объективным, поскольку так повелось в течение нескольких веков, и большинство вроде бы и не против устоявшегося порядка, вовсе не означает, что данное явление обладает объективной истинностью. Наоборот, оно весьма *субъективно* — и даже не потому, что существуют законы относительности (в том числе и в человеческом измерении), но и вследствие того, что его исток — это *вульгарный эгоцентризм*, достигший апогея в нашу эпоху. В противном случае откуда

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991, с. 171.

происходят и почему множатся такие явления, на которые указывали Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе и другие мыслители XX века?

В данной работе нет смысла подробно реконструировать логику К. Маркса или Э.В. Ильенкова для того, чтобы утверждать: отчуждение объективно способствует нагнетанию острых индивидуальных и общественных противоречий. Обратим внимание лишь на то, что острые формы рассматриваемого общественного явления рано или поздно ведут сознание человека к *революционизации*.

Мы полагаем, что такого рода революционизация уже есть прорыв и переход от хаотичности и фрагментарности сознания к его определенной целостности. В данном случае это именно революция, поскольку путь от фрагментированного к революционно целеустремленному взгляду на мир есть *взаимопереход противоположностей*. В результате такого прорыва искомый результат может быть и не достигнут, но сам процесс *революционизации* нельзя сбрасывать со счетов. Он сам по себе есть объективная и созидательная сила.

История человечества в состоянии дать массу примеров того, что лишь в одном случае из многих при относительном равенстве социально-экономических предпосылок, способных обусловить революционный взрыв, происходит именно революция. В остальных случаях мы наблюдаем либо бунт, который даже в случае победы не меняет *коренным образом* общественно-политического и социального строя, либо общество выбирается из кризисной ситуации другими путями. Конечно, революция — при всей своей исключительности — *объективное* событие истории. Но в том, чтобы она *состоялась* и, переломив ситуацию, *преодолела* отчуждение, огромную роль играет сознание масс, их революционное сознание. А при отсутствии этого фактора революционная ситуация или разрешается слепым бунтом, или разлагается на фоне всеобщей апатии.

Ядром социальных революций является преобразование *сущности* процесса, которое уходит корнями в само устройство мироздания. Те, кто осуждают социальные революции, забывают, к примеру, о революциях научных. Так, Т. Кун в своем творчестве достаточно убедительно доказал необходимость и закономерность революций в процессе развития самой науки. И ньютоновская механика, и релятивистская теория Эйнштейна, образно выражаясь, «с боем» пробивали себе дорогу через застывшие структуры традиционных научных построений, казавшихся аксиоматическими и непререкаемыми.

Кроме того, то же естествознание, пережив вполне закономерную для себя революцию и благодаря ей, обнаружило скачкообразные качественные преобразования материи в так называемых „неравновесных структурах» (терминология И. Пригожина, И. Стенгерс). Как известно,

далеко выходя из состояния равновесия, материя создает „порядок нового, ранее неизвестного типа», „в сильно неравновесных условиях она обретает способность воспринимать различия во внешнем мире (например, слабые гравитационные и электрические поля) и „учитывать» их в своем функционировании»¹.

Иначе говоря, выходя из состояния равновесия, погружаясь в хаос, материальные структуры вдруг производят своеобразную революцию, знаменующую возникновение нового порядка, либо (в случае неудачи?) полное исчезновение системы. Мы можем привести многочисленные наблюдения ученых за „поведением» неживых структур в критических условиях, можем вспомнить постоянное мутирование живых организмов как реакцию на меняющиеся внешние и внутренние условия их существования. Однако такой подход к вопросу уводит нас в естественнонаучную, нежели в философскую сторону.

Таким образом, *глобальные* скачкообразные изменения в окружающем нас мире вполне закономерны. Вполне возможно рождение качественно нового порядка из хаоса, и революции *в человеческом обществе* несут на себе печать этой закономерности. На первый взгляд, наши рассуждения относительно объективности революционных процессов в природе могут показаться простой аналогией, в рамках которой революции, происходящие в обществе, приравниваются к скачкообразным изменениям качества в значительно более простых системах. Поэтому оговоримся, что проведенное выше сравнение, по нашему мнению, призвано доказать, что революционное изменение играет существенную роль во всем материальном мире, а следовательно – оно существенно и для человеческого мира. Главное же в том, как мы понимаем *природу* революций. Важно учитывать своеобразие социальных революций. Но их нужно видеть и в контексте мирового развития., в контексте *универсальности* этого процесса, сопоставимого с революциями геологическими, генетическими и т.п.

Понятно, что выходя на уровень общественных процессов, мы оказываемся в новой области бытия, и прежде всего в связи с *идеальными формами*. Особую актуальность проблема идеального обрела именно благодаря тому, что писал Э.В. Ильенков. Понятно, что социальная форма движения, несомненно, имеет свою специфику и является более сложной, нежели форма химическая или биологическая. И, тем не менее, по нашему мнению, можно говорить о революционности применительно к материи вообще. А коренное отличие революций в истории от революций в природе в том, что социальные революции невозможны

¹ Цит. по: И. Пригожин. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 65-66.

без диалектики идеального, и чем дальше мы идем по историческому пути, тем большую роль в революции играет сознание людей, *адекватно* осознающих природу происходящего.

Мы можем критиковать формационный подход за его схематичность и догматичность, однако факт остается фактом: общество уже создавало принципиально новые социальные структуры в результате революций. Причем на определенном этапе в этих революционных процессах ведущую роль играли мощные сдвиги в духовной жизни. Там иной раз именно религиозные революции способствовали изменению существующего строя (как, например, распространение ислама в Азии или буддизма на Тибете). Зачастую глобальные изменения в общественно-политической и экономической жизни инициировались именно сдвигами в сфере общественного сознания. Историческая практика дает нам примеры того, как именно через радикальное изменение общественного сознания, социум становился способен на глобальные метаморфозы.

Э.В. Ильенков в своей статье „Маркс и западный мир», реконструируя логику Маркса по поводу объективности перехода к коммунизму, отделяет так называемый „грубый коммунизм» от коммунизма научного. Ильенков критикует известное заблуждение непосредственных участников революций относительно сути происходящих изменений. Иллюзия эта заключается в том, что негативное разрушительное действие по отношению к существующему строю воспринимается как главный *итог* революции. А в социалистической революции таковым считают *отмену* частной собственности.

Но Ильенков показывает, что в таком отрицании Маркс видел лишь *промежуточный результат*, в то время как окончательное завершение революции должно создать предпосылки для освоения каждым индивидом всей суммы накопленных благ и способностей. Иначе говоря, революция, помимо негативного, должна содержать и позитивный момент. Соотношение и взаимодействие этих «минуса» и «плюса» революционных изменений характеризуют динамику таких скачкообразных процессов.

На деле именно в революции значительно важнее созидательная работа. Если негативный результат будет восприниматься, как завершение революционного процесса, то сознание, разрушив само свой порядок, станет похоже, выражаясь метафорой, на выкорчеванный лес, на месте которого должно возникнуть пшеничное поле, но сев так и не начался. И люди будут блуждать в иллюзиях относительно скорейшего установления «царства справедливости» на обломках разрушенного строя. Все окажется полумерами, и ожидаемое совершенство, конечно же, окажется недостижимым. А чтобы избежать такой ситуации, рево-

люцию необходимо воспринимать как процесс, обусловленный *диалектикой разрушения и созидания*.

Итак, подведем итоги. Мы говорили о явлении отчуждения и революционности в связи с динамикой развития частнособственнических отношений в капиталистическом обществе. Смягчение ряда форм отчуждения, которое мы наблюдаем в развитых странах Запада, вовсе не означает, собственно, преодоления отчуждения. Наоборот, общая тенденция так называемого „постиндустриального» развития с его компьютерными технологиями, утонченными масс-медийными средствами манипуляции и виртуальной реальностью способствует тому, что отчуждение охватывает все более глубинные структуры сознания, делает его все более фрагментарным. Исходные формы отчуждения человека от продуктов собственного труда, его отчуждения от других людей, от природы и своей собственной сущности, которые впервые проанализировал Маркс, сегодня трансформируются, но не меняют своей сути. И это касается такой формы отчуждения как отчуждение человека от свободного выбора и волеизъявления, которые стали штампом демократической риторики.

Именно то, что демократия считает своим завоеванием, становится объектом самого изощренного отчуждения в обществе с системой манипуляции человеческим сознанием. А в итоге не только объект воздействия, для которого предназначены масс-медиа, но и его субъект (творческая элита) оказывается такой же *жертвой* отчуждения, хотя она и претворяет в жизнь посредством манипуляционных технологий свои волевые решения. Об этом свидетельствует сращивание элитарной и массовой культуры в современной обществе.

Мы делились идеями, которые излагаются в этой статье, с немалым количеством людей, зачастую не имеющих к философии никакого отношения, и очень часто их реакция первоначально была весьма скептической. Нам говорили, что сама проблематика очень условна, так как множество так называемых „отчужденных и эксплуатируемых людей» вполне довольны сложившейся ситуацией (если более или менее достаточен уровень заработной платы). Речь шла о том, что большинство людей и не помышляет о глобальном приобщении к культурным достижениям человечества. Никто не страдает от разделения труда, занимая определенную нишу в производственных отношениях и изо дня в день выполняя ограниченный набор операций. Но сама встреча с подобного рода аргументацией убеждает в том, что проблема, поставленная в статье, в действительности стоит чрезвычайно остро.

Вся трагичность сложившегося положения в том, что подавляющее большинство людей не осознает *ущербности* своего существования, связанного с прогрессирующим отчуждением, но от этого оно не ста-

новится полноценным. Отчуждение в современных условиях крепится стальными скобами к стереотипам частной собственности, но, не разрушив эти скобы, нам не превратиться в полноценных людей, не приблизиться к целостной личности. И разрушением этих скоб, в частности в сознании людей, занята в силу своей исторической направленности марксистская и ильенковская философия.

В.В. Пшенников-мл.

Творчество и пути преодоления отчуждения

1. Сегодня наблюдается повышение интереса к проблеме творчества не только в среде марксистов.

Одна из самых распространенных и влиятельных теорий на Западе, которая затрагивает проблему творчества, — теория постиндустриального общества. Она, как утверждает ее последовательный российский приверженец В.Л. Иноземцев, — единственная из западных социологических теорий, которая всегда стремилась к диалогу с марксизмом¹. Как же в теории постиндустриального общества трактуются категории «творчество» и «отчуждение»?

2. Как утверждает В.Л. Иноземцев, «сторонники теории постиндустриального общества так же, как и последователи марксистского учения, основываются на материалистическом подходе к исследованию общественных явлений. В центре их внимания находится производство — во всех его аспектах, включая проблемы его организации. С особой тщательностью анализируются технологические аспекты производства,

¹ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 4.

распределения и обмена, в то время как их классовый характер, вопросы эксплуатации и политической власти остаются в стороне»¹.

3. Теория постиндустриального общества утверждает, что вся история человечества делится на три основных этапа: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. В.Л. Иноземцев приводит следующие критерии различения этапов. Основным производственным ресурсом в доиндустриальном обществе оказывается сырье, в индустриальном — энергия, в постиндустриальном — информация. Характер производственной деятельности, соответственно, — добыча, изготовление и обработка. Каждому этапу присуща своя «технология», соответственно, — трудоемкая, капиталоемкая и наукоемкая. «В результате», как пишет В.Л. Иноземцев, «возникает знаменитая формулировка о трех обществах, первое из которых представляет собой взаимодействие с природой ... второе — взаимодействие с преобразованной человеком природой ..., а постиндустриальное общество выступает ... как взаимодействие между людьми»².

Прежде всего, следует отметить, что внешне логичная градация этапов общественного развития несколько формализована. Трудоемкость, капиталоемкость и наукоемкость, как нередко замечает сам В.Л. Иноземцев, не отрицают, а взаимодополняют друг друга (и здесь мы с ним согласны). Однако очевидно, что основным производственным ресурсом на всех трех этапах является труд, хотя он и меняет свой характер в зависимости от условий его осуществления (использование, по преимуществу, физической потенции человека; использование человеческой деятельности в качестве придатка к системе машин и механизмов, являющейся «овеществленной силой знания»; увеличение значения интеллектуально-управленческой потенции человека в высокоавтоматизированной и механизированной системе общественного производства, распределения, обмена и потребления). Все это означает, что этапы общественного развития отличаются не столько технически, сколько социально: формами производственных отношений людей, формами собственности и владения тем, что обеспечивает не только выживание человечества, но и общественный прогресс. Впереди, однако, другие противоречия в системе В.Л. Иноземцева.

4. Отчуждение и творчество в трактовке В.Л. Иноземцева.

В.Л. Иноземцев связывает переход от общества индустриального к постиндустриальному, прежде всего, с изменением типа деятельности человека: труд у него уступает место творчеству. В главе «Дихотомия труда и творчества» он пишет о том, что труд можно определить как

¹ Иноземцев В. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 105.

² Там же, с. 110.

*«сознательную и целесообразную физическую или умственную деятельность, являющуюся реакцией человека на внешнюю среду и служащую удовлетворению его физиологических и социальных потребностей, отличных от потребностей совершенствования собственной личности»*¹. Самыми существенными характеристиками творчества В.Л. Иноземцев считает его «надутилитарную» мотивацию, «не определяемость» материальными интересами², «внутренний побудительный мотив»³. «Фундаментальное отличие инстинктивной деятельности от труда и труда от творчества заключено в *мотивации, задающей структуру и основные характеристики этих видов деятельности*»⁴.

Однако, выделение «надутилитарной» и нематериальной мотивации в качестве существенного для понимания творчества приносит с собой ограниченную и сомнительную выгоду. В.Л. Иноземцев предлагает определить творчество, основываясь на умозрительном выделении признаков, имеющих место лишь среди представителей «высшего слоя» и то лишь развитых стран. Попросту говоря, это идеалистическое толкование творчества не показывает ни причин, ни следствий, ни форм творчества. Под такое определение творчества подпадает и варварское разбивание стекол в витринах и на автобусных остановках разбушевавшимися фанатами футбольных команд или просто «отдыхающей» молодежью: налицо «надутилитарная» мотивация и неопределяемость материальными интересами, уж тем более не составит труда отыскать здесь «внутренний побудительный мотив».

В определении творчества, данным В.Л. Иноземцевым, исчезает основание творчества, которое есть объективная необходимость преобразования объективной действительности. Более того, принимая позицию В.Л. Иноземцева, мы, по сути, отвергаем существование объективной действительности как таковой.

Как и труд, отчуждение у В.Л. Иноземцева тесно связано с индустриальным обществом: «индустриальным обществам свойственно наличие элементов отчуждения людей от средств производства и собственной деятельности, в силу чего «человек не воспринимает себя активным носителем своих собственных власти и богатства, а чувствует себя усовершенствованной «вещью», зависимой от внешней силы, опреде-

¹ Там же, с. 219.

² Там же, с. 7.

³ Там же, с. 217.

⁴ Там же, с. 220.

ляющей смысл его жизни»¹. «Реальные возможности для преодоления этого феномена» возникают в «условиях постиндустриального строя»².

Понятие отчуждения у В.Л. Иноземцева, в свою очередь, связано с понятием эксплуатации: «эксплуатация представляет собой насильственное или основанное на соблюдении принятых юридических норм отчуждение у производителя в пользу других индивидов, организаций или общества в целом некоторого количества создаваемого им продукта в случае, если именно производство этого продукта является целью его деятельности»³. «Преодолеть эксплуатацию путем развития производства... невозможно. Ее невозможно преодолеть и через реформирование отношений распределения... Единственным реальным изменением, устраняющим эксплуатацию, служит изменение внутренней организации самой человеческой деятельности. До тех пор, пока люди ориентированы на производство и присвоение максимально возможного количества материальных потребительных стоимостей, любое препятствие на пути достижения этой цели будет восприниматься ими как эксплуатация»⁴. «Преодоление эксплуатации, таким образом, выступает оборотной стороной замещения труда творческой деятельностью»⁵.

Здесь необходимо отметить, что «индустриальным обществам» присуще не только и не столько «отчуждение людей от средств производства и собственной деятельности». Кое-кто в «индустриальном обществе», а именно собственник, непосредственно владеет не только условиями труда, но и его продуктом. Более того, отчуждение проявляется буквально во всех сферах жизнедеятельности людей. Свои собственные силы человек отчуждает и в форме божества — в религии, и в «других продуктах своей собственной деятельности в форме философии, искусства, морали; он отчуждает продукты своей экономической деятельности в форме товара, денег, капитала; он отчуждает продукты своей социальной деятельности в форме государства, социальных институтов, законов»⁶. Однако «свое концентрированное выражение» отчуждение находит в «отчуждении труда, отчужденном труде»⁷.

В связи с этим В.Л. Иноземцеву действительно не помешало бы провести небольшой «диалог с марксизмом», а точнее лишний раз оз-

¹ Там же, с. 114.

² Там же, с. 114.

³ Там же, с. 414-415.

⁴ Там же, с. 415.

⁵ Там же, с. 417.

⁶ Бессонов Б.Н. «Снятие» философии. Гегель. Фейербах. Маркс. / Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / Под ред. Козловски П. и Соловьева Э.Ю. М., 2000, с. 180.

⁷ Там же.

накомиться с «Экономическо-философскими рукописями 1844 г.» К. Маркса, где процесс отчуждения рассмотрен несравнимо более конкретно. За основу исследования Марксом был взят современный ему «экономический факт: Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут размеры и мощь его продукции»¹. И далее: «...предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как сила, *не зависящая* от производителя»².

В.Л. Иноземцев, как и «политическая экономия» XVIII и XIX вв., которую критиковал К. Маркс, удивительным образом обходит «*отчуждение в самом существе труда*», то есть не замечает «*непосредственное отношение между рабочим (трудом) и производимым им продуктом*»³, в то время как отчуждение обнаруживает себя именно в «*отношении труда к его продуктам*»⁴. «Отчуждение рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает *внешнее* существование, но еще и то значение, что его труд существует *вне его*, независимо от него, как нечто чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая»⁵. Это есть «отчуждение *вещи*»⁶.

При более конкретном рассмотрении этот факт отчуждения рабочего от продукта своего труда предстает еще и процессом, а именно актом самоотчуждения, отчуждения рабочего от себя самого в процессе труда (ведь продукт труда есть ни что иное, как результат процесса реализации производителем самого себя в труде): «... если продукт труда есть отчуждение, то и само производство должно быть деятельным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения. В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение в деятельности самого труда»⁷. Отчуждение же труда как процесса заключается в следующем: «...труд является для рабочего чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности; ...он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, ... рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя... труд его не добровольный, а вынужденный; это — *принудитель-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 87.

² Там же, с. 88.

³ Там же, с. 90.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 88-89.

⁶ Там же, с. 91.

⁷ Там же, с. 90.

ный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только *средство* для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде... «¹.

Согласно Марксу, человек «есть существо родовое»², т.е. общественное. «Практическое создание *предметного мира*, *переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа»³. Иными словами, в деятельности, труде человек должен реализовывать свою общественную сущность, себя, как часть природы и человечества. Труд предстает как «*опредмечивание* *родовой жизни человека*»⁴. Однако в результате отчуждения «то преимущество, которое человек имеет перед животным» превращается «в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу»⁵. «В результате... человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье... а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному»⁶. Таким образом, «отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую сущность*»⁷. В свою очередь, отчуждение человека «от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей *родовой сущности*»⁸ предполагает своим следствием отчуждение человека от человека.

Таков, вкратце, Марксов анализ феномена отчуждения.

5. Оставим на совести В.Л. Иноземцева определение труда как деятельности, исключающей удовлетворение потребности в совершенствовании собственной личности, противопоставление насильственного отчуждения соблюдению юридических норм и другие «мелочи». Кажется бы, В.Л. Иноземцев, вслед за Марксом, понимает под трудом индустриального рабочего, прежде всего, преходящую, отчужденную форму человеческой деятельности, что отмечается, по его мысли, в том моменте его определения, где трудовой может быть лишь деятельность, ориентированная на удовлетворение материальных потребностей. Од-

¹ Там же, с. 90-91.

² Там же, с. 92.

³ Там же, с. 93.

⁴ Там же, с. 94.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 92.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

нако здесь находит отражение мнение В.Л. Иноземцева, согласно которому отчуждение является связанным, прежде всего, с чувствами человека, его субъективными ощущениями: *ощущениями* неспособности, *ощущениями* невозможности и проч. (в этом контексте, кстати, В.Л. Иноземцев цитирует Э. Фромма, который, по его мнению, видимо, таким образом и понимает отчуждение). Да, объективный характер отчуждения В.Л. Иноземцевым не отрицается, но отрицается возможность объективного преодоления отчуждения и эксплуатации. В противоположность труду отчуждение у него, как видно, есть явление вечное, связанное с тем, что у человека отбирается часть произведенного им продукта. А негативные проявления отчуждения — это, получается, чувства несправедливости, ущемленности в правах и т.д.

Причина, по которой отчуждение становится у В.Л. Иноземцева вечной данностью, избавиться от которой можно лишь в сознании, состоит в том, что В.Л. Иноземцев использует весьма абстрактное определение труда, общее для всех видов деятельности. Но труд наемного рабочего, как и формы его отчуждения — явления исторические. И преодолевается отчуждение не изменением «внутренней организации самой человеческой деятельности», а преобразованием внешней системы, предопределяющей цель производства, обмена, распределения и потребления производимого продукта.

Как видно, если абстрактное определение труда использовать при определении специфики конкретного этапа развития общества и форм отчуждения, то ничего путного из этого не получится. Специфическое для классовых обществ отчуждение предстанет общим для всей истории человечества, а общее для всех периодов развития (см. выше определение труда) предстанет в виде специфического, в виде характеристики отдельного. Отчуждение действительно может вызывать чувство неудовлетворенности, дискомфорта, однако стоит ли принимать одно из частных следствий явления за его сущность?

Что же касается иноземцевского понимания творчества, то четкого определения этого понятия в его работах найти не удалось. Здесь мы опять, как в ситуациях и с трудом, и с отчуждением, сталкиваемся с мотивацией деятельности, как специфической характеристикой творчества.

Таким образом, в трудах В.Л. Иноземцева присутствует лишь видимое сходство с марксизмом. В.Л. Иноземцев зря утверждает, что он основывается на материалистическом подходе к изучению общества, ибо результаты его подхода обнаруживают *большее* сходство его общепhilosophических предпосылок с субъективным идеализмом, нежели с материализмом, а тем более, с марксизмом.

6. Другое дело, если мы говорим о труде, создающем прибавочную стоимость, а об отчуждении, как об объективном феномене, связанном, прежде всего, с этой конкретной формой деятельности. Более того, об отчуждении, не только как об объективном феномене, но и как об объективной невозможности человечества, на определенном этапе его развития, действительно управлять условиями своего существования. (Именно эта неспособность управлять условиями собственного существования наиболее очевидна в отчуждении человека от природы). Тогда и феномен «постиндустриального общества» и концепция «преодоления отчуждения через творчество» предстают в ином свете.

Конечно, творчество не является деятельностью, диктуемой грубой материальной потребностью, но с другой стороны, рассматривать творческую деятельность как производное «чистой идеи» было бы тоже неверно. По словам Гете, которые приведены в работе Э.В. Ильенкова о Спинозе «Опередивший свое время», «гений - это интеллект, зажатый в тиски необходимости»¹. Так вот творчество, это и есть деятельность по необходимости, но не грубо материальной, а связанной, прежде всего, с потребностями и условиями человеческого и общественного развития; деятельность, необходимость которой диктуется не только и не столько физиологическими потребностями отдельного индивида, сколько объективными потребностями всего человеческого рода. В человеке-творце внешняя объективная необходимость преобразуется во внутреннюю потребность, а в основе ее реализации лежит созидательная сила воображения человека.

С такой точки зрения и снятие, преодоление отчуждения через творчество предстает не элементарным единичным волевым актом по изменению потребности, а приобретением творчеством все более всеобщего характера и ликвидацией «профессионального кретинизма».

Необходимо, однако, отметить тот факт, что со времени написания К. Марксом «Рукописей» многое изменилось. Интересный и полезный для нас момент в теории «постиндустриального общества» в трактовке В.Л. Иноземцева и заключается в том, что это явление заставляет задуматься над анализом ситуации в мире и над проблемой снятия отчуждения. Не стоит, однако, переоценивать достижения В.Л. Иноземцева по части разработки идей снятия отчуждения. Предлагаемый им путь во многом схож с вариантом преодоления отчуждения на почве догматизированного марксизма, берущего свое начало в 30-х гг. и связанного с разделением единого диалектического метода, материалистического понимания истории на «диамат» и «истмат». Для этого «марксизма»

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 102.

отчуждение преодолевалось таким же волевым актом, как и для В.Л. Иноземцева, с той лишь разницей, что у В.Л. Иноземцева «снятие» отчуждения происходит в голове каждого отдельного человека, а в СССР отчуждение было упразднено вместе с формальной отменой частной собственности сразу и для всех.

Как верно замечено в книге «После коммунизма», философская позиция «... наших «марксистов» заключается в том, что они не отличают *простое упразднение* частной собственности от ее *положительного упразднения*, то есть *уничтожения* (термины Маркса). В результате этого невинного заблуждения и возникает легенда о коммунизме как об «идеальном способе производства», классическое определение которого якобы дается в «Критике Готской программы»¹.

Альтернативой такой трактовке отчуждения и стала вышедшая в 1990 г. книга С. Платонова «После коммунизма». Несомненный интерес здесь для нас составляет новый взгляд на проблему отчуждения. Это прежде всего возрождение мнения, согласно которому и отчуждение, и его снятие, и коммунизм есть процессы, а это — не что иное, как реабилитация диалектики. В связи с вышеперечисленным можно указать и на развитие в книге тезиса К. Маркса о том, что «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение»². Согласно С. Платонову, каждому способу производства соответствует свой сущностный слой отчуждения, и «Новый способ производства в качестве «общества» присваивает прежний в качестве «природы»³. Как «... более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого»⁴, так и достигшее в капиталистическом обществе своего максимума отчуждение состоит из совокупности сущностных слоев, присвоенных поочередно всеми предыдущими способами производства. В связи с такой трактовкой отчуждения и коммунизма, «как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека»⁵, предстает в новом свете, прежде всего, как движение, характеризующееся поэтапным снятием отчуждения.

Уничтожение частной собственности есть, конечно, решающее условие преодоления отчуждения. Решающее, однако, не единственное. Упразднение и уничтожение частной собственности суть необходимые

¹ Платонов С. После коммунизма / Книга, не предназначенная для печати / Предисл. В. Аксенова и др. — 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы. М., 1991. С. 52.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 113.

³ Платонов С. После коммунизма / Книга, не предназначенная для печати / Предисл. В. Аксенова и др. — 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы. М., 1991. С. 40.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, Ч. I, с. 39.

⁵ Там же, т. 42, с. 116.

элементы процесса снятия отчуждения, но разве лишь в них заключается это снятие? Суть преодоления отчуждения - в революционной социальной *практике*¹.

Со времени Маркса многое изменилось, и прежде всего, появилось само учение Маркса. Метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяет адекватно отобразить в человеческом сознании объективную действительность, познать законы движения материи и изменять окружающую действительность соответственно этому знанию, то есть присваивать природу, действительно управлять условиями собственного существования. Таким образом, первым шагом к преодолению отчуждения стала сама деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса. Теперь как отдельный человек, как государство, так и все человечество в целом может начинать деятельность по преодолению, «снятию» отчуждения, дело «за малым» – «присвоить» сам диалектический метод.

Примеры снятия отчуждения, кроме деятельности Маркса, в деятельности Ленина, который непосредственно создавал субъективный и объективные предпосылки революции 1917 г., тем самым, преодолевая сопротивление отчужденного мира вещей и процессов, материи.

Примером преодоления отчуждения на уровне фирмы является японская компания HONDA, производящая не только всем известные автомобили, но и станки для своих рабочих. По словам г-на Хонда, не только президента фирмы, но и «инженера-разработчика», и «инженера-производственного», имеющего «собственные философские представления о машинах и механизмах»², если действовать по-другому, т.е. традиционным всем известным способом найма рабочего для обслуживания станка, то «работники превратятся в придатки станков и из них уже нельзя будет сделать людей»³. «Только тот, кто мобилизовав свои творческие потенции, усовершенствует вверенное ему оборудование, становится его хозяином... машина создана для того, чтобы ею пользовался человек, а все люди должны быть равны»⁴. «... за этими словами», как подчеркивает автор статьи, — «стоит решимость человека, взявшегося за задачу преодоления на фирменном уровне отчуждения личности»⁵.

¹ Бессонов Б.Н. «Снятие» философии. Гегель. Фейербах. Маркс. / Судьбы гегельянства: философия, религия и политика прощаются с модерном / Под ред. Козловски П. и Соловьева Э.Ю. М., 2000, с. 180.

² «Японское чудо» и советская экономическая реформа / Японские предложения по реформе экономики в Советском Союзе / Под ред. Инаба Х., Цуцуми С. М., 1991, с. 140.

³ Там же, с. 141.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Итак, отчуждение, это не абстракт, призванный собрать разрозненные явления под одним определением, а это характер жизнедеятельности как отдельного человека, так и всего человечества на определенном этапе его развития. А потому преодоление отчуждения не есть упразднение одного, даже существенного фактора, и уж тем более не исключение этого феномена из восприятия путем его игнорирования. Задача снятия отчуждения являет собой деятельность по разрешению конкретных противоречий и проблем, как на уровне деятельности отдельного человека, так и на уровне производственных объединений и государств.

Раздел второй. СОЦИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

С.Н. Мареев

Социализм как «действительное движение»

Однажды Э.В. Ильенков показал мне машинописный экземпляр книги Дж. Оруэлла «1984» в его собственном переводе. Тогда была середина семидесятых и до «апокалипсиса», по прогнозам Оруэлла, оставалось еще около десятка лет. Мне все это тогда показалось безобидным фантазерством. Но Ильенков, как и всегда, когда он обращал на что-то свое пристальное внимание, видел в этом более глубокий смысл. Смысл этот он видел в том, что коммунистическая антиутопия Оруэлла прекрасно демонстрировала тенденции эволюции *частнособственнического общества*. Эти тенденции находят свое выражение в том, что обозначалось в западноевропейской философии до последнего времени емким, хотя и не всегда определенным понятием «отчуждение». Социализм, считал Ильенков, вырастает из стремления преодолеть эту тенденцию. Но на первых порах в своём стремлении снять отчуждение, возникающее на почве частной собственности, социализм доводит это отчуждение до его крайней степени, превращая частную собственность во «*всеобщую*» частную собственность. Таким образом, социализм, будучи *своим иным* капитализма и потому отрицая присущее ему отчуждение, в лице «всеобщей» государственной собственности в определенном отношении усугубляет ситуацию. Отрицая частную собственность в частной форме, он рождает частую собственность во всеобщей форме, усиливая отчуждение.

Итак, тенденция к отчуждению есть тенденция развития капитализма, а не социализма: это не есть его *собственное*. Тем более что *развития социализма*, строго говоря, история не знает, потому что социа-

лизм — это не состояние, а движение, уничтожающее нынешнее состояние. Нет ничего хуже, чем превращение социализма в «состояние», хотя в определенных условиях ничего другого быть не может. Ильенков не идеализировал это «состояние», но тот выход из этого «состояния», который предлагала либеральная интеллигенция, он тоже принять не мог, потому что очень хорошо представлял себе, что из этого может получиться. Теперь мы уже знаем, что из этого может получиться, потому что оно уже получилось.

В докладе «Маркс и западный мир» Ильенков пишет: «Поэтому, скажем, кошмары Олдоса Хаксли и Джорджа Оруэлла на самом-то деле — независимо от иллюзий самих авторов этих антиутопий — рисуют вовсе не перспективу эволюции социалистического общества, а как раз грозную перспективу развития частнокапиталистической формы собственности. Рисуя по внешним приметам и признакам «современный коммунизм», эти авторы на самом деле прочерчивают, по существу, линию дрейфа товарно-капиталистического строя жизни. Потому-то эти кошмары так и пугают гуманиста-интеллекта «западного мира». Нас они не пугают. Мы понимаем эти тенденции как наш вчерашний, хотя и не до конца еще пережитый день»¹.

Этот доклад был написан для международного симпозиума, состоявшегося в апреле 1966 года в США, на который Ильенков не смог поехать. Сейчас слова о том, что это «наш вчерашний, хотя и не до конца еще пережитый день», могут показаться чрезмерно оптимистическими: второе пришествие «чумазого» состоялось, хотя его внешний вид очень изменился. Не изменилась только его суть — страсть «все поделить» и побольше хапнуть.

В позиции Ильенкова по поводу социализма ничего не возможно понять, если не учитывать того, что критика частнособственнического общества имеет солидную историческую традицию от Платона и до К. Маркса. Причем и у первого, и у второго главный мотив — спасение культуры. И интересно, что уже в идеальном государстве Платона довольно явственно проступили черты того, что Маркс назвал «казарменным коммунизмом»: ограничения на проявление индивидуальности, регламентация всей общественной жизни. Причем суровое и жёсткое законодательство, которое идеализирует Платон, резко контрастирует с его, по всем свидетельствам, очень мягким нравом.

Так что дело не в субъективной жестокости теоретиков и практиков — создателей коммунистических утопий, а в том, что невозможно обуздать частнособственническую анархию увещаниями и мораль-

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991, с. 165.

ными проповедями. Поэтому «неподкупный» Робеспьер, человек субъективно отнюдь не жестокий, отправлял на гильотину «врагов народа» десятками, сотнями, тысячами. Кстати, само понятие «враг народа» родилось именно в годы Великой французской революции. Сталин тоже зверел постепенно по мере обострения классово-борьбы. Свое решение о ликвидации кулачества, а заодно и середнячества как класса он принял после поездки в Сибирь в 1928 году, когда впервые за весь период НЭПа были сорваны хлебопоставки. И это дало толчок тому большому террору, который получился в 30-х годах.

Ильенков и здесь следовал своему учителю Спинозе: не плакать и не смеяться, а понимать. И потому, когда я спросил его как-то, а была ли необходимость во всем том, что связано с именем Сталина, ответ был почти мгновенным и определенным: да, конечно, была. Всё давно и тщательно было продумано. И он тут же начал мне излагать то сцепление «исторических случайностей», которое стало исторической необходимостью рождения сталинизма. При этом Ильенков доставал томики Ленина с закладками и тыкал пальцами в соответствующие места, где у того в его послеоктябрьских работах звучал один рефрен: нам необходимо продержаться в союзе с середняком 10 – 15 лет и т.п. Как раз в 1928 году стало ясно, — Сталину стало ясно, но отнюдь не всему его окружению, — что «союз» кончился. А раз кончился союз, то должна была начаться война. А на войне, как на войне. И назад пути не было. Рубикон был перейден.

Мне никто не верил, что Ильенков мог говорить и думать такое. Но что я сделаю, если это было. И Ильенков не был бы Ильенковым, если бы в этом вопросе слукавил или отделался обычным в таких случаях выражением возмущения по поводу «жестокого тирана», «кровавого убийцы» и т.п., как это, к примеру, делал «архивный юноша» генерал Д. Волкогонов. Последний признался, что, будучи молодым лейтенантом, сам был сталинистом. (А Ильенков, даже будучи молодым лейтенантом, сталинистом не был.) Вот как раз Волкогонов от веры в Сталина перешел к вере в Ельцина. Поистине, как говорил Ильенков, нет божества без убожества. И всякое убожество создает себе божество. Впрочем, это и Сталин понимал, когда на замечание Шолохова по поводу его культа заметил: «Народу нужно божка». Народу нужен культ, — тот или иной, — и этому невозможно сопротивляться. Сталинизм, как было сказано давно и не нами, — это *состояние народа*, а не свойство особой личности.

Все социалистические мистерии XX века разыгрывались, что бы ни думали и ни говорили об этом Д. Волкогонов и А. Ципко, по сценарию, который был написан Марксом еще в «Философско-экономических рукописях 1844 г.»: неразвитая частная собственность порождает нераз-

витые формы коммунизма — коммунизм казарменный и уравнилельный, коммунизм, отрицающий личность. Такой коммунизм никогда не устраивал Маркса. И Ильенков в своей статье «Маркс и западный мир», я думаю, очень доходчиво показывает причины неприятия Марксом теории и «практических опытов» этого коммунизма.

«И Маркс, и Энгельс, — пишет в связи с этим Ильенков, — начинали свою биографию именно в качестве наиболее радикальных теоретиков буржуазной демократии, в качестве наиболее решительных защитников принципа «частной собственности», которая сливалась тогда в их глазах с принципом полной и безоговорочной свободы личной инициативы»¹. Иначе говоря, Маркс и Энгельс в 1842 году — это примерно то же самое, что Гайдар и Чубайс сегодня. Разница только в том, что гуманизм и культура первых очень быстро заставили их отказаться от этого «принципа», потому что он неизбежно связан с *отчуждением человеческой сущности*. И это было ясно уже из знакомства с Руссо и Гегелем. Вторые спокойно принимают весь цинизм «гражданского общества» — этого, по словам Гегеля, чисто животного царства, в котором каждый сам себе цель, а всякий другой только средство. «Здесь, — пишет Ильенков, — ... молодой Маркс выступает еще как типичный представитель принципа «частной собственности», который сливается в его глазах с принципом полной и безоговорочной «свободы личной инициативы» в любой сфере жизни — будь то материальное или духовное производство. Именно поэтому он и отвергает коммунизм как теоретическую доктрину, которая кажется ему реакционной попыткой гальванизировать «корпоративный принцип», идеал Платона»².

Маркс прекрасно знал историю общественной мысли, и потому он понимал, что современный ему коммунизм — это повторение ошибок прошлого, чего не понимал его соотечественник — столяр Вильгельм Вейтлинг, автор одной из коммунистических утопий и типичный представитель «казарменного коммунизма». Но Маркс понимал и другое. Он понимал, что современный ему коммунизм, в отличие от коммунизма Платона, родился не в голове философа, а в народных низах. Следовательно, он порожден определенными условиями жизни, которые необходимо, прежде всего, проанализировать. И уж, во всяком случае, не надо спешить превращать его в бранное слово, как это делала «Аугсбургская газета». «Она, — по словам Маркса, — обращается в бегство перед лицом запутанных современных явлений и думает, что пыль, которую она при этом поднимает, равно как и бранные слова, которые она, убегая, со страху бормочет сквозь зубы, так же ослепляют

¹ Там же, с. 159.

² Там же.

и сбивают с толку непокладистое современное явление, как и покладистого читателя»¹.

Маркс здесь тоже Спинозист: не браниться надо, а исследовать. А когда он исследовал вопрос, то оказалось, что коммунизм есть выражение того же принципа «частной собственности», поборником которого он выступал. И Маркс, в отличие от современных нам «демократов», во имя истины и справедливости мог пойти против себя. Но это не было шараханьем в противоположную сторону. Общий вывод из исследования, которое Маркс осуществил в 1843–1844 годах, заключается в том, что основой всех форм «отчуждения» является частная собственность. При этом нельзя сказать, что частная собственность — это однозначно плохо, так же как раньше все было однозначно хорошо. Дело в том, что она *противоречива*, как и вообще всякое историческое явление. И до тех пор, пока частная собственность не разовьет и не исчерпает все свои положительные стороны, ее практическое отрицание не может породить ничего хорошего. Отрицание неразвитой частной собственности, — и это, пожалуй, самое главное, — не может вывести *за пределы* частной собственности. Она только по форме станет «коммунистической». По сути же она останется частной, а именно всеобщей частной собственностью, поскольку остается отчужденной от непосредственно производителя.

Итак, коммунизм на первых порах выступает как «всеобщая частная собственность»². Если частная собственность в ее обычной форме выступает как собственность одного, которая не есть собственность другого, то всеобщая частная собственность выступает как собственность всех, не являясь собственностью никого в отдельности. То есть если в обычном случае она есть то, что отделяет (отчуждает) одного индивида от другого, то в случае всеобщей частной собственности она отчуждена от всех. Такая собственность выступает как собственность государства, но само государство в той или иной мере есть отчужденная от общества общественная сила. Это уже прекрасно понимал Руссо.

Та общественная собственность в государственной форме, которая была у нас, как раз являлась всеобщей частной собственностью. И поскольку она по сути все-таки частная собственность, то она и становится добычей бюрократии («номенклатуры»). Номенклатурно-бюрократическая приватизация, как она произошла у нас, просто *юридически* оформила то, что существовало *фактически*. Потому-то она произошла тихой сапой, без особых революционных потрясений и за спиной непосредственного производителя, который вчера знал, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 116.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114.

Иван Иванович — директор завода, на котором он работает, а теперь узнал, что Иван Иванович еще владеет также контрольным пакетом акций этого же завода.

«Грубый коммунизм», как это ни странно, концентрируя и обобществляя производство, как раз создает почву для номенклатурно-бюрократической приватизации. Такая приватизация невозможна на базе мелкой собственности. Для этого необходима *экспроприация*. Специфика номенклатурно-бюрократической приватизации как раз в том, что это приватизация без экспроприации, присвоение того, что было ничьим. «Грубый коммунизм», считал Ильенков, и это самый интересный пункт его воззрений, «верно осознающий свою ближайшую цель — отрицание частной собственности, сочетается с иллюзией, будто эта чисто негативная акция и есть «позитивное разрешение» всех проблем современной цивилизации»¹.

Коммунизм, по Марксу, — это только «энергический принцип ближайшего будущего»². Но это ни в коем случае не форма будущего общества. Более конкретные контуры будущего общества для Маркса начинают прорисовываться в «Капитале», в примыкающих к нему подготовительных рукописях. Не через обобществление *собственности*, а через обобществление *труда*, через превращение частичного труда в труд *всеобщий*, лежат пути к будущему обществу. Причем вместе с уничтожением частичного труда должен исчезнуть и *частичный человек* — это уродливое создание уродливого разделения труда. А всеобщим трудом Маркс называет «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение»³. Иначе говоря, всеобщий труд — это труд, продукт которого по сути не может быть частной собственностью, а он сразу и непосредственно становится достоянием всего общества. Но именно этот труд и продукты этого труда во все более возрастающих масштабах создают общественное богатство, которое уже не поддается измерению рабочим временем, а потому и «стоимостью».

Ленин, кстати, тоже понимал коммунизм как «энергический принцип ближайшего будущего», как кавалерийскую атаку на капитализм, после которой должна начаться его правильная осада, его использование, его эксплуатация, если хотите, в интересах всего общества. Но этого чисто исторически не получилось. Получился «социализм». Дело не в том, что у этого социализма не было никаких исторических заслуг, — они, безусловно, были. Но фактически, в особенности на последнем этапе, это было превращение «энергического принципа ближайшего

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура, М., 1991, с. 162.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 127.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, Ч. I, с. 116.

будущего» в особую форму общества, в «формацию», хотя бы и в ее первой фазе.

Ильенков в свое время вступил в острую полемику с известным и авторитетным экономистом Я. М. Кронродом именно по этому вопросу и доказывал, что социализм — это ни в коем случае не формация как устойчивое единство «базиса» и «надстройки». Но эта глупость не только не была опровергнута, а нашла свое, можно сказать, полное завершение в концепции так называемого «развитого социализма». «Движение, уничтожающее нынешнее состояние», само превратилось в состояние, в состояние и застой.

Коллизии частной собственности социализмом не преодолеваются, а, я бы сказал, смягчаются, делаются не такими острыми. Отсюда сохранение, как писал Маркс, «узкого горизонта буржуазного права», основой которого является принцип: равная оплата за равный труд. Тем самым труд превращается в частную собственность. Ведь частная собственность — это, как понимал уже Аристотель, все то, что имеет стоимость. Потому-то социализм и может быть формой перевода мелкой частной собственности в более крупную: государственную, корпоративную, акционерную и т. д., а, тем самым, и формой ускорения индустриализации. Именно поэтому почти все крестьянские, мелкобуржуазные страны Азии, Африки, Латинской Америки в процессе своего освобождения от колониальной зависимости переболели «социализмом». Для них это тоже было «энергическим принципом ближайшего будущего», но никакой устойчивой формой социализм так и не стал. Это было, если можно так сказать, формой мобилизации национальных сил в определенных экстремальных условиях, с исчезновением которых исчез и сам «социализм». Может быть потому Макс Вебер считал, что социализм может быть только *национальным* социализмом. Например, такие «социалистические» меры, как трудовая повинность и хлебная разверстка во время первой мировой войны ввели у себя обе главные воюющие страны, Германия и Россия. Так что большевикам и не нужно было что-то придумывать, а «военный коммунизм» мог спокойно ужиться и с капитализмом.

Хрущевская программа построения коммунизма за двадцать лет также была попыткой превратить движение в состояние. По существу это была авантюра, которая привела к прямо противоположному результату — полному разочарованию в «коммунизме». И Сталин, надо отдать ему должное, меньше всего был склонен к подобным утопиям. Он делал ставку как раз на продолжение «энергического принципа ближайшего будущего», сумев избежать авантюры «мировой революции», за которую ратовали троцкисты. Именно в силу того, что после Сталина превращение движения в состояние, — а при Брежневе даже в

застой, — практически произошло, коммунистические идеи Маркса, и прежде всего идея коммунизма как снятия отчуждения и возвращения человеку человеческой сущности, оказались непонятными и неприемлемыми. Их списывали на «раннего», «незрелого» Маркса, а коммунизм преподавали по учебникам П. Федосеева и других идеологов построения коммунизма за двадцать лет.

Задача, составляющая суть марксизма, как считал Ильенков, есть «действительное освоение каждым индивидом всего накопленного в рамках «частной собственности» (т.е. «отчужденного от него») богатства»¹. Отчуждение индивида от действительного богатства, накопленного человечеством, не ликвидируется простым юридическим обобществлением вещного богатства. А в определенном отношении отчуждение «общества» от индивида не только не снимается, а усугубляется превращением частной собственности в государственную. Поэтому действительно превратить собственность в собственность «всего общества» — это значит, пишет Ильенков, «превратить ее в реальную собственность каждого индивида, каждого члена этого общества, ибо в противном случае «общество» рассматривается еще как нечто абстрактное, как нечто отличное от реальной совокупности всех составляющих его индивидов»².

Частная собственность, в особенности мелкая, всегда порождает, и до сих пор порождает, две тенденции в психологии и сознании людей. Первая — это анархический протест против всех форм общественности, поскольку они затрагивают и ущемляют частный интерес, интерес частного собственника. Другая — жажда деспотической власти, которая уравнивает всех. И уравнивает не только в отношении почестей, славы, но и в отношении собственности. Последняя тенденция может принять и форму «коммунизма». Примеров тому в истории достаточно. А в настоящее время, после всех эксцессов сталинизма, маоизма, полпотовщины и т.п., это уже, можно сказать, «медицинский факт». Поэтому, независимо от того, что мы об этом думаем, кошмары Хаксли и Оруэлла являются все-таки порождением принципа «частной собственности».

Любая общественная идея, даже извращенная, имеет свою реальную почву. Таков по сути основной принцип методологии Маркса, которому следует Ильенков. Поэтому нельзя просто отвергнуть идею коммунизма. «С идеями вообще, — пишет Ильенков, повторяя по сути мысль Маркса, высказанную им в 1842 году в статье «Коммунизм и «Аугсбургская всеобщая газета»», — нельзя расправиться ни пушками, ни бранными словами, с другой же стороны, неудачные практические

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура, М., 1991, с. 163.

² Там же.

опыты реализации идей еще вовсе не довод против самих этих идей. И если вам какие-то идеи не нравятся, то вы должны проанализировать ту реальную почву, на которой эти идеи возникают и распространяются, т.е. найти теоретическое разрешение той коллизии, того реального конфликта, внутри которого они возникают. Покажите, каким образом можно удовлетворить ту напряженную социальную потребность, которая высказывает себя в виде этих идей. Тогда — и не раньше — исчезнут и антипатичные вам идеи...»¹.

И это так. Ведь даже бредовые «идеи» Жириновского выражают определенную и напряженную социальную потребность, если за них голосует часть населения России. И «демократы» это, конечно, поняли. А некоторые, самые умные из них, очень даже неплохо усвоили ленинские принципы классового анализа и, при желании, прекрасно показывают, откуда что растет, но только тогда, когда им это выгодно.

* * *

Есть одно интересное место у Маркса в подготовительных рукописях к «Капиталу», на которое как будто бы никто до сих пор не обращал внимания. «Подобно тому, — пишет Маркс, — как система буржуазной экономики разворачивается перед нами лишь шаг за шагом, так же обстоит и с ее самоотрицанием...»². В историческом развитии по большому счету речь может идти не об отрицании, а о *само*-отрицании. Отрицание — это только момент самоотрицания. И если система буржуазной экономики в своем историческом разворачивании проходит ступень экспроприации мелкой частной собственности, то в процессе своего самоотрицания она совершенно неизбежно должна вернуться к той же форме, только уже с совершенно иным содержанием. Содержанием здесь является уже не частный, не частичный, а всеобщий труд: он мой собственный и, вместе с тем, непосредственно общественный, потому что то, что я произвожу, — идея, открытие, изобретение, новая технология и т.п., — имеет непосредственно общественное значение.

Современная система «буржуазной» экономики всё это уже воочию демонстрирует. Происходит то, что экономисты и социологи называют «диффузией» собственности. Но, вместе с этим, идет и процесс обобществления за счет роста доли всеобщего труда. За счет этого «частник» не только экономически, но и *технологически* оказывается встроенным в единый народнохозяйственный механизм. Налицо очевидный рост доли всеобщего труда: в индустриально развитых странах в настоящее время уже более половины лиц наемного труда занято в

¹ Там же, с. 160.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, Ч. II, с. 222.

сфере обслуживания, управления, науки, образования, информатики и т.п. Это люди, которые продают не просто способность к труду, а свою квалификацию, которая и является их частной собственностью. Квалификация — это собственность, которую современный интеллигент хвалит и лелеет, подобно тому, как это делал его дед или прадед по отношению к своей корове, своей лошади и т.д., ведь она его кормит.

Это и есть не механическое, а органическое соединение частного и общего, за которое ратовал Ильенков еще в 60-е годы, и что нашло свое отражение в его письме к Ю.А. Жданову от 18 января 1968 года¹. В общем и целом направление движения в то время, по Ильенкову, должно было идти от формального «обобществления» — к реальному через признание прав товарно-денежных отношений. Однако слабый голос Ильенкова оказался в то время голосом выпивающего в пустыне, как остроумно выразился один из его современников. И то, что не смогла сделать сознательно партия, стоявшая у власти, сделала стихия, что лишний раз подтвердило марксистскую истину: от исторической судьбы никуда не уйдешь. Ильенков предвидел печальные последствия тупоголовости тогдашних теоретиков «научного коммунизма» и потому был так печален.

Не отмена частной собственности, а ее *снятие*, — вот в чем состоит историческая задача. И если «экспроприаторов экспроприруют», то это «энергический принцип ближайшего будущего», а не идеал. Отнять и разделить — это не идеал, а только вынужденная мера, вынужденная голодом, разрухой, гражданской войной. Так называемый «военный коммунизм» никогда не был официальным пунктом программ и решений, а был рядом мероприятий, рожденных чрезвычайными обстоятельствами. И если говорить конкретно о Ленине, то для него общей нормой был скорее НЭП, чем «военный коммунизм». И Ленин прямо писал о том, что приступить к осуществлению программы социалистического строительства, которая предусматривала не «ликвидацию» частника, а его кооперирование, помешала гражданская война. И как раз интегрирующую частника систему хозяйства Ленин называл социалистической.

«Военный коммунизм» и аналогичный ему «казарменный коммунизм» — это не идеал, а *действительное движение*, которое не предусмотрено никакими доктринами и программами. Это *творчество революционных масс*. Но «творчество» чевенгурских романтиков есть неизбежное следствие того противоречия, которое Андрей Платонов совершенно гениально выразил притчей про кузнеца Якова Титыча, кото-

¹ См.: Э.В. Ильенков: личность и творчество. М., 1999, с. 258.

рый страдал «ветрами» и «потоками» и потому проводил большую часть времени в лопухах. Чтобы избавить его от этой болезни, Якова Титыча следовало накормить мягкими жамками, а чтобы испечь эти жамки, надо было намолоть муки, а для того чтобы пустить мельницу, надо было отковать пал-брицу, а это мог сделать только сам Яков Титыч. Отсюда понятно, что единственный выход из этого «положения» — отобрать белые пышки у «буржуев», чтобы накормить несчастного Якова Титыча.

Это тот заколдованный круг, в который попадает всякая революция. Но это не повод сказать массе: перестань бороться. А это только повод сказать власть предержащим: не доводите народ до крайности. Именно этим всегда и отличались подлинные демократы от либералов, которые оправдывали неравенство тем, что призыв к равенству неизбежно приведет к революционным эксцессам. Русские революционные демократы Герцен и Чернышевский ясно отдавали себе отчет в том, что революция в России будет кровавой и разрушительной, потому что в народе накопилась колоссальная энергия разрушения вследствие вековой несправедливости. Однако они не уговаривали народ «терпеть», как это делали либералы, а пытались склонить власть к уступкам народу во избежание жертв и разрушения.

Но немедленное построение «социализма» здесь и теперь тоже не может не обернуться авантюрой. Ленин писал, что идти к мужику с проповедью коммунизма глупо и вредно. К нему надо идти с совсем другими мужицки-понятными вещами: земля, мир, кооперация, бытовые удобства и т.п. Опять-таки, не идеал, а *действительное движение*... «Маркс, — писал Ильенков, — прямо обратил свой трезвый взор к земле и ясно увидел, что люди вовсе не гоняются за синими птицами Идеала, а вынуждены, как это ни грубо звучало для ушей мечтателей, вести ежедневную тяжкую борьбу за хлеб, за крышу над головой, за право дышать чистым воздухом... Он увидел, что вовсе не «идеалов» людям не хватает прежде всего, а самых элементарных человеческих условий жизни, труда и образования»¹.

Официальный «коммунизм» вызывал и вызывает у людей такое же отношение, как и официальная народность, провозглашенная министром образования Николая I графом Уваровым. Это все нельзя придумать, как и патриотизм, который вдруг придумал президент Путин в качестве общенациональной идеи: все это уже было, было... Системой политпросвета у нас было охвачено все население. И доярке, и инженеру объясняли и внушали, что социализм — это первая фаза коммуниз-

¹ Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 123.

ма, когда от каждого по способностям, и каждому по его труду... И каждый сидел и слушал, а про себя думал: когда же это кончится, наконец, и можно будет пойти домой к жене, которая жалуется, что мало денег домой приносишь, и к детям, которые тоже хотят то того, то этого, и обязательно импортного и «фирменного»...

Так жизнь разошлась с идеалом. Социализм должен снова *прорасти из жизни*, а не выдумываться из головы. И у социализма есть то фундаментальное преимущество, что он соответствует коллективистской сущности самого человека. Он противоположен индивидуализму и эгоизму членов «гражданского общества», от которых человек объективно страдает даже тогда, когда идеологию и психологию этого общества «сознательно» разделяет. Идеализировать последнее в сущности невозможно. Это так же, как девушка может петь о потерянной любви, но скряга не может петь о потерянных деньгах. А потому так смешно в свое время выглядели А.Н. Яковлев и его присные, когда они пытались создать нам «новую» идеологию на принципах: семья, собственность, Библия и Бентам. Так же бесполезны потуги ну очень умных молодых людей, которых посадили в подмосковном лесу выдумывать эту же самую «новую» идею.

«Гражданское общество», которое свет в окошке для современного «образованного» обывателя, насквозь противоречиво. И противоречивость этого общества прекрасно понимал уже Гегель, который впервые, можно сказать, и описал его более-менее подробно. Вот как Гегель характеризует его в своем самом *консервативном* произведении «Философия государственного права»: «В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто»¹. «Эту систему можно ближайшим образом рассматривать как *внешнее государство, как государство нужды и рассудка*»². Это общество насквозь прозаично, оно убивает идеал, убивает искусство. Хотя это общество предоставляет своим членам полную свободу выбора в том, что касается средств удовлетворения их эгоистических потребностей. «В этих противоположностях и их переплетениях, — завершает свою общую характеристику гражданского общества Гегель, — гражданское общество представляет собой зрелище как излишества, так и нищеты и общего обоим физического и нравственного упадка»³.

Гегель не видел лучшего и иной перспективы. Поэтому он и предложил единственный выход из положения: создать для этого общества систему «сдержек» и «противовесов», как выражаются современные

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.

² Там же.

³ Там же, с. 230.

«политологи» — апологеты «гражданского общества». Этими противоречиями у Гегеля являются государство, или «политическое государство», как он выражается, а также религия и философия. Они-то, по Гегелю, в противоположность частным индивидам в «гражданском обществе», выражают и представляют *всеобщее*. Поэтому они носители нравственного начала в обществе, в противоположность безнравственности «гражданского общества», которое превращает индивида всего лишь в средство.

Гегель — идеолог гражданского общества только потому, что он не видит в перспективе ничего лучшего. Однако он и не пытается *идеализировать* это общество, а наоборот — вскрывает его самые глубокие и неистребимые пороки. Потому получается парадокс: в своем самом консервативном произведении Гегель наиболее революционен. Этим и отличается великий мыслитель Гегель от тех жалких, в том числе и наших современных кропотелей, для которых «гражданское общество» — светлое будущее всего человечества.

Отчуждение, о котором писал еще Гегель, в современном «гражданском обществе», несмотря на его колоссальный прогресс, не только не исчезло, а стало более изощренным. Никто тебя внешним образом не угнетает, ни к чему не принуждает, — ты свободен. Но человек почему-то бежит от этой свободы и готов стать рабом любого фюрера, лишь бы избавиться от своей внутренней неустроенности, от своего внутреннего беспокойства, страха и неуверенности. И тогда фрейдисты, экзистенциалисты, персоналисты и прочие философские антропологи заявляют, что человек в сущности своей существо «трагическое». Иначе говоря, отчуждение человеческой сущности — это не историческая, а антропологическая характеристика человека. И то отношение, которое открыл Маркс, а именно, что отчуждение человеческой сущности есть проявление отчуждения индивидов в «гражданском обществе», в результате оборачивается. Все противоречия в жизни общества объявляются следствием несовершенной «природы человека».

Вот почему важно понять и помнить, почему Маркс выступал против абстрактной внеисторической «природы» человека, и заявлял, что сущность человека — это «мир человека, общество, государство». Но в последние советские годы у нас возобладало именно антропологическое понимание человеческой сущности, вернее — межеумочное социо-биологическое её понимание, над выработкой которого работал целый «Институт человека» под руководством покойного академика И.Т. Фролова. Такое понимание человека, тем не менее, консервировало основное противоречие гражданского общества, в котором главная фигура — отъявленный эгоист, но и он вынужден удовлетворять свои потребности общественным способом.

Философия XX века по существу заимствовала понятие отчуждения человеческой сущности у Маркса, но при этом перевернула и извратила это понятие, запечатав в него все противоречия современного общества, современной культуры. Разрешение этих противоречий или объявлялось вообще невозможным, или откладывалось до второго пришествия. И последнее провозглашалось отнюдь не только в фигуральном смысле, а в самом прямом христиански-ортодоксальном. К примеру, вся историософия Бердяева заключается в своеобразно истолкованной христианской эсхатологии, то есть в учении о «конце мира».

Н. Бердяев прекрасно понимает и очень красочно рисует кризис современной культуры. *«Культура, — пишет он, — по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача. Философия и наука есть неудача в творческом познании истины; искусство и литература — неудача в творчестве красоты; семья и половая жизнь — неудача в творчестве любви; мораль и право — неудача в творчестве человеческих отношений; хозяйство и техника — неудача в творческой власти человека над природой. Культура во всех ее проявлениях есть неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преображения бытия. Культура кристаллизует человеческие неудачи»*¹.

В общем, вся современная европейская цивилизация есть гигантский исторический выкидыш. Эта мысль для XX века весьма распространенная. Гегель уповал на государство. Современные идеологи гражданского общества и в этом разуверились. Но где же выход? Во втором пришествии и преображении мира, когда и земля и небо будут другими? Это очень удобная либеральная сказочка для утешения страждущих и обремененных: терпите и обретете царствие небесное... Правда, идейный предшественник Бердяева Ф. Ницше видел спасение не во втором пришествии Христа, а в пришествии Сверхчеловека. Но это такая же мистификация реальной проблемы, как и хайдеггеровское «тут-бытие», в которое хитренький Хайдеггер спрятал все концы. Отчуждение человеческой сущности объявляется вечной и неразрешимой проблемой.

Вот почему Ильенков очень осторожно относился к самому словечку «отчуждение». Он считал, что это верное, но еще слишком абстрактное выражение реального положения вещей в «гражданском обществе». Тезис об «отчуждении», считал Ильенков, превратился у Маркса в формулу о наличии все обостряющегося противоречия «гражданского» общества с самим собой. «В ней, — писал он, — алгебраически

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 521.

обобщенно выражался тот факт, что условия, внутри которых каждый «частичный индивид» находится в состоянии перманентной «войны всех против всех», саморазорваны, разодраны на враждующие между собой, и все же крепко связанные одной веревкой, одной судьбой звенья, сферы разделения труда. Такое «гражданское» общество не обладает никакими средствами противодействия сложившемуся положению, и потому напряжение противоречия между частичным и коллективно человеческим характером деятельности каждого отдельного индивидуума растет беспрепятственно. Отсюда следовал вывод, что в один прекрасный день напряжение достигнет критической точки и разорвется громахающей молнией революции. Именно такой вывод и сделал Маркс»¹.

Итак, социализм и есть разрешение основного противоречия «гражданского общества», или общества «буржуазного», как мы чаще привыкли его называть. Это его отрицание, но такое отрицание, которое сохраняет, как отмечал Маркс, «узкий горизонт буржуазного права», а именно принцип распределения по труду. Но хотя это и буржуазный по сути принцип, он более справедлив, чем распределение по капиталам. «Коммунизм, — писали Маркс и Энгельс, — для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»².

Коммунизм как *процесс* и есть социализм. А потому он так многолик и многообразен. И здесь нельзя поставить какие-то формальные рамки, придумать какую-то формальную дефиницию, при помощи которой мы можем раз и навсегда отличить социализм от несоциализма. Ленин, например, в свое время говорил, что строй цивилизованных кооператоров и есть социализм. Или, что общество, устроенное так, как устроен капиталистический трест, есть социализм. В конечном счете, любую меру, направленную против «отчуждения», против эксплуатации человека человеком можно и нужно считать социалистической. И любую такую меру коммунист, если он марксист, а не пустой «коммунистический» болтун, должен поддерживать, потому что, если она и не решает кардинально проблему, то создает условия для ее решения. И здесь надо снова вспомнить старую, но верную формулу о том, что борьба за демократию есть составная часть борьбы за социализм. Старинное и хорошее слово «демократия» ни в коем случае не надо отдавать на откуп «демократам».

¹ Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 138.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 34.

Главная идея Ильенкова относительно марксизма, которую он проводит в статье «Маркс и западный мир», это та, что марксизм — «западное» явление. «Западное» не по отношению к определенной части света, а по отношению к определенной общественной системе и определенной культуре. Марксизм есть плод той культуры, которая выросла в Европе на почве Античности. Сам создатель этого учения тоже вырос на этой почве, даже докторскую диссертацию написал по греческой философии. И если сегодня хотят противопоставить марксизму западную демократию, то не надо забывать, что сам Маркс принадлежал к радикальной германской демократии. И современный социализм тоже есть плод «западной» общественной системы.

А.А. Сорокин

Какой социализм нужен России в XXI веке?

В центре дискуссий о будущем России среди ученых, придерживающихся социалистической ориентации, естественно, находится вопрос о социализме. Вопрос этот имеет два основных, внутренне связан-

ных между собой, вектора обсуждения. Одной стороной он направлен на анализ *истории* советского общества, его сущности и причин гибели. Другой — на перспективы *возрождения* и утверждения социалистической формы социального развития в современном общественном сознании и общественной жизни в целом.

Вместе с тем, современная дискуссия о социализме выявляет, на мой взгляд, определенные — и весьма существенные — *расхождения и противоречия* в самом понимании социализма, понимании существа той социальной системы, к возрождению которой мы стремимся, и этим вызвана необходимость обсуждения и анализа многих принципиальных вопросов, связанных с пониманием *будущего социалистического общества, его общетеоретической концепции и путей ее реализации*. Думать (или делать вид), что в этом исходном — базовом — вопросе у нас «все ясно», что никаких расхождений и противоречий среди нас тут нет, и обсуждение может касаться лишь вопроса о том, *как вернуть Россию в лоно социализма*, значит просто *искажать* суть современных дискуссий и закрывать себе дорогу к тому решению, которое мы ищем.

Противоречия, и весьма серьезные, есть. Их надо признавать и анализировать по существу. Только тогда мы сможем более ясно представить, чего мы собственно хотим и как нам этого достичь. И основной вопрос, на мой взгляд, здесь следующий — связывая свои надежды на процветание России с ее возвращением в лоно социалистической идеи, надо четко осознавать, *о каком социализме в данном случае идет речь?*

Если читать многие предлагаемые на этот счет публикации, то невольно складывается впечатление, что их авторы, и это относится не только к нынешнему руководству КПРФ, говорят о будущем социализме, а при этом перед их глазами возникает хорошо знакомый всем образ сталинско-брежневского социализма, т.е. «социализма» в том виде, в каком он у нас *уже был* и который привел в конце концов к тому, к чему привел. Для этих людей социализм в принципе, по самому своему существу, *намертво слит с той конкретно-исторической формой*, в которой исторически была реализована идея социализма в рамках советской общественной системы... Никакого другого «социализма» эти теоретики не знают и знать не желают. Они просто хотят возвращения — с небольшими косметическими поправками — того, что уже было...

Основная аксиома, лежащая в основе этой позиции, проста — советская общественная система в том виде, в каком она реально у нас существовала, и есть *самое последовательное и адекватное выражение сути социалистического идеала классического марксизма, его реально-предметное воплощение*. Другими словами, общество «реального социализма» и есть осуществление социалистической мечты основателей

марксизма и Ленина. И в этом отношении взгляды сторонников «реального социализма» совпадают с воззрениями так называемых «демократов» из лагеря самых яростных антикоммунистов, сторонников капиталистического развития России, для которых «научный социализм» в его реальном воплощении неизбежно оборачивается тем, чем был на деле «реальный социализм» в Советском Союзе.

И те, и другие рассматривают социализм сталинско-брежневского типа как единственно правильное, аутентичное воплощение социального идеала классического марксизма. Противоречие между ними состоит лишь в *отношении* к этому «воплощению мечты». Для одних советская общественная система — при всех замечаниях, которые могут быть сделаны в ее адрес, — самый лучший из всех возможных сегодня миров. Для других — это путь в социальный тупик, выход из которого только в разрушении системы социализма как таковой и реставрации капитализма...

Таким образом, *спор о будущем России в данном случае превращается в спор о ее прошлом*. Одни призывают к возврату к «реальному социализму», который существовал у нас с 30-х годов вплоть до краха системы в конце 80-х - начале 90-х годов, другие, доказывая необходимость «отказа» от социализма как такового, требуют, и уже в течение десяти лет осуществляют, возвращение к тому, что было еще раньше, к общественным порядкам дооктябрьской России. В итоге и те, и другие перед лицом глубокого социального кризиса, развернувшегося в стране во второй половине 80-х годов, пятаются назад, к прошлому...

В противоположность сторонникам указанных взглядов — апологетам «реального социализма», с одной стороны, и их непримиримым противникам из лагеря так называемых «демократов» — с другой, наша позиция состоит иная. *Надо идти не назад, а вперед. Не к тому, что уже было, а к тому, чего еще не было, но что должно быть в России, к системе общественных отношений, в рамках которой снимаются исторически выявленные противоречия и проблемы ее предшествующего развития*. Но для этого нужно всерьез разобраться с тем, *что было*, т.е. выработать действительно научное понимание советской общественной системы, решительно преодолев при этом всякие идеологические вымыслы на этот счет. Надо, в частности, научиться называть вещи своими именами, хотя порой это и очень тяжело дается...

С нашей точки зрения, общество «реального социализма» погибло не в силу каких-то *случайных* обстоятельств — «заговора», «предательств», «ошибок в политическом курсе» и пр., хотя все это было и сыграло свою роль в нашей истории, а в результате сложнейшего *системного кризиса*, вызванного *объективными, внутренними противоречиями*. Кризис был вызван *той самой объективной диалектикой раз-*

вития, с которой руководство этой общественной системы, гордившееся своим пониманием «диалектики истории», *не смогло справиться практически*. И именно в силу непонимания *теоретической сути проблем, перед лицом которых это общество оказалось в 70-е - 80-е годы*.

Я весьма далек от мысли, что единственным способом разрешения выявленных в ходе развития советского общества проблем является та форма, в которую все в конце концов *реально* разрешилось. Напротив, я считаю, что альтернатива, противоположная реально осуществившейся, была. Это альтернатива *критики и преобразования* общества «реального социализма» с позиций *социализма* классического марксизма, с позиций более *полного и адекватного* воплощения сути, общего смысла социалистической идеи в ее глубинном социально-духовном содержании и преодоления той исторически *конкретной формы*, в которой она была реализована в рамках советской системы.

Речь идет о социалистической альтернативе выхода из кризиса общества «реального социализма», которая связана со становлением *новой конкретно-исторической формы социализма, снимающей в своем составе проблемы и противоречия, которые выявились в рамках прежней формы и с которыми исторически предшествующая форма социализма не могла справиться*. Это форма, открывающая новые перспективы развития самой социалистической идеи как таковой.

Почему эта альтернатива не реализовалась, почему она даже не оформилась надлежащим образом в чисто теоретическом отношении — это специальный вопрос. Но для меня лично несомненно, что такая альтернатива *была*. И она была прямо противоположна той, которая практически осуществилась, в результате чего капитализм стал у нас реальностью (вместо еще недавно реального «реального социализма»)

...

Вместе с тем следует признать, что крушение общества «реального социализма» объективно опрокидывает многие теоретические постулаты, еще недавно казавшиеся «незыблемыми». Оказывается, вопреки утверждениям официальной идеологии советского времени, социализм у нас «победил» отнюдь не «полностью и окончательно». Более того, по сути возникают большие сомнения относительно того, *можно ли вообще говорить о победе социализма в нашей стране, имея в виду глубинный смысл марксовской концепции социализма?* Приходится признать, опять-таки вопреки официальной идеологии недавнего прошлого, что исторической перспективой развития советского общества была не только его возможность движения к коммунизму, но и возможность его движения в прямо противоположном направлении. Оказалось, что тезис, согласно которому «реальный социализм» отвечает чаяниям советского народа, и прежде всего рабочего класса, также повисает в воздухе

хе, ибо по сути дела социализм у нас умер тихой смертью, и никто даже не вышел на его защиту, как бы наглядно показывая, что *этот социализм оказался в конце концов никому не нужным...*

Признание этих горьких истин, как мне кажется, обязывает нас серьезно задуматься над вопросом о *действительной сути* общества «реального социализма», в отличие от его официально-идеологического образа, задуматься над его объективными внутренними проблемами и противоречиями. Существует необходимость *систематической критики* теоретических представлений на этот счет, которые еще недавно доминировали в общественном сознании и теперь, через десять лет после кончины социализма, еще довлеют над умами многих людей, запутавшихся в серьезных вопросах нашей социальной истории.

Важнейшее место в этих размышлениях, на наш взгляд, принадлежит вопросу об отношении общества «реального социализма» как *конкретно-исторической формы* реализации социалистической идеи к социализму *в его подлинном понимании*. В отличие от официальной позиции недавнего прошлого, мы считаем, что система «реального социализма», формировавшаяся под знаком реализации социального идеала классического марксизма, в силу объективно-исторических обстоятельств развития *по своему действительному* (не идеологически выраженному) *содержанию не только разошлась с существом реализуемой идеи, но и оказалась в ряде отношений даже ее противоположностью*. Другими словами, она оказалась формой реализации идеи, находящейся *в противоречии с собственной сутью*. И, вместе с тем, это противоположность, выступающая на поверхности социальных процессов и в идеологическом сознании общества *в виде ее адекватного воплощения...* То, что дело обстоит именно так, показать не трудно и в современных условиях уже во многом даже очевидно. Труднее объяснить — *почему и в силу каких причин* такое отклонение, деформация и перерождение произошло.

Признавая это положение, я решительно не согласен с тем мнением, согласно которому отклонение или своего рода *извращение* социалистической идеи классического марксизма, присущее советской общественной системе, было как бы *априори предопределено ее собственным содержанием* и с необходимостью вытекало из самой сути социалистической идеи классического марксизма, раскрывая, как говорят «демократические» критики социализма, ее действительный объективный социально-исторический смысл и значение. Если это так, то с идеей научного социализма действительно делать уже нечего, и ее нужно отправить в архив общественной истории. Ну а если это *не так*? Тогда тезис о том, что крах общества «реального социализма» есть *подтвер-*

ждение внутренней несостоятельности идеи социализма как таковой, оказывается неверным. Тогда вывод о том, что «социализм оказывается самой длинной дорогой к капитализму», неверен именно в силу того, что *социализм в его реальном воплощении и социализм в его идее, в его теоретическом проекте оказались существенно разными формообразованиями.*

Причина объективной деформации социалистической идеи не в ней самой, а в другом — в *специфических исторических условиях страны*, вступившей на путь социалистического развития при отсутствии необходимых предпосылок, обеспечивающих адекватное и последовательное воплощение идеи в ее собственном содержании. Именно в силу этого наша страна вынуждена была *создавать* такие предпосылки, т.е. решать задачи, не решенные предшествующим социально-историческим развитием, достраивать то, что не выстроил, — по крайней мере «в надлежащем количестве и качестве», как говорил Ленин, — российский капитализм. Причина, другими словами, в том, что в силу определенных социально-исторических обстоятельств социализм у нас появился не *после* капитализма, выполнившего свою «историческую миссию», о которой говорил Маркс, а в известной мере *вместо него* и в силу этого должен был решать проблемы, решение которых в общем и целом составляет задачу собственно капиталистического развития — развития производительных сил общества, материально-технической, культурной, социальной базы, *при наличии* которой можно начинать собственно *социалистическое* строительство. Создание *исторических предпосылок* его нормального формирования и строительство самого социализма, предполагающего эти предпосылки *уже сформированными*, — существенно *разные*, хотя и взаимосвязанные задачи, решаемые социально *различными средствами.*

Соединение таких исторически последовательных и, вместе с тем, социально различных задач в единый процесс и обусловило историческое своеобразие самой *формы* возникавшего в нашей стране социализма, *реальной логики его становления и существования.* И эта логика весьма сильно отличалась от тех *общетеоретических предпосылок*, в рамках которых выстраивали свое понимание процесса преобразования капиталистического общества в социалистическое основоположники классического марксизма. Именно эти исторически своеобразные, особые условия формирования социализма в нашей стране и обусловили в конечном счете его *своеобразные черты*, весьма сильно отличающие советский вариант социализма от *общетеоретического – идеального – понимания его в рамках классического марксизма.*

Размышляя об истории и сущности советского социализма в указанном направлении, невольно вспоминаешь слова Маркса о том, что

ни одна общественная формация не может погибнуть раньше, чем она полностью разовьет потенциал своего развития, и из ее противоречий не появятся ростки новой социальной системы. Вспоминаются и слова Энгельса из предисловия к «Крестьянской войне в Германии» о том, что партия, пришедшая к власти в силу исторических обстоятельств *раньше* своего исторического времени (в классическом марксизме в общих чертах был предусмотрен и такой вариант общественного развития) и вынужденная поэтому решать проблемы предшествующего исторического развития, *объективно* оказывается *в ситуации*, когда перед ней возникает угроза *перерождения*. Это перерождение в социальную силу, *решающую задачи* своего противника и *возрождающую в исторически новом виде* социальные формы и отношения, характерные для предшествующей ступени исторического развития, под знаком *отрицания* которой новое движение формировалось. Движение вперед в таком случае обязывает к восстановлению и утверждению — естественно в новой социально-идеологической упаковке — отношений, характерных для старого общества, а это накладывает свою мощную печать и на весь облик нового общества.

Если пойти по этому пути и признать, что сама *форма* реализации социалистической идеи в нашей стране вытекала не из самой общей идеи социализма как таковой, а из конкретно-исторических обстоятельств и условий ее реализации, объективно обусловливавших *расхождение* формы с сутью своей идеи, своего теоретического прообраза, и даже *противоречие* с ней, то вывод о том, что гибель общества «реального социализма» оказывается гибелью социалистической идеи как таковой, оказывается полностью несостоятельным и именно в силу того, что никакого «*адекватного*» *воплощения* идеи не было...

Итак, глубокий системный кризис, а затем и разрушение «реального социализма», свидетельствует не о принципиальной *несостоятельности* идеи как таковой, а совсем о другом — об *исторической ограниченности*, о *преходящем характере* той особой конкретно-исторической *формы*, в которой исторически реализовалась и существовала у нас «социалистическая идея». И только. В противоположность мнениям «демократических» критиков советской общественной системы, ее кризис был вызван не столько *присутствием* в ней социализма в его научном марксистском понимании, сколько напротив, его реальным *отсутствием* и присутствием совсем другого, глубоко чуждого самой идее социализма содержания.

Центральной проблемой, с которой не смогла справиться советская модель социализма, ни теоретически, ни практически, оказалась *проблема отчуждения*, т.е. та самая проблема, *историческое решение* которой, согласно классическому марксизму, составляет основную соци-

альную задачу социализма в его научном понимании. А само социальное отчуждение, согласно марксистской теории, есть порождение *частной собственности* вообще, и ее капиталистической формы в особенности.

По идее социализм есть общество прогрессирующего преодоления социального отчуждения и лежащей в его основе частной собственности. Соединение социализма с отчуждением, а тем более появление *исторически новой формы* социального отчуждения в рамках социалистического общества, с точки зрения классического марксизма, вещь абсолютно невозможная и недопустимая... И, тем не менее, в реальной истории советского «социалистического» общества — и в этом состоит его исторический парадокс и загадка, требующие соответствующего разъяснения и разгадки, — такое «соединение» произошло. И это соединение, глубоко противоречивое и неоднозначное по своему социальному смыслу.

В рамках советского общества, выступавшего под знаком социализма в его марксистском понимании, имело место то, что в нем не должно было иметь места, согласно глубинному смыслу социалистической идеи, и в нем не было того, что именно в нем и должно было бы иметь место. Фактически советское общество представляло собой огромную *социальную пирамиду*, вершина которой постоянно превращалась в *основание своего собственного основания* — в абсолютную, все определяющую и все контролирующую силу, по сути дела совершенно не зависящую от общества, трудящихся масс, от каждого «простого» советского человека. И это была сила, не просто самостоятельная и неподконтрольная обществу, но и всецело *господствовавшая* над ним. Именно в этом *переворачивании* суть всей системы организации власти, сферы социального управления, собственности, организации общественного производства и общественной жизнедеятельности в целом в рамках общества «реального социализма».

Точно так же и собственность, *официально* провозглашенная у нас «общенародной», *реально* не была таковой, фактически будучи собственностью особого социального субъекта — «государства», а точнее сказать — общественной власти, обособленной от общества, ибо советское государство не было государством в обычном смысле слова. В нем и над ним занимала господствующее положение другая социальная сила, другой *социальный субъект*, конституционно утверждаемый в качестве «руководящей и организующей» силы, который находился на вершине власти вследствие чисто исторических причин и которого никто никогда не избирал и никто не контролировал. В связи с этим собственность, декларируемая в качестве «общенародной» и «социалистической», в ее непосредственно наличном, реальном бытии выступала как *всеобщая (институциональная) частная собственность*, представлен-

ная в деятельности особого социального субъекта, который осуществлял задачи социального управления в самом широком, тотальном смысле слова.

И именно это обстоятельство раскрывает, на наш взгляд, то положение, согласно которому принцип частной собственности в нашей реально-общественной жизни и необходимое связанное с ним социальное отчуждение не исчезли, а они приняли лишь исторически новую социальную форму. Теоретически это положение совершенно не было предусмотрено в рамках теоретической традиции классического марксизма, исходившего, как мы уже отметили выше, в обосновании общей логики формирования социалистического (коммунистического) общества, из совершенно иных предпосылок и исходных условий. Тем не менее «реальный социализм», исторически возникший в нашей стране в середине 30-х годов, активно — и даже сознательно! — воспроизводил в своей социальной структуре отношения отчуждения. И более того, возрождение этих отношений в рамках советского общества той поры было с нашей точки зрения, *в определенных границах исторически прогрессивным процессом, хотя и далеко не однозначным по своему социально-историческому смыслу.*

Именно задачи ускоренной индустриализации, создания современной мощной промышленности, науки, культуры, высокопрофессиональных кадров и пр., без чего говорить о строительстве социализма просто бессмысленно, в исторических условиях страны, вставшей на путь движения к социализму, потребовали максимальной *концентрации* всех общественных ресурсов и соответствующего усиления и *централизации* государственной власти, а значит ее возвышения над обществом. Можно согласиться, что в исторических условиях второй половины 20-х - начала 30-х годов никакой серьезной альтернативы нарождавшемуся сталинизму, сталинской модели движения к социализму не оказалось. В этих исторических условиях сталинизм явился своего рода *дорогой к социализму*. Другой стороной того же самого процесса оказалась глубокая *деформация самой идеи социализма*, представляющая в перспективе своего развития *угрозу для существования социализма как такового*. В этом глубоком *историческом противоречии* суть *сталинизма*, его исторического места и значения в истории социализма в России.

Этой объективно-исторической *противоречивостью* сталинского режима, его местом и значением в истории социализма определяются постоянно возникающие споры по поводу роли Сталина в истории нашей страны и XX века в целом, по поводу социально-исторической сущности его личности. Для одних сторонников социализма он своего рода «бог», построивший социалистическое общество как таковое, для

других — «дьявол», нанесший колоссальный ущерб идее социализма как таковой... Истина же состоит в том, что *он был тем и другим одновременно*. Именно в этом качестве он и останется в истории социализма в XX веке.

Сталинизм, т.е. *обоснование и реализация идеи тоталитарного, государственно-бюрократического социализма*, представляющего и выражающего исторически новую форму социального отчуждения, и развитие социализма как общества, преодолевающего в своей истории отчуждение как таковое, — вещи абсолютно несоединимые, *абсолютно друг другу противоречащие*. Поэтому в перспективе исторического развития общества «реального социализма» вопрос неизбежно приобретает альтернативную форму: *либо сталинизм, либо социализм*.

То, что на ранних, начальных ступенях формирования социалистического общества в силу объективно-исторических обстоятельств его развития имело исторически определенное, относительно преходящее оправдание, на более развитых ступенях общественного развития все больше и больше превращалось в *преграду* на пути социального развития нового общества. И это все более и более выявляло внутренне ограниченный, исторически преходящий и противоречивый характер той исторической формы, в которой *практически* реализовалась социалистическая идея. Преодоление этой исторически ограниченной и все более изживаемой социальной исторической формы и выработка новой конкретно-исторической формы реализации социалистической идеи, снимающей в своей организации противоречия предыдущей, открывало бы новую перспективу развития самой социалистической идеи, делая ее действительно более *адекватной* сути своего теоретического прообраза, развиваемого в рамках классического марксизма.

Именно заложенные в сталинской модели деформации социалистической идеи по существу и давали возможность лидерам «левой оппозиции» говорить о явлениях и тенденциях «перерождения» социалистического общества. И эта критика имела под собой очень серьезные объективно-исторические основания. Еще в середине 30-х годов, когда наша страна торжественно праздновала принятие «сталинской конституции», знаменовавшей, как полагали, победу социализма, Л. Троцкий — наиболее умный и последовательный критик сталинской общественной системы, — говорил, а точнее сказать, кричал, о той громадной *внутренней опасности*, которая нависла над страной социализма после утверждения в ней сталинского режима.

Л. Троцкий говорил о том, что в перспективе своего развития социализм и сталинизм неизбежно придут в непримиримое противоречие, что социализм в его сталинской версии объективно и неизбежно выродится и переродится. Он говорил о том, что от него идут в будущее две

дороги, причем в прямо противоположных направлениях — *далее к социализму* (через разрушение и преодоление сталинизма) или к *восстановлению капитализма*, первоначально развивающегося под крышей сталинского социализма, который рано или поздно сбросит эту внешнюю, ставшую совершенно чуждой и ненужной, оболочку и вместе со сталинизмом похоронит под его обломками и сам социалистический принцип, социалистическую идею, еще сохраняющуюся в выхолощенном виде в рамках сталинского режима. К сожалению, история оправдала прогноз Л. Троцкого в его самом худшем виде.

То, что так или иначе выступало средством ускоренного развития страны в 30-е - 50-е годы, стало постепенно превращаться, и чем дальше, тем больше, в *тормоз* социального развития страны. Система тоталитарного, государственно-бюрократического социализма все больше и больше изживала саму себя, вступая во все большее противоречие с интересами социального развития страны. Противоречие это вызревало долго и мучительно, особенно на протяжении 70-х - первой половины 80-х годов, пока не вышло наружу в виде острого социального кризиса в середине 80-х.

Можно сказать, что сам этот кризис по сути своей был *кризисом роста и развития* социализма, переросшего свою собственную исторически ограниченную форму реализации. Объективный смысл этого кризиса состоял в необходимости глубокого, продуманного преобразования этой исторически изжившей себя исторической формы всей системы общественных отношений, в рамках которой она реализовывалась, и развития исторически новой формы реализации социалистической идеи, открывающей перед ней совершенно иные перспективы. Именно об этом и шла речь на первоначальной ступени объявленной в середине 80-х годов политики «перестройки».

Трагедия нашего социального развития состоит в том, что советское общество так и не нашло правильного решения своих внутренних противоречий. Социальные преобразования, развернувшиеся первоначально под знаком *развития социализма*, обернулись своей противоположностью, перешли в противоположное русло и завершились не преобразованием общества «реального социализма» с позиций более адекватного и последовательного воплощения социалистической идеи, а *разрушением социализма* как такового, отказом от социалистической ориентации общества и реставрацией капиталистических порядков, приведшей к колоссальной социальной катастрофе.

Между тем, социалистическая альтернатива решения назревших социальных проблем, еще раз повторим, была. Суть этой альтернативы, если говорить в предельно общем виде, состояла не в разрушении «общенародной» собственности, которая хотя и была *отчужденной* от на-

рода, от рабочего класса, от трудящихся масс в целом, но была и *создана* ими, не в ее «*приватизации*», а в *социализации* собственности, в преодолении ее отчуждения, в ее последовательном, поэтапном превращении в подконтрольную трудящимся силу их коллективного, общественного развития. Точно так же и в сфере *социального управления*, в самом широком смысле этого слова, речь должна была идти не о разрушении «социалистического государства» как такового, а о преодолении его отчуждения, то есть о последовательной, поэтапной демократизации всей системы общественной власти, о ее превращении в орган, подконтрольный советским людям. И в том, и в другом случае речь идет о преодолении социально-исторического отчуждения, проявившего себя в обществе «реального социализма», с позиций и на основе именно социализма, с позиций *социалистической демократизации всей общественной жизни*, открывающей перед каждым человеком перспективу последовательного вовлечения в процессы управления развитием общества.

Решение этой задачи предполагает преодоление государственно-бюрократического характера общественной собственности и общественной власти в целом. При этом само социалистическое государство не разрушалось бы, а *преобразовывалось*, превращаясь из силы, отчужденной от общества, в силу, подконтрольную ему. *Система государственно-бюрократического социализма заменялась бы системой государственно-демократического социализма, по самому существу своему ближе стоящей к социализму в его марксовом понимании*. Именно такая форма социализма могла бы, на мой взгляд, составить действительную альтернативу изжившему себя обществу «реального социализма», на деле оказавшемуся во многом ирреальным, декларативным, формальным «социализмом», противоречащим своей собственной глубиной идее.

Подводя итог конспективного изложения предложенной точки зрения, необходимо еще раз сказать, что если верно, что в реально-исторических условиях нашей страны, вступившей на путь строительства социализма, *без сталинизма к социализму нельзя было продвигаться*, то не менее верным является тезис, согласно которому *со сталинизмом войти в социализм в его марксовом понимании просто невозможно*. Его следует оставить за порогом.

Сейчас в условиях глубокого кризиса общественного сознания России в целом, и в том числе его левого спектра, на первый план выдвигается теоретическая работа. Все, кто действительно заинтересован в будущей победе социализма, должны исходить из того, что у социализма в его сталинско-брежневском варианте *нет будущего, нет исторической перспективы*. В современных условиях идейно-теоретическая за-

щита этой формы социализма превращается в форму *реакционного социализма*. России нужен другой — более умный и гуманный, соответствующий идеалам классического марксизма социализм. Нам нужен социализм демократический и гуманистический, открывающий каждому человеку перспективу превращения в соавтора общественной истории, в личность, которая активно участвует совместно с другими людьми в *само-определении* своей общественной жизнедеятельности. Именно разработка теоретических вопросов, связанных с обоснованием *нового образа социализма* как социализма с человеческим лицом и составляет, с нашей точки зрения, основную задачу в сфере развития теории социализма, путей и средств его воплощения в действительность.

Н.К. Попадюк

Э.В. Ильенков и проблемы преодоления формальной планомерности

Каждая эпоха имеет свои «узелки» сплетения наиболее насущных проблем своего самосознания и выбора путей дальнейшего развития. В одни периоды это осознается только наиболее «продвинутыми» в осознании места и роли таких проблем в разрешении насущных коллизий развития страны или человечества. В другие эпохи обсуждение таких проблем становится «общим местом», но не находится пока человека, способного ясно и четко выразить и правильно поставить проблему, решение которой ожидается, если не всеми, то большинством населения той или иной страны. Как правило, такие периоды отражают «накал» проблем, решение которых должно определить основные направления дальнейшего движения страны. В третьи периоды общество методом проб и ошибок идет в направлении, кажушимся верным только части населения, тогда как остальная часть считает выбранное направление ошибочным.

Для России такой проблемой в настоящее время является поиск модели развития в столь неожиданно изменившемся и продолжающем динамично меняться мире; модели, достойной для страны, еще не так давно бывшей супердержавой, а теперь получающей или ожидающей помощь со стороны своих недавних идеологических противников. Причем, если совсем недавно страна была горда своей непохожестью на остальной мир своей официальной идеологией, продекларирован-

ными великими целями и рядом других реальных и мнимых преимуществ, то вдруг неожиданно оказалось, что ее подчеркнута не только игнорируют, но и дискриминируют те «цивилизованные» страны-эталон для подражания, к кому в своем стремлении быть с ними в одной семье она так спешила, разрушив и продолжая разрушать собственные святыни.

Различными слоями населения России по-разному понимаются возможные перспективы социально-экономического развития страны. Кроме социально-психологических мазохистов, подавляющее большинство россиян хотело бы видеть Россию не ведомой, а самостоятельной и независимой страной, пользующейся на мировой арене заслуженным и непоколебимым авторитетом. Однако на этом единство взглядов заканчивается. В значительной степени это результат того, что до сих пор нет приемлемого теоретического определения того общества, которое было построено в нашей стране к началу Перестройки и какое мы имеем сейчас. Это значит, что нет и адекватного осознания тех проблем, которые объективно стоят как препятствия на пути столь долгожданного социально-экономического подъема и прогресса.

Настоящая статья призвана внести свой вклад в решение проблемы *самоидентификации* страны на переживаемом этапе общественно-политического и социально-экономического развития. Размещение ее в сборнике, посвященном пониманию Э.В. Ильенковым социализма, не случайно. Не только потому, что он искренне был убежден в объективной закономерности его появления. Не только потому, что он с болью в сердце воспринимал не соответствующие социализму трагические эксцессы не только в нашей стране, но и переживал несуразности, казалось бы, социалистических стран на мировой арене: В книге «Встреча с философом Э. Ильенковым» С.Н. Мареев рассказывает, как тяжело отреагировал и переживал Э.В. Ильенков военный конфликт между Китаем и Вьетнамом¹. Но и потому, что он сам размышлял о причинах несоответствия построенного в СССР общества духу и букве марксистско-ленинской доктрины, которую он знал профессионально и досконально. В результате размышлений им эскизно были высказаны соображения, которые характеризовали его понимание сути проблемы значительно глубже, чем многими профессиональными экономистами и политиками.

В каждом обществе в каждый данный момент его развития всегда, как это показали классики марксизма-ленинизма, *существуют* уклады социумов, отражающих закономерные этапы развития общества.

¹ Мареев С.Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. М., 1997, с. 27.

Одновременно наличествуют социально-экономические уклады, некогда бывшие в обществе основными, преобладающими, структурообразующими, рядом с укладами, являющимися преобладающими ныне. И это тут же — рядом с укладами, несущими в себе «зародыши» потенциальных моделей будущих обществ, раскрытие которых готовится вызревающими в то же самое время предпосылками.

Методом проб и ошибок общество испытывает ту или иную модель на ее адаптационные возможности, способности решить насущные задачи социально-экономического и, соответственно, общественно-политического развития, которые к этому времени встали на повестку дня. В сложно стохастическом процессе выбора наиболее адекватной модели в поле объективных возможностей всегда присутствует элемент случайности, воздействия случайных факторов, которые, хотя и не совсем бифуркационной природы, но, тем не менее, достаточно вероятностны в рамках определенного круга потенциальных сценариев реализации того, что в конечном счете было названо «*хитростью разума*». Во многом это обусловлено действием своеобразного социального механизма, внутренне встроенного в логику объективного социального прогресса и имманентного общественному развитию в целом.

По мере общественно-культурного прогресса указанный механизм приобретает все большее значение. Все большую роль начинают играть феномены качественно нового уровня и порядка, характеризующие прогрессирующее проявление коллективного разума. Возможно, расширился только масштаб действия этого механизма, поскольку идеальное представление о грядущем лучшем обществе, даже если это общество ограничивалось городом-полисом или удельным княжеством, и принимало форму, близкую к мифологемам, все равно существовало. Это явление нашло отражение в особенности, названной на другом материале Дж. Соросом рефлексивностью¹. Наиболее наглядной формой проявления этого феномена на макроэкономическом уровне в настоящее время без опасности погрешить aberrацией времени является возрастающая роль национального государства².

Каждый хозяйственный уклад представлен определенной и соответствующей его уровню социальной группой, которая имеет свое *самосознание*. Последнее, если отражает в понятной идеологеме насущные проблемы большинства укладов и соответствующих им социальных групп, приобретает характер тотальности и становится общим для

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности. М., 1999. С. 6-15.

² См.: Отчет о мировом развитии 1997: государство в меняющемся мире. М., 1997. С. 30-34.

них в части солидарного понимания необходимости их разрешения. Поиск подручных средств, соответствующих солидарному пониманию, становится своеобразной формой деятельности в выкристаллизовании направленности разрешения объективного противоречия, вызвавшего такое единение. Однако это не объективная необходимость, обуславливающая неизбежность такого процесса. Немалую роль играют при этом другие факторы, препятствующие или практически «закрывающие» возможность в ближайшее время разрешить то или иное противоречие. Немаловажную роль здесь играет и расстановка политических сил, заинтересованных в том или ином ходе развития событий.

Каждая страна и группы стран имеют собственные, близкие друг к другу, если они находятся в едином культурном ареале, формы самосознания, или, лучше, свои схожие основные точки интенсивности общественной психологии. Так, например, для современной культуры Западной Европы такой проблемой в последнее время становятся эсхатологические ожидания, получившие вместе с соответствующими концептуальными построениями и общекультурными формами собирательное название постмодерна. Для большинства стран бывшего СССР — это выстраивание *новой идеологии* и на ее основе поиск путей национальной самоидентификации и экономического роста.

В период после пролетарской революции в России, по определению В.И. Ленина, имели место следующие *пять социально-экономических укладов*. Это патриархальный, мелкотоварный, частнокапиталистический, государственно-капиталистический и социалистический. При политической власти пролетариата в целом сформировался государственный капитализм, но не как тотальность, а по своему типологическому месту как один из главенствующих укладов. Занимая командные высоты в экономике, охватить всю национальную экономику он, тем не менее, не мог, потому что существовали в то время хозяйственные уклады, как, например, патриархальный, которые совсем не были вовлечены в товарное производство, и находились практически вне единой экономической ткани страны. Кроме того, численно по количеству занятых преобладал мелкотоварный хозяйственный уклад, представленный крестьянскими хозяйствами, которые только предстояло вовлечь в соответствующее достигнутому уровню производительных сил социально-экономическое пространство.

В отечественной литературе остался нераскрытым и неоцененным должным образом тот *способ*, которым В.И. Ленин предполагал распутать весь клубок реальных противоречий переходного этапа и использовать государственно-капиталистическую машину для социалистических преобразований при опоре на *организованный в государство пролетариат*. Позже такая форма организации класса в государство, при

помощи которой В.И. Ленин намеревался организовать последовательные социалистические преобразования, на другом общественно-историческом материале получит название «государство-класс»¹. В силу определенных причин В.И. Ленин не был услышан в его требованиях преобразовать хозяйственный уклад, *место которого должен был фактически занять организованный как государство пролетариат*. Не были приняты его рекомендации, минимизирующие опасность «пробуксовки» социалистических преобразований.

В условиях государственного капитализма, т.е. той общественно-политической модели, которая, по определению В.И. Ленина, сложилась в стране после пролетарской революции, предстояло осуществить ряд первостепенных преобразований. Предстояло, прежде всего, «вживив» социалистический уклад в инфраструктуру государственно-капиталистического уклада, обеспечить «снятие» последнего с сохранением всех его общецивилизационных, как сейчас бы сказали, достижений (в виде развитой финансово-кредитной системы, способной обеспечить социалистический контроль в расходовании общественных средств и распределении издержек, в виде индустриальной системы с отлаженной кооперацией поставщиков и потребителей и т.п.). На повестку дня только после этого вставала задача создания, формирования «той тончайшей сети взаимоотношений», хозяйственных связей, которая есть другой момент того же самого «снятия» и обеспечивала бы реальное обобществление производства и труда как экономическую основу планомерности. В этой связи Э.В. Ильенков писал: «Формально-юридическое «обобществление» собственности, ее превращение в государственную, в общенародную собственность, согласно Марксу и Ленину, представляет собой необходимо первый, но лишь первый шаг на пути к действительному обобществлению материального и духовного богатства, накопленного в форме «отчуждения». Вторым шагом может быть только глубокий переворот во всей системе общественного разделения труда, в условиях непосредственного труда, в т.ч. и в технических его условиях»². Иначе существовала опасность *превращения социалистического уклада в бюрократический* как определенность формы государственно-капиталистического уклада на этапе сплошной национализации всех средств производства.

В отечественной литературе накоплено достаточно исследований, касающихся проблематики причин и предпосылок формирования сталинского режима, попыток В.И. Ленина противоборствовать только

¹ См.: Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. М., 1983, с. 288, примечание 22.

² Ильенков Э.В. Философия и культура, М., 1991, с. 150.

зарождающимся тенденциям бюрократизации партийно-государственного аппарата. «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Очередные задачи Советской власти» и ряд других работ Ленина советского периода содержат практические подходы, учитывающие сложившуюся общественно-политическую обстановку в стране и возможные направления преодоления бюрократизации. Более того, эта проблема выдвигалась как одна из приоритетных, поскольку препятствовала развитию социалистической революции. Страна победившего пролетариата и крестьянства находилась в огненном кольце интервенции и гражданской войны, когда в качестве одного из лозунгов момента прозвучало ленинское «бюрократия – тоже наш враг».

Переходный период к социализму — это не социализм, а переходный период к нему. В течение этого периода действительно решается главный вопрос: «кто — кого». В соответствии с общепринятой в советское время точкой зрения, переходный период от капитализма к социализму завершился в СССР к середине 30-х годов, когда «социализм в нашей стране был построен полностью и окончательно». Однако это утверждение — первая идеологическая «приписка». Указанный период действительно характеризовался завершением переходного периода, но *не в пользу социализма*. Процесс упрочения социалистического уклада как преобладающего не удался. Произошла победа и упрочение другого, хотя и наиболее близкого к социалистическому укладу, с точки зрения его *логического места в историческом генезисе формационных стадий*, но другого социально-экономического уклада — *бюрократического* как определенности формы *государственного капитализма*.

Осознание этого пришло не сразу. Не только потому, что мимикрия победившего уклада под социализм была слишком естественна, поскольку он сам идентифицировал себя как социалистический. Но и потому, что общественное сознание несло идеалы Великой революции и осваивало новые нормы пролетарского коллективизма, пролетарской этики и массовой культуры, снимая с нее напластования капиталистического отчуждения. Но и потому, что энтузиазм народа, поверившего, что он стал реальным хозяином, способен был творить и творил чудеса Магниток, строек первых пятилеток и т.п. Но и потому, что *другие хозяйственные уклады со своим самосознанием находились еще в переходном периоде к социализму*. Рекрутирование для великих строек и организационно-управленческой деятельности работников из других укладов способствовало тому, что бюрократические извращения носили поначалу очаговый характер. Но ключевым, структурообразующим хозяйственным укладом, доминирующим по концентрации организационных сил и в том числе государственной власти, уже стал бюрократический.

тический уклад, в который по своей логике трансформировался «сплав» социалистического и государственно-капиталистического укладов.

Построенное в СССР общество получило в отечественной литературе, среди прочих, название «мутантный социализм»¹. Это название представляется не совсем удачным, поскольку оно предполагает *наличие* социализма, хотя и «мутированного». Ряд индикаторов, рассматриваемых выше, позволяет утверждать, что так называемый «год великого перелома» был действительно годом «перелома станового хребта социализма», как это определил в свое время Отто Лацис. Поэтому период после «года великого перелома» есть «свертывание» не только НЭПа, но и в конечном счете всего переходного периода от капитализма к социализму и *возврат к капитализму*, правда «чисто» государственному, «очищенному» от одиозных форм отечественного частнособственнического капитализма и «окрашенному» первыми социалистическими завоеваниями пролетарской революции. Потому это был не мутант социализма, а отсутствие социализма, точнее — *отсутствие социалистического субъекта*, место которого заняла бюрократическая буржуазия. Став главным субъектом социально-организационных преобразований, эта буржуазия подчиняет своей логике движение всех остальных хозяйственных укладов.

В отечественной литературе тот слой, который складывается в национализированной экономике при распределении общественных ресурсов, назван бюрократической буржуазией. Последняя не есть нечто аморфное и не структурированное. Напротив, это строго иерархизированная, упорядоченная и достаточно организованная социальная группа. Она представлена своей стратифицированной по уровням народно-хозяйственной иерархии, по отраслям и видам деятельности, по регионам структурой социальных подгрупп, каждая из которых имеет свою «зону» влияния и соответствующие формы бюрократической ренты. Объединяет бюрократическую буржуазию «корпоративная собственность на все государство» (К. Маркс). К ней, учитывая ее реальное место в распределении и перераспределении национального дохода, в контроле над средствами производства и собственно производством общественного продукта, вполне применимо ленинское определение классов. Сам термин «бюрократическая буржуазия» и соответствующее ему понятие, выражающее определенность формы и субъективный фактор государственного капитализма, активно разрабатывался в отечественной востоковедческой литературе и африканистикой.

¹ См.: Бузгалин А.В. Экономика переходного периода. М., 1995.

Применительно к советской партийно-правительственной элите это понятие не только вполне применимо, но и обладает большой эвристической силой, что отчасти будет показано ниже. Само же доказательство *классообразующих характеристик* у советской бюрократической буржуазии в лице партийно-правительственной номенклатуры, в литературе было основательно представлено, поэтому здесь его дублировать не имеет смысла. В частности, такая точка зрения аргументированно была доказана М. Чешковым и рядом других исследователей¹, но в силу объяснимых причин интерес к такому диагнозу не актуализировался. И не мог актуализироваться.

Трудности корректной идентификации правящего слоя как бюрократической буржуазии, равно как и его самоидентификация — все это было обусловлено как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Прежде всего, мыслителей, подобных В.И. Ленину, среди марксистов после него практически не было. Любимец партии и ее теоретик Н.И. Бухарин, по оценке самого В.И. Ленина, диалектиком никогда не был. Между тем, сложность и неординарность проблем, вставших перед страной в переходный период, была беспрецедентна. Видимость ряда феноменов противоречила своей сущности. Без диалектического и именно марксистского понимания *противоречивости* общественно-политических и социально-экономических коллизий и процессов решить их было невозможно. В то же время марксистски грамотная теоретическая мысль, способная осознать ужасную диалектику «железного ордена меченосцев», уже была либо изгнана из страны, либо заточена в застенки, либо уничтожена.

Надо сказать, что с марксизмом, как это ни парадоксально, и в до-революционной России вообще не все было однозначно. Марксисты в основном были представлены, как выражался советолог-наукоед Л. Грэхем², онтологистами и в меньшей степени эпистемологистами. К первым относилось большинство российских марксистов, начиная с первого русского марксиста Г.В. Плеханова и его учеников А.М. Деборина, Л.И. Аксельрод и других³. К «эпистемологистам» принадлежал, пожалуй, только В.И. Ленин. С высоты современного, постлейбенковского, понимания очевидно, что подобное деление искусственно, что оба «лагеря» должны были представлять одно и то же. Как и для естествоиспытателей, так и для обществоведов, подобное деление означает только одно: либо есть диалектическое понимание марксизма

¹ См.: Социальная природа и функции бюрократии // МЭМО, 1989, № 2, с. 73-82.

² См.: Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

³ См.: Мареев С.Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. М., 1997, с. 137.

и через него — реальных конкретных проблем, либо его нет. Для объяснения причин и форм развития капитализма в России, т.е. для разработки его «вширь», достаточно было знать букву доктрины. Что «марксизм — не догма, а руководство к действию», мог сказать только тот, кто понимал *дух* доктрины как учения, а не только его *букву*.

К числу факторов, затрудняющих своевременное понимание бюрократической буржуазии как *принципиально нового и качественно иного вида буржуазии*, по сравнению с дореволюционной, относится прежде всего новизна этого феномена как такового. Тогда не было еще разработано понятие бюрократического капитала как особенной категории и соответственно объективного образования, отражающего основу субъект-объектного отношения бюрократической буржуазии в рамках бюрократического капитализма.

Что же такое бюрократический капитализм и почему его нельзя уничтожить, заменив команду высшей правительственной бюрократии на небюрократическую команду единомышленников? В общественно-политической теории и соответствующем сознании долгое время вообще не был определен класс бюрократической буржуазии, а значит и соответствующей ей общественно-политической и социально-экономической формы. Работы Л. Троцкого в СССР были запрещены. Имя Джиласа, югославского исследователя, поставившего вопрос о природе партийной бюрократии, также обходилось молчанием. Любые попытки идентифицировать партийную элиту в доперестроечные времена как бюрократическую буржуазию «погашались» казенными и, возможно, искренними пуристами «марксистской» буквы.

Значительную трудность составляло и то обстоятельство, что в это время бюрократическая буржуазия не была научно определена как социально-экономический и общественно-политический субъект, *имманентный* бюрократическому капитализму. Последний есть закономерный и основной социально-экономический уклад государственного капитализма с его специфическим и сущностным феноменом бюрократического капитала. Его исследование появилось несколько позже при анализе гоминдановского режима в период после сунь-ят-сеновской буржуазно-демократической революции и до китайской народной революции 1949 года .

В то же время скрупулезный и грамотный анализ бюрократического капитала был затруднен и тем, что, как и родовое понятие капитала вообще, бюрократический капитал, в качестве видового понятия, представляет собой также *идеальный феномен*. Более того, его понимание усложнялось и тем, что не была определена и практически не была известна такая категориальная пара, как «*организационные силы — организационные отношения*», являющаяся одной из ключевых в коррект-

ной научной идентификации категории «бюрократический капитал». Общественные и коллективные организационные силы — еще более, или, точнее, исключительно идеальный феномен, предполагающие возможность задействования организационных возможностей социальных групп для реализации тех или иных целей.

Между тем, проблема идеального — это по-прежнему «камень преткновения» для многих профессиональных философов и политэкономов, осваивающих марксистско-ленинскую диалектику. Как показал в книге «Встреча с философом Э. Ильенковым» С. Мареев, многие из отечественных философов с «громкими именами» ее так и не освоили. Проблему идеального и в лучшие-то времена интеллектуального революционного развития в России не многие читатели понимали, поскольку гегелевская философия как культурный символ эпохи интеллектуального развития на просторах Европы сошел на нет уже к концу 40-х годов XIX века. В России в рамках философской культуры задач, для решения которых был бы необходим такой мощный и тонкий инструмент, как диалектика, тогда не было. Поэтому даже такие крупные мыслители, как А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, в полной мере, вплоть до материалистического понимания истории, его не освоили.

В Европе также произошел некоторый «откат» от высот, достигнутых гегелевской философией. Появление «К критике политической экономии» в 50-х годах и «Капитала» в 60-х годах XIX века, по образному определению Кривошеева и Чернышева, воспринималось философской публикой как выступление «на птичьем», никому уже не понятном, гегелевском языке¹. Поэтому что говорить о России, где гегелевская философия исследовалась в основном в рамках отечественной идеалистической философии (И. Ильин, В.С. Соловьев, П. Флоренский), где проблема идеального была «приписана» по происхождению. Вновь ее поняли и подняли как проблему в рамках материалистической философской традиции из советских российских философов, пожалуй, только Э.В. Ильенков и М.А. Лифшиц. Однако и это не гарантировало ей моментального и всеобщего признания. Трагедия Э.В. Ильенкова — тому подтверждение. Да и ситуация вокруг имени этого великого ученого после его смерти показывает, что и в наше время далеко не все складывается удачно с пониманием этой проблемы².

Фактором, затрудняющим своевременное понимание бюрократической буржуазии, явилось и то уже упомянутое обстоятельство, что бю-

¹ См.: Платонов С. После коммунизма / Книга, не предназначенная для печати / Предисл. В. Аксенова и др. — 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы. М., 1991.

² См.: Мареев С.Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. М., 1997. С. 96-104, 106-107, 121.

рократический капитализм как форма государственного капитализма есть «соседняя» с социализмом, точнее с переходным периодом к нему, общественно-политическая форма. Как «соседняя», пограничная на рубеже смены общественно-экономических формаций общественно-политическая и социально-экономическая форма, бюрократический капитализм как загнивающий и предельный этап общественного прогресса в рамках капитализма при сохранении базового противоречия последнего — между общественным характером производства и частной формой присвоения — имеет ряд общих черт с социализмом на этапе его выхода из недр капитализма. Хотя *логически* бюрократический капитализм и переходный период к социализму по своим формационным местам являются «соседями», тем не менее, в России *исторически* в первом отсутствовали такие институты демократического устройства, формируемых еще в рамках буржуазного, или гражданского, общества, как предотвращение произвола властей, контроль за их наиболее одиозными проектами и т.п..

Поэтому, будучи откатом, пробуксовкой переходного периода к социализму после пролетарской политической революции, «сползшего» вновь в капиталистическую формацию, бюрократический капитализм с необходимостью продолжал решать те исторические задачи, которые не смог решить дореволюционный российский капитализм. Это задачи, которые должна была решить и частично решила социалистическая революция на своем недолгом переходном этапе. Таковы национализация земли и всех земельных угодий страны, всемерное содействие кооперации крестьянских хозяйств, индустриализация и повышение жизненного уровня основной массы населения на ее основе, преодоление массовой безграмотности в стране, расширение процессов всенародной демократизации.

При этом следует отметить, что многие задачи переходный период к социализму как к «заре» живого творчества масс не только поставил, но и задал направленность решения ряда ключевых проблем социально-экономического развития конкретно в России. К их числу, несомненно, относится план электрификации страны как переход на *принципиально новый прогрессивный технологический способ производства*, формирование хозрасчетной модели товарно-денежных отношений как *средства создания планомерности* в условиях не преодоленного отчуждения труда, развитие самоуправленческих начал как *преодоления реального подчинения труда капиталу* и т.п. Эти задачи должен был решить переходный период к социализму.

Как и положено бюрократии в ее родовой характеристике, эти задачи начали решаться не содержательно, а *формально*, следуя логике формального достижения целей, поставленных пролетарской револю-

цией, и ориентируясь на формальную результативность, на приписки. Коллективизация осуществлялась формально с точки зрения содержательного достижения поставленных целей. «Цель оправдывает средства» — лозунг из арсенала бюрократического подхода к благим целям. Поэтому, хотя коллективизация происходила с содержательной стороны формально, но от этого не стала мягче. Она велась по всем правилам революционной классовой борьбы. Продолжение этой классовой борьбы осуществлялось на «мелкобуржуазном материале» кулачества, к которому был приписан также и весь социальный слой среднего и, в конечном счете, мелкого крестьянства. Шел процесс превращения всего крестьянства в сельскохозяйственных рабочих, в сельский пролетариат, владеющий лишь производственно-хозяйственным инвентарем. Вместо обещанного обогащения крестьянства, имела место его батракизация. Признаки зажиточности (наличие коровы, коня, овец и т.п.) искоренялись как классово чуждые, а носители этих признаков отправлялись на трудовое исправление в ГУЛАГ, пополняя ряды «врагов народа», представленных, за сравнительно немногим исключением, искренними и активными сторонниками победы социализма в стране.

Формальной стала и самая демократическая на тот период в мире Конституция СССР 1936 года. Но как она могла работать, если ее гарантиями выступали такие деятели, как Сталин и Вышинский. Моральный кодекс строителя коммунизма был секуляризованной версией заповедей Христа, но также, как и последние, был формальным атрибутом благонадежности. Духовное производство было направлено на воспроизводство иллюзии о построении социализма в СССР. Позже для реализации формальных признаков успеха социалистического строительства бюрократическая буржуазия осуществила новую идеологическую приписку: было объявлено о построении коммунизма в СССР к 1980 году, а когда эта приписка была разоблачена временем, она была заменена на новую — утверждение о построении в стране «развитого социализма».

Формальная планомерность заключалась в целом ряде феноменов, но наиболее показательной ее формой было формирование и выполнение пятилетних и годовых народнохозяйственных планов социально-экономического развития страны и ее регионов. Централизованное народнохозяйственное планирование явилось важнейшим инструментом форсированного решения многих значимых социально-экономических проблем. Однако заложенный в нем потенциал не был и не мог, в силу сложившихся обстоятельств, быть реализованным в полной мере.

Практика составления и исполнения народнохозяйственных планов существенно отличалась от идеологизированного и расхожего представления об их результативности. Объявленный в качестве юридиче-

ского закона, утвержденный директивный план каждый год в рамках плановых пятилеток корректировался в сторону своего снижения. Добивались снижения планов для своих ведомств те или иные вхожие в правительство и Госплан лобби, что в конечном счете приводило к *«запланированной» несбалансированности*, умножающей ранее заложенную несбалансированность, обусловленную теми или иными приписками и заведомо невыполнимыми заданиями, навязанными силовыми методами. Как достигалось заключение сделок между планирующими органами на всех уровнях и соответствующими хозяйственными структурами на иерархических «торгах» при составлении и корректировке государственных планов социально-экономического развития, достаточно наглядно описал Е.Т. Гайдар¹. Одновременно воспроизводилось «поле» *формального обобществления*, в котором для нормального функционирования хозяйствующих субъектов формировались «теневые» каналы *квазипланируемости*.

В результате реализации такой «планируемости» все более и более воспроизводилась дефицитная экономика, в которой расширение круга становящихся дефицитными товаров прогрессировало (Я. Корнаи), и они выталкивались на «теневые» рынки. Выпускали рекордное количество тракторов, чугуна, цемента и многих других промышленных товаров, но бесхозяйственное их использование требовало производить их вновь и вновь. Были засеяны огромные территории под зерновые, но зерно были вынуждены закупать за границей. Так называемый затратный механизм, на преодоление которого были направлены практически все экономические реформы системы хозяйствования в стране, так и оставался всеохватывающим показателем «эффективности» производственно-хозяйственной деятельности, поскольку лучше показателя, характеризующего *формальную результативность использования ресурсов*, придумать было невозможно.

Формирование бюрократической буржуазии как *класса-в-себе* характеризовалось *формальным подчинением социума бюрократическому капиталу*. Социум и бюрократический капитал на таком этапе еще отделены друг от друга. Последний, будучи капиталом, присваивающим прежде всего *организационные силы* коллективов и человека, начинает с присвоения «живых» душ людей, делая это грубой физической силой, принуждая людей отчуждать от себя не только организационные силы, но зачастую и свободу, и самую жизнь. Эта сторона сталинизма, а также культурная революция в Китае, полпотовщина, тихая агония «социалистического строя» в Бирманском Союзе, Мозамбике и ряде

¹ Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М., 1989.

других стран показывают схожесть моделей бюрократического капитализма.

Он вынужден подчинять себе социум через принуждение, через насилие, действуя как вонне своего существования по направлению к другим классам (мелкой буржуазии в лице крестьянства и рабочего класса — пролетариата), так и внутри себя. Внутри себя осуществлялось по отношению к тем, кто объективно был вовлечен в траекторию его функционирования, но мог создать угрозу существования персонализирующему его классу — бюрократической буржуазии. Бюрократическая буржуазия на том этапе вместе с пролетариатом, убежденным, что имеет дело с авангардом рабочего класса, вели войну не на жизнь, а на смерть с мелкой буржуазией в лице крестьянства и научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Были наработаны целые комплексы «технологий» геноцида против своего народа, не понимающего такого перерождения, поскольку оруэлловское «министерство правды» работало, не покладая рук.

По мере того, как селективно и все с большим и большим размахом уничтожались лица, не только утверждавшие, но и потенциально способные заметить факт перерождения некогда прогрессивного партийного слоя правящего класса, такое самосознание, хотя, может быть, и не в адекватных формах, стало проявляться все настойчивее. Лев Троцкий за открытие этой истины и ее корректное марксистское озвучивание был уничтожен далеко за пределами Советской России. К концу 30-х годов практически все потенциальные противники бюрократической буржуазии были уничтожены.

Ирония истории заключается в том, что в стране с обостренным классовым чутьем в подавляющей массе идентификации номенклатурной элиты на союзном и республиканском уровнях в качестве *бюрократической буржуазии* и *самостоятельного класса* не было. Причем сложность проблемы состояла в том, что идентифицировать формирующийся бюрократический класс как *особую форму* буржуазии, а именно бюрократическую буржуазию, не могла не только она сама, но и советский народ, убаюканный лозунгами «народ и партия едины», «партия – наш рулевой» и т.п.

Справедливости ради следует сказать, что в ряды КПСС вступали не только карьеристы, но и нравственно чистые и глубоко порядочные люди, стремившиеся личным трудом ускорить дело строительства коммунизма в нашей стране. Было стремление ряда деятелей из высшего руководства партии и правительства остаться у власти. При этом достаточно много, а на первых этапах преобладающее большинство, — это были искренне и самоотверженно работающие на благо социализма

управленцы, полностью соответствующие персонажам повести «Главное направление» Александра Бека.

Однако подобных «неудобных» людей-романтиков бюрократическая система либо выталкивала из своих рядов, либо преобразовала и трансформировала в достойных носителей такой бюрократической этической нормы, как *корпоративная солидарность круговой поруки*. Романтики направлялись на наиболее опасные и трудные участки государственного социалистического строительства, как, например, оказание помощи в строительстве социализма бывшим национальным окраинам, ставшим союзными республиками. Такие романтики были не удобны выдвинутому в ответ на запрос истории слою обывателей, адекватно отвечающим по своим человеческим качествам новой социальной роли бюрократической буржуазии. *Класс бюрократической буржуазии из класса-в-себе превращался в класс-для-себя*.

Негативным следствием такой метаморфозы стало подчинение принципов формирования элиты на каждом уровне общественно-политической и народнохозяйственной иерархии и в каждом хозяйственном укладе другому порядку, требующему другие, но особые человеческие качества, отличные от самоотверженности революционеро-романтиков. Рекрутировался этот слой из рабочих и крестьян, а также из городских мещан, знающих грамоту и сотрудничающих с новой властью. Потомственных рабочих среди них было не много, т.к. большинство из них погибло в Гражданской войне, и основная масса новых рабочих формировалась из бывших крестьян, призванных из деревни на грандиозные стройки века, но пока так и не избавившихся от крестьянской психологии. Это был прекрасный «социальный материал» для формирования и самореализации бюрократической буржуазии.

То обстоятельство, что у этой буржуазии не было идентификации себя в указанном качестве, ничего не меняет с точки зрения логики своей *самозащиты*. Поэтому были физически уничтожены или сломлены все, кто мог нести потенциальную угрозу существованию этого слоя: идеолог ленинского плана кооперации А. Чаянов, космополит Н.Д. Кондратьев, усомнившийся в эффективной реализуемости директивных планов, диалектик Э.В. Ильенков и многие-многие другие гениальные сыны советского и, прежде всего, российского народа.

Одновременно подспудно шел процесс все большего охвата существующих социально-экономических укладов страны бюрократическим укладом. Его разрушительному воздействию подвергались все еще слабые социалистические институты на всех укладных уровнях. Происходило подчинение их логики развития логике и содержательным характеристикам этого *приобретающего тотальность* хозяйственного (точнее — в силу большего следования форме, чем содержанию — *бесхо-*

зййственното) уклада. При этом по формальным признакам активно пропагандировалась коммунистическая идея, использовалась коммунистическая фразеология и шельмовались ревизионисты, империалисты и т.п.

Бесспорно, в то же самое время был самоотверженный труд большинства советских людей, уверенных в том, что они строят социализм. Благодаря этому титаническому напряжению сил были достигнуты фантастические результаты: выросли новые города, возведено и пущено в строй невероятное количество предприятий и других народнохозяйственных объектов, освоены для сельскохозяйственного использования территории, на которых одновременно могли бы разместиться десятки европейских стран. Страна из крестьянской, с анклавами индустриальных производств, превратилась в индустриальную державу с мощным космическим комплексом, передовой наукой, образованием. Трудно предположить те фантастические потенциальные возможности социализма, которые реализовались бы, не будь тотальных мелочных бюрократических регламентаций на уровнях всего и вся, запретов, погашения неисчислимых народных инициатив и того разрушительного воздействия, которое оказывал бюрократический капитал на весь уже реально подчиненный ему социум. Здесь *формальное подчинение социума бюрократическому капиталу сменилось реальным.*

Симптомами и индикаторами того, что в «социалистическом лагере» строится не социализм, а нечто другое, стали новочеркасские события в СССР в середине шестидесятых годов, венгерские события 1956 года, «Пражская весна» 1968 года и польские события, инициатором которых была «Солидарность», ставшие началом «каскада» так называемых «бархатных революций» в Восточной Европе.

Прежде, чем мы приступим к рассмотрению бюрократического капитала как своеобразного идеального феномена, благодаря чему становится возможно понять характер реального подчинения ему всего социума, необходимо остановиться на его объективной экономической основе. В силу относительной новизны вводимого в политэкономический и социально-философский оборот ключевого для понимания бюрократического капитала понятия «*власть-собственность*» корректным будет изобилие ссылок на авторов, разработавших и работавших с этим понятием.

Историческая антропология на примере обобщения большого историко-этнографического материала обосновывает, что структурная основа культуры как специфического способа жизнедеятельности человека в обществе складывается *на основе и при формировании эквивалентных отношений между людьми.* Это ее код. «Обмен дарами, — пишет Л.С. Васильев, — основа кодифицированной нормы поведения,

на базе которой со временем сложилась та система экспектаций с запретами и санкциями за их нарушение, которая жестко регулирует образ жизни индивида и общества»¹.

На первоначальных этапах социогенеза в качестве адаптивной формы к чуждой внешней среде в первобытнообщинных группах сформировалась система распределения благ, близкая к социалистической: от каждого — по способностям, каждому — по труду. «Будучи системой взаимных коммуникаций, группа на практике осуществляла ...принцип эквивалента. Суть его в том, что тот, кто приносит и дает больше, больше и получает. Экономический аспект проявления этого генерального принципа обозначен термином «реципрокность», что означает взаимообмен материальными благами, дарами, деятельностью и т.п.»².

На протяжении достаточно длительного периода человеческой истории господствует все тот же фундаментальный принцип эквивалента, но «древняя практика реципрокности трансформируется в специфическую систему перераспределения, редистрибуции... когда средства коллектива начинают скапливаться в одном месте и в одних руках, т.е. когда появляется и развивается практика централизованного их перераспределения»³. Важно при этом иметь в виду, что *полноправным собственником средств коллектива безоговорочно является сам коллектив*.

Коллектив назначает наиболее авторитетного своего представителя на рациональное и целесообразное использование излишков продукта, принадлежащего на правах члена общины каждому ее представителю и всему коллективу одновременно. *Авторитет*, послуживший его носителю в начале *причиной* для его выбора на престижное место распределения коллективного продукта, становится со временем *результатом* занятия этого престижного места. Как отмечает Л.С. Васильев, «базой социального возвышения служит не собственность, а право редистрибуции, т.е. распоряжение избыточным продуктом подчиненного данному лидеру коллектива»⁴.

Собственности как таковой на этом уровне социогенеза еще нет. То, что существует как общинная собственность, таковой в политэкономическом смысле не является. В синкретическом обществе, каковым являются общинные формирования древности, «понятие собственности

¹ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. М., 1983, с. 12.

² Там же, с. 15.

³ Там же, с. 17.

⁴ Там же, с. 21.

складывается сквозь призму представлений о функциях и прерогативах субъектов владения и власти. И возникает оно лишь в одной модификации — как собственность коллективная, на долю которой имеют право практически все»¹.

Понятия «*власть*» и понятие «*собственность*» в такой общественно-экономической модели представляют собой *цельность*, или, как пишет Л.С. Васильев, они «еще нерасчленимы, они представляют единый феномен, власть-собственность: власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти. Кто владел ресурсами коллектива – пахал, строил, организовывал, отвечал, заботился, руководил и т.п., - тот и был субъектом собственности. Естественно, что со временем все большая доля власти-собственности концентрировалась наверху, а верховное владение и власть, верховная собственность по мере обожествления сакрального связующего единства, вождя, становилась его атрибутом. Часть своей власти-собственности — с несколько ограниченными прерогативами — высший собственник делегировал вниз, на региональный уровень, а региональный вождь-администратор — на общинный»².

По мере усложнения общества «постепенно все определеннее кумулировавшаяся в верхах власть-собственность приобретала свое политэкономическое содержание: вчерашние распорядители, ведавшие редиистрибуцией коллективного достояния, все более явственно превращались в субъектов не только власти, но и собственности (пока еще власти-собственности – не частной) и в качестве таковых приобретали право на свою долю реализации этой собственности, фактически же — на весомую часть результатов труда земледельцев»³.

Использование понятия «*власть-собственность*», разработанного для азиатского способа производства, может показаться неправомерным для характеристики современного общества, по крайней мере, с двух позиций. Во-первых, канонический марксизм не использовал и не имел такого понятия, а потому это может показаться ересью. Во-вторых, автор предлагает идентифицировать общество, построенное в СССР, как азиатский способ производства, и это тоже может вызывать возражение.

По поводу первого следует сказать следующее. Разрабатывая формы, предшествующие капитализму, К. Маркс для характеристики собственности, характерной для азиатского способа производства, восточного деспотизма, использовал понятие «*верховная собственность*». Тем

¹ Там же, с. 42.

² Там же.

³ Там же, с. 43

самым локализовалось категориальное место такой формы собственности — в органах верховной власти. Власть и собственность фокусировались на уровне верховного правителя, восточного деспота, который и являлся полномочным собственником верховной власти как объекта собственности и распорядителем всей государственной собственности на правах полномочного властителя как объектом власти.

Сама себе правомерность использования понятия «власти-собственности» не представляется ересью для марксизма, работавшего с каждым из составляющих этого сложного понятия. Причем как собственность для политэкономии, так и власть для политологии являются ключевыми и базовыми категориями марксизма. Поэтому понятие «власть-собственность», по замечанию Л.С. Куббеля, есть логическое развитие мысли Ф. Энгельса о двух возможных путях классогенеза¹.

Что касается второго возражения, то здесь следует иметь в виду, что *азиатский способ производства* есть закономерный продукт и форма *аграрной цивилизации* (Варга, Никифоров, Васильев). В своем историческом развитии он проходит ряд свойственных ему стадий, отличающихся друг от друга достаточно заметно. Начиная с коллективного владения всем общественным достоянием той или иной социальной общности и символизируя через механизмы вначале реципрокности, а затем и ее такой модификации, как редистрибуции, углубление дифференциации социальных статусов внутри первобытной общины, феномен власть-собственность становится экономической основой этих процессов.

Азиатский способ производства начинает со стадии, когда, наряду с верховным представителем всей общины, в качестве основных владельцев своих общинных угодий оставались крестьяне-общинники. Далее на последующих стадиях по мере того, как «все большая доля власти-собственности концентрировалась наверху, а верховное владение и власть, верховная собственность по мере обожествления сакрального связующего единства, вождя, становились его атрибутом»², взаимоотношения между крестьянами-общинниками и сакральным вождем с его аппаратом изменялись. Они институционализировались, в т.ч. и введением и все более обязательным платежом доли своего продукта «в виде взноса, который имел отчетливую тенденцию становится не только достаточно весомым (обычно не менее десятины), но и регулярным. Взнос этот все более очевидно принимал облик ренты-налога. Налога — потому что взимался центром для нужд структуры в целом, для содер-

¹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988, с. 154.

² Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. М., 1983, с. 42.

жания непроизводительных слоев-страт, или производителей, занятых в неземледельческой сфере производства. Ренты — из-за того, что все определенное кумулировавшаяся в верхах власть-собственность приобретает свое политэкономическое содержание»¹.

Азиатский способ производства, вырастающий на почве *аграрной* цивилизации и соответствующего технологического способа производства, и бюрократический капитализм как определенность формы государственного капитализма, соответствующего *индустриальной* стадии его развития и частичному работнику, находящемуся в реальном подчинении труда капиталу, *формационно принадлежат разным эпохам* общественного развития. Несмотря на то, что обе модели общественно-экономического развития с точки зрения исторического места разделены целыми эпохами, сам по себе *государственный способ производства* (определение Л.С. Васильева), общий им обоим, имеет аналогичные черты генезиса и, соответственно, схожие механизмы функционирования. В этом также содержится эвристический потенциал. Знание указанных исторических форм позволяет прогнозировать вызревание в государственном способе производства определенных и закономерных тенденций, характерных для стадий его подъема, расцвета и разложения, независимо от материала, на котором он реализуется.

Прежде всего, пишет Л.С. Васильев, давший столь эвристически емкое и содержательное понятие, как «власть-собственность»², речь должна идти о такой крайне важной социальной и социально-экономической силе, как «тенденция к приватизации, в конечном счете приводящая к появлению и распространению частной собственности, частнопредпринимательской деятельности, к развитию товарно-денежных отношений, становлению рынка и т.п.»³. Приватизация в этом понимании не есть процесс *преобразования* государственной собственности в частную, хотя и это имело место, но не как генеральный принцип. Приватизация здесь означает рост частной собственности сам по себе, как таковой, независимо от источников ее формирования.

В то же время длительная первоначальная стадия развития общества такого типа происходит без приватизации вообще. Отправление общественных функций, делегированного контроля за распределением и использованием общественными ресурсами воспринималось само по себе как престижная обязанность. Как пишет Л.С. Васильев применительно к генезису государства на самых ранних этапах становления вообще этого института, но справедливость чего знакома советским людям и по

¹ Там же, с. 43.

² См.: там же, с. 40-49.

³ Там же, с. 53.

не столь далеким годам метаморфоз партийно-правительственных чиновников: «...причастность к власти-собственности ведет к постепенному превращению ее в нечто, имманентно присущее именно данному лицу — вначале как субъекту должности и высокого статуса, а затем и просто как субъекту, личности. Естественное стремление высокопоставленного ...сановника к приватизации еще не есть факт частной собственности — скорее стоит говорить о праве преимущественного и даже исключительного пользования непропорционально большей долей совокупного общественного продукта, ценным имуществом, услугами, почестями и т.п. Но это шаг к приватизации и шаг довольно значительный»¹. Однако лишь на следующих этапах вызывают предпосылки для приватизации.

Здесь следует выделить *два аспекта* этого процесса, каждый из которых характеризует содержание соответствующего этапа: приватизация *власти-собственности* и приватизация как процесс формирования и *становления частной собственности*, т.е. собственно приватизация в наиболее употребительном в настоящее время значении термина. Процессы эти разделены во времени и для вызревания второго необходимы соответствующие качественно иные условия. «Непотопляемая» номенклатура есть известная для советских людей характеристика первого процесса, когда носители власти-собственности приватизируют ее такие атрибуты, как связи, обязательства, отлаженные бюрократические механизмы реципрокности и редистрибуции, позволяющие им удерживаться у власти, даже если не справились с исполнением прежних властных полномочий; новые русские олигархи — наиболее очевидная персонифицированная форма проявления второго процесса.

Таким образом, процесс приватизации как формирование своего частного капитала за счет исполнения общественных функций становится возможным *лишь* на определенном этапе приватизации власти-собственности, встречая на ранних этапах *осуждение* со стороны представителей редистрибутивной элиты. Причем, модель «работает» в самые разные исторические эпохи схожим образом. На обобщенном историко-антропологическом материале Л.С. Васильев пишет: «рождавшуюся частную собственность встречала уже давно сложившаяся и весьма жесткая структура, которая привычно рассматривала несвязанные с властью-собственностью (или связанные с злоупотреблением ею) источники накопления богатств как приватные и в каком-то смысле незаконные, противоречащие норме и подрывающие интересы государства как централизованной структуры, экономическая основа которой

¹ Там же.

базируется на редистрибуции избыточного продукта, на гарантированности поступлений дохода в казну. И ситуация, когда даже часть такого дохода, минуя казну, попадает в частные руки, рассматривалась как угроза структуре. Отсюда – резкие выпады против стяжательства и стремления к усилению личного потребления, жесткий государственный контроль, строгая система государственного регулирования частного сектора¹.

Конституирующую, структурообразующую роль в таком государстве «с самого возникновения ранних политических структур и во многих случаях вплоть до сегодняшнего дня играла и играет власть-собственность. Именно она превращает государство как институт (или как систему институтов) в главный субъект экономических отношений. Государство (в лице правящих верхов, субъектов власти-собственности, осуществляющих административно-экономические, в частности организационную и редистрибутивную функции) выступает как участник совокупного производства общества, и поэтому построенные на такой основе социально-экономические отношения, отношения производства и распределения, главными контрагентами в которых выступают, с одной стороны, производительное податное население, а с другой – государственный аппарат, являются своего рода *государственным способом производства* (курсив Васильева Л.С.)» [2, с. 55-56]. Последний — не формационная характеристика, как, например, феодальный способ производства, а идентификация главенствующего субъекта производства, опосредующего все другие формы и способы производства, которые имеют место в том или ином обществе. Поэтому государственный способ производства может быть и в азиатском способе производства, где он был, по всей видимости, типичным, и при государственно-монополистическом капитализме, как в нацистской Германии, и при государственном (бюрократическом) капитализме, как это было в большинстве стран бывшего «социалистического» лагеря.

Система отношений, связанная с господством государственного способа производства, отмечает далее Л.С. Васильев, основана на власти-собственности и не обусловлена частной собственностью. «На определенном этапе развития общества тенденция к приватизации вела к появлению в недрах структуры, о которой идет речь, частной собственности и соответственно **частнособственнического способа производства** в некоторых его модификациях и проявлениях. ...Однако основой в рассматриваемой системе социальных связей продолжали оставаться генеральная связь «производитель - казна» и обусловленные именно

¹ Там же, с. 55.

этой связью производственные отношения»¹. Конституирующим отношением для всей системы этих производственных отношений остается власть-собственность, обуславливающая весь комплекс общественных отношений. Субъектом этих производственных отношений является государство, образующее с господствующим классом единое целое – *государство-класс*, по определению М. Чешкова².

Интерес представляет то обстоятельство, что вышеуказанная вторая форма бюрократической приватизации в настоящее время все более и более характерна и для бюрократии современных стран-лидеров либерального лагеря³, к объединению с которыми в одну семью цивилизованных государств так стремится демократическая элита России. Вот что пишет, критикуя рыночный фундаментализм, всемирно известный бизнесмен, филантроп и общественный деятель Дж. Сорос: «Противоречие между личными и общественными интересами политиков, конечно же, существовало всегда, но оно было значительно усилено господствующими позициями, которые ставят успех, измеряемый деньгами, выше таких подлинных ценностей, как честность. Таким образом, процесс коллективного принятия решений рефлексивным образом усилил мотив получения личной прибыли и падение общественной эффективности. Превращение корысти и эгоизма в моральный принцип коррумпировало политику, и неспособность политики стала самым сильным аргументом в пользу пре-

доставления рынкам ее большей свободы»⁴. При этом власть и собственность в целом в этих странах разделена, и феномен власть-собственность пока складывается лишь в тех секторах, где имеет место использование коллективной формы частной собственности (корпорации, государство, муниципалитеты, профсоюзы и другие общественные организации). Однако эта тенденция упрочивается, и корпоратизация становится *транснациональной*. Кроме того, усиление тенденции к *тотальности* коррупции показывает, что здесь Россия уже освоила «мировые стандарты».

В то же время прогностическая функция вводимых понятий этим не ограничивается. Интерес для представителей всего спектра политических сил, имеющих в таких странах, представляет следующее эмпирическое обобщение. История ряда государств, *где сложился фено-*

¹ Там же, с. 56.

² Там же, с. 288, примечание 22.

³ См.: Плетников Ю.К. Будущее – социализм: новые черты современной эпохи. М., 2000.

⁴ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности. М., 1999, С. XXII-XXIII.

мен власти-собственности, показывает, что процесс разделения его на власть и собственность по уровням национальной общественно-политической и социально-экономической системы, как это характерно для современных европейских демократий на данном этапе их развития, как правило, генетически не заложен. Имеющиеся исключения из правил доказывают это правило.

Государство развитого бюрократического капитализма, в какой бы стране оно не появлялось, *всегда стремится к ограничению частного сектора* в национальной экономике, упорядочению деятельности предпринимательских структур, позволяющему государственному аппарату в центре и на местах быть необходимым элементом экономического миропорядка в национальных масштабах. Это упорядочение осуществляется в разных формах «путем контроля над ним, sporadических конфискаций имущества чрезмерно разбогатевших и т.п.»¹. Важно отметить следующее обстоятельство, что, будучи фактором, препятствующим генерализации частнособственнического способа производства, государство одновременно выступает и «гарантом существования и процветания частного сектора в допущенных пределах»². Если государство в силу колебаний политической или экономической конъюнктуры слабело, — пишет Л.С. Васильев, — «...и период процветания сменялся эпохой кризиса и дезинтеграции, едва ли не более всего страдал именно частный сектор. И напротив, когда кризис бывал преодолен, и государство вновь становилось сильным, частный сектор опять получал возможность для своего расцвета, но снова лишь в тех пределах, которые допускались»³. Иными словами *в бюрократическом государстве частная собственность не могла и не может стать конституирующей и структурообразующей*, хотя порой и могла и может «достигать определенных успехов. Структурообразующую роль в нем с самого возникновения ...вплоть до настоящего времени играет власть-собственность»⁴.

Ни у кого не вызывает сомнений утверждение, что частная собственность на стадии домонополистического капитализма и по форме и по содержанию существенно отличается от частной собственности на стадии государственно-монополистического капитализма. Причем это — в рамках одной общественно-экономической формации. Аналогичным образом и власть-собственность на индустриальной стадии обще-

¹ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. М., 1983, с. 55.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 56.

ственно-экономического развития *принципиально отличается* от феномена власти-собственности на заре становления государства и классогенеза. Первая в «снятом», в «свернутом» виде содержит в себе всю мощь индустриальной организации производства с подчиненными ему сельским хозяйством, строительством, транспортом, сектором разнообразных услуг. *Бюрократический капитал*, вырастающий на власти-собственности на индустриальной стадии, *как таковой* отсутствует в полноте своих определений на доиндустриальных стадиях общественного производства (в тех из них, которые также характеризуются наличием власти-собственности: абсолютизм, например, при феодализме, или классический азиатский способ производства). По своей способности регулировать движение материально-финансовых ресурсов, получая за это так называемую бюрократическую ренту, по механизму действия бюрократический капитал схож с холдинговой материнской компанией, распоряжающейся активами дочерних и внучатых компаний как своими собственными.

Капитал как стоимостная форма организации и развития производительных сил есть идеальный феномен¹. Но идеальный не в смысле соответствия идеалу, а в философско-понятийном значении термина. Это было очевидно и для К. Маркса, и для Э.В. Ильенкова. В этом смысле бюрократический капитал не только тоже, но и в еще большей степени есть идеальный феномен. Идеальный еще в большей степени, поскольку по своей форме он имеет практически виртуальный характер: организационные силы как идеальный феномен *со стороны власти* активизируют производительные силы также, как идеальный феномен *со стороны собственности*. Его сущность как капитала реализуется в том, что власть-собственность на стадии индустриального развития со сложными организационными структурами, обладает уникальными возможностями стратифицированной по уровням и по секторам бюрократической буржуазии распоряжаться с пользой для себя колоссальными потоками финансовых и материальных ресурсов. В пик своего расцвета она фактически распоряжалась и определяла движение и трудовых ресурсов в стране, включая и движение рабочего класса, и неинкорпорированной в себя интеллигенции, не говоря уже о сельском населении, «приписанным» к своим хозяйствам.

Отличие бюрократического капитала от его производительных форм (промышленного, аграрного и т.п.) прежде всего в том, что первый зиждется на использовании *производительных сил*, второй — на использовании *организационных сил* человека. И та и другая силы —

¹ См.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 255

феномены идеального порядка, поскольку представляют собой формы деятельности вне самой деятельности, т.е. формы деятельности до ее актуализации. Если *производительная сила* как таковая есть *потенциальная способность человека*, базирующаяся на целесообразном использовании природных возможностей реального предмета в соответствии с логикой его движения и закономерностями их реализации, то *организационная сила* есть *способность человека* целесообразно использовать силы определенным образом структурированного коллектива и организационные возможности людей и их коллективов в соответствии с их логикой движения для реализации своих заданных целей. И первая, и вторая как способности *идеальны*. Это форма деятельности, но еще *вне* этой деятельности, идеально до нее существующая либо в функциональном устройстве тех или иных средств производства (как это имеет место с производительными силами), либо как обусловленная и регламентированная институционализированным порядком (например, организационная структура) соответствующая организационная деятельность (как это имеет место в организационных силах человека).

Кроме того, есть еще определенный «пласт» идеального плана. Представленность своим бытием чего-то другого, а не самого себя, т.е. то, что Э.В. Ильенков определял как идеальное, способствовало упрочению нового классового порядка и на уровне территориальных властных структур. Территориальные комитеты партии как символы единства и мощи всей партии, которая, в свою очередь, была символом единства всего советского народа и его мощи, включая его карательные органы, также становились носителями делегированной им «в явочном порядке» власти-собственности, несколько «урезанной» в соответствии с уровнем иерархии. На соответствующем локальном уровне они монополизировали право распоряжения общественными ресурсами. По существу сама принадлежность к партийному аппарату обусловила постепенное превращение «верховой власти в данном общественном организме в своего рода корпоративную собственность такой группы, и процесс этот повторял на локальном уровне диалектику классов- и политогенеза в целом»¹. Сказанное Л.С. Куббелем по другому поводу и применительно к принципиально другим общественно-историческим условиям, будучи характеристикой экстенсивного развития феномена власти-собственности как своеобразного механизма, применимо и для рассматриваемого случая, когда на определенном общественно-историческом «витке» социально-политического развития возникла

¹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988, с. 99.

среда для появления и развития этого, казалось бы, хранящегося в «архиве истории» политико-экономического инструмента.

Логически историческое место бюрократического капитализма как видового модуса государственного капитализма (империализма) есть завершение государственно-монополистического капитализма как его форма. Это та ступень, между которой, как говорил В.И. Ленин, характеризуя империализм, и социализмом больше ступенек нет. Ужасы Хаксли и Оруэлла, по Э.В. Ильенкову, есть модель закономерного генезиса частнокапиталистической формы собственности¹. Теперь видно, что он был прав и в этом. Формы «зари» такого общества уже проявляются в революции менеджеров, развитии технократии или технотруктуры Дж. Гелбрейта, реализующей свои интересы зачастую вопреки интересам акционеров-собственников. Однако их будущее показано нами.

Реальность исторического процесса обусловила ситуацию, при которой сложились обстоятельства, позволившие странам, не входящими в число передовых, обогнать в построении бюрократического капитализма — в этом историческом «беге» — индустриально развитые страны. Бюрократический капитал как конституирующий принцип реальной и уже реализовавшейся в мировой практике общественно-политической и, соответственно, социально-экономической модели той или иной страны своим генетическим источником имел два всемирно-исторических события. Первое — это социалистическая революция, сформировавшая модель власти-собственности на базе *национализированной формально обобществленной* экономической системы. Второе — это национально-освободительное движение, национализировавшее в той или иной стране имущество и предприятия изгнанной компрадорской буржуазии и сделавшее из нее государственный сектор, а значит — распоряжение общественными ресурсами. Иными словами, и во втором случае также имеет место открывшееся поле для формальной плановости, которое государство не в состоянии «заполнить» реальными механизмами взаимозависимой системы хозяйственных связей и отношений.

В то же время, бюрократический капитал, в какой бы стране он не реализовался, не есть твердая конструкция, не подлежащая никаким изменениям. Власть-собственность, являющаяся его конституирующим признаком и принципом построения, подвержена борьбе внутренних группировок, борющихся за приватизацию власти-собственности, ее сегментов. Развал бывшего СССР есть иллюстрация того, что «сполза-

¹ См.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 165.

ние» власти-собственности с уровня централизованного народнохозяйственного управления на государственно-территориальный уровень бывших союзных республик не является абстракцией, а суть реальный процесс, несущий в себе значительный негативный заряд. Вакханалия насилия в ряде регионов бывшего Советского Союза, принявшая форму национально-этнического размежевания, есть иллюстрация как глубины «соскальзывания», провала власти-собственности, так и тех сил, которые могут для этого использоваться. Кроме всего прочего, это и демонстрация издержек формально осуществляемой работы по коммунистическому интернациональному воспитанию в отдельно взятых регионах. Распад ЧССР и СФРЮ представляет собой результат тех же процессов «сползания» власти-собственности на уровень руководства ее союзных республик.

Приведенные аргументы позволяют точнее идентифицировать общество, построенное в СССР, и, исходя из этого, корректнее представлять угрозы, имманентно содержащиеся в его трансформации на последующих этапах. При этом его формационная природа осталась прежней. Качественная трансформация общества заключалась в принципах распределения и перераспределения (редистрибуции) прибавочного продукта. Определенная его часть в доперестроечном обществе через общественные фонды потребления (как форма бюрократической реципрокности) поступала на реализацию социальных гарантий населению в бесплатном образовании, медицинском обслуживании, льготах по коммунальному обслуживанию и т.п. Основная часть сферы редистрибуции сосредоточивалась наверху как форма реализации власти-собственности. Континуум бюрократического капитализма в его форме *номенклатурно-корпоративного капитализма*¹ на всех уровнях народнохозяйственной иерархии с «анклавами социализма» в виде общественных фондов потребления и механизмов их реализации — вот модель, просуществовавшая до постперестроечного периода.

Важным представляется то обстоятельство, что, в качестве объективного процесса, приватизация власти-собственности как экономической основы становления и функционирования бюрократической буржуазии поначалу может осуществляться не в персонифицированной тем или иным государственным чиновником форме, а в форме *институциональной приватизации*, или лучше – *разгосударствления*, как это имело место в форме ведомственности и местничества. В явочном порядке происходит приватизация власти-собственности, сконцентрированной на самом верхнем уровне государственного народнохозяйст-

¹ См.: Бузгалин А.В. Экономика переходного периода. М., 1995. С. 97.

венного управления, крупными ведомствами-органами государственного хозяйственного управления.

Представляет эвристический интерес следующее эмпирическое обобщение. Формирование бюрократического капитализма в России (да и во всем СССР и странах так называемого социалистического лагеря) не было исторически закономерным и последовательным этапом обобществления собственности в рамках тотальной частной собственности. Это значит, что не имел места переход государственно-монополистического капитализма в государственный капитализм с соответствующим превращением монополистических частно-капиталистических корпораций в государственно-капиталистические. В то же время сконцентрированная на верхнем уровне власть-собственность стала «соскальзывать» в процессе ее приватизации по «контурам» ведомственных структур, *как если бы* она была их интеграцией.

Будучи логически закономерным следствием обобществления в форме слияния корпоративных «островков» частной собственности, исторически при другом предыдущем своем генезисе перераспределение бюрократического капитала как тотальности происходит, видимо, в обратной последовательности. Поскольку, благодаря тотальному государственному национальным производительных сил, сформировались ведомственные корпоративные структуры типа Народных отраслевых комиссариатов, то процесс приватизации власти-собственности начал осуществляться поначалу как процесс разгосударствления, корпоративизации, принявший формы ведомственности и местничества. Последние были неистребимы на протяжении всей советской истории, кроме, пожалуй, только периода Великой Отечественной войны. Впрочем, бюрократические приписки, как показал В. Селюнин¹, были и в этот период.

Ведомственность с ее разрушительным воздействием на экономное и рачительное использование национальных ресурсов стала притчей во языцех на протяжении практически всего существования «социализма» в СССР. Однако государство не могло ничего сделать для ее преодоления. Для реализации рациональных с народнохозяйственных позиций планов, межведомственных по характеру, для ликвидации параллелизма и дублирования, преодоления ведомственных барьеров необходимы были специальные решения КПСС, но зачастую и они не обеспечивали успеха. Переход на систему совнархозов как примат территориального принципа планирования и управления, сохранив ведомственность, породил еще большее местничество.

¹ См.: Селюнин В. «Лукавые» цифры // Новый мир, 1979, № 10.

Ведомственность и местничество стали индикаторами того, что *общественная собственность на средства производства была фикцией*. Это свидетельствовало о том, что сформировались своеобразные субъекты присвоения власти-собственности, «сползшей», «соскользнувшей» с верхнего уровня народнохозяйственного управления. Эти субъекты присвоения власти-собственности образовались по собственной логике развития как субъекты общехозяйственной деятельности в сфере своей компетенции надындивидуальной природы, но, тем не менее, способствующие самореализации тех бюрократических слоев, которые трансформировались по логике событий в бюрократическую буржуазию.

Дело в том, что, даже будучи ведомствами строго отраслевой принадлежности, отраслевые ведомства, обосновывая, как это принято в бюрократическом обществе (выдавая государственные интересы за ведомственные для того, чтобы затем свои ведомственные интересы выдавать за государственные), необходимость концентрации усилий на безусловном выполнении планов, создавали в своих рамках практически многоотраслевые диверсифицированные хозяйственные комплексы, куда входили не только торговля (управления или отделы рабочего снабжения), общепит, рекреационная и жилищно-коммунальная база, но и собственные подрядные строительные и ремонтные организации, кузнечные и прессовые цеха и т.п. Такие комплексы создавали инфраструктуру мини-государств, обеспечивающую всем необходимым жизнедеятельность ведомства и его управленцев практически всех уровней.

В этом одна из важнейших сложностей для идентификации бюрократической буржуазии и ее самоидентификации как таковой, потому что здесь, на этом этапе приватизации власти-собственности, бюрократическая буржуазия еще *безлична* и представляет собой составную часть корпоративного (коллективного) субъекта присвоения власти-собственности. Она еще не индивидуализирована, поскольку субъектом действия остается еще *корпоративный субъект* (ведомство или определенное административно-территориальное образование) с корпоративной частной собственностью на те или иные государственные функции и объекты.

Далее в соответствии с логикой государственного способа производства на определенном этапе его функционирования происходит приватизация функций власти, пригодных для получения бюрократической ренты уже на *индивидуальном* уровне. Этот период расцветает в так называемое «застойное время» и приобретает характер *тотальности* в демократический период реформ.

Данный экскурс необходим, чтобы показать объективную угрозу целостности России, закономерно свойственную бюрократическому

государству. Нельзя успокаиваться на том, что на данном этапе развития России удалось предотвратить «сползание» власти-собственности на уровень субъектов Федерации, как это произошло с бывшими союзными республиками, что и предопределило распад СССР. Удалось удержать «конституционные» предпосылки распада страны приведением конституций субъектов Федерации в единство с федеральной Конституцией России и организацией федеральных округов.

Но сформированные федеральные округа по той же логике формационного развития бюрократического капитализма могут объективно стать теми субъектами присвоения власти-собственности, которые могут расколоть Россию по контурам своих границ. Пример бюрократической корпоратизации экономики СССР, рассмотренный выше, поучителен в том плане, что процесс этот складывается «подспудно», без объявления войны целостности страны и ее экономики. Кадровое наполнение соответствующего качества происходит несколько позже.

Процесс развития бюрократического капитала еще далеко не завершен, поэтому еще сохраняется опасность дальнейшего раскола страны по национально-этническим и русскоязычным самостийным территориальным образованиям, претендующим на свою государственность, вопреки федеральной Конституции. Президентские округа, став на нынешнем этапе барьером для дальнейшего распада России, сами несут в себе угрозу и контуры будущих «трещин» государственности по мере того, как этим институтом будет приватизирована власть-собственность. При этом рациональные соображения – фикция, т.к. достаточно много «доброжелателей», не только обещающих финансовую поддержку и признание соответствующей бюрократической буржуазии в так называемом демократическом мире, но и тех, кто на первых этапах будет и платить, формируя свои механизмы получения денег, как это удалось организовать в Чечне, наладившей криминальный бизнес. Что это может привести к актуализации самых низменных и первобытных страстей, показал многострадальный постсоветский период почти на всей территории бывшего СССР. Этническая самоидентификация как единственный в условиях ухудшающегося положения вещей для многих регионов бывшего многонационального Союза стабильный комплекс «рамочных условий» общественно-психологической нормализации несет в себе целый комплекс сюрреалистических сюрпризов.

Как и подобает для бюрократического государства, история предоставила *формальный шанс* вернуться к переходному периоду к социализму в годы перестройки. Не будучи разрешенным до конца в переходный период, сохраняет свое действие ключевое для индустриальной стадии капитализма противоречие между творческим характером

работника и реальным подчинением труда капиталу. Попытка разрешить это противоречие в годы Перестройки созданием советов трудовых коллективов на предприятиях, выборностью директоров и другими формами активизации творческих возможностей «частичных» работников, технологически включенных в процесс производственного функционирования в качестве частей этих технологических цепочек, не удалась. «Если внутри производства индивид по-прежнему остается еще «деталью частичной машины», т.е. профессионально ограниченным частичным работником, — писал Э.В. Ильенков, — то общественная собственность остается для него общественной лишь формально»¹.

В этой связи существенно понимание Э.В. Ильенковым необходимости разграничения тех сфер, где сформировалась *реальная планомерность*, и тех секторов экономики, в которых господствовала *формальная планомерность*. С этих позиций закономерным представляется то, что последние секторы, в которых и в советское время обращался теневой и криминальный капитал, с переходом на рыночные «рельсы» не стали «светлыми», они по-прежнему являются вотчиной криминальной буржуазии и теневых «денежных мешков». Более того, эти секторы стали тотальностью, показав, *в чьих интересах* был инициирован и осуществлен переход к рыночной экономике. Формальная планомерность, оставив целые «поля» неподконтрольного обществу перераспределения, обмена и потребления, а затем и производства, стала почвой для расцвета *криминальной буржуазии*, добившейся почти на всей территории бывшей великой державы тандема с *бюрократической буржуазией*², образовав качественно новое общество, какое мы имеем сейчас. Перспективы такого общества — не в русле научно-технологических прорывов на мировом рынке.

Вот почему целенаправленное формирование тесных хозяйственных взаимосвязей всех регионов страны между собой, независимо от границ федеральных округов, на основе комплексной переработки сырьевых ресурсов до конечной продукции с высокой добавленной стоимостью становится стратегической задачей обеспечения целостности государства. Одновременно это выступает как конструирование основ реальной планомерности, о которой говорил Э.В. Ильенков.

¹ Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991, с. 151.

² Бузгалин А.В. *Экономика переходного периода*. М., 1995, с. 97.

В.В. Пшенников – ст.

Многоукладность и современный социализм

Раскрыть заявленную тему в русле идей Э.В. Ильенкова — значит дать ответ на следующие вопросы: как понимал Э.В. Ильенков современный ему социализм, какие его противоречия считал основными и в чем видел их разрешение, какой метод исследования при этом использовал и каким образом применить этот метод в нынешних условиях?

В работе С.Н. Мареева «Э.В. Ильенков о социализме» достаточно полно и точно изложена позиция Э.В. Ильенкова в отношении того, что представляет собой, по терминологии К. Маркса, «грубый коммунизм» в теоретическом отношении, каковы предпосылки его возникновения и каким оказалось «то сцепление «исторических случайностей», которое стало исторической необходимостью рождения сталинизма» как одной из разновидностей «грубого коммунизма»¹.

В понимании Э.В. Ильенкова, как и в понимании К. Маркса, такой коммунизм — не идеал, а действительное движение, уничтожающее основанное на господстве частной собственности состояние общества. Так, в письме к Ю.А. Жданову от 18.1.68 Э.В. Ильенков пишет, что он

¹ Мареев С.Н. Э.В. Ильенков о социализме // «...изм», 2000, № 3, с. 53-60.

«привык представлять себе нынешнюю полосу» «как фазу на пути от формального «обобществления» — к реальному, до которого, увы, видимо, еще далековато. Печально, однако, то, что во всем этом движении мало ясного теоретического понимания и слишком много фразы, много демагогии, отчего процесс и протекает так мучительно и с такими издержками, которые едва ли превышают выгоды от формального обобществления...»¹.

«Видимо, — делает вывод Э.В. Ильенков, — иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени «реальностью», кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет»². Опубликованные до настоящего времени работы Э.В. Ильенкова не дают никаких оснований трактовать эту фразу в либеральном духе для оправдания того, что происходит в российском обществе со второй половины 80-х годов. Более того, в этом же письме несколькими строками ниже у Э.В. Ильенкова есть прямое указание на то, в каком направлении следует искать решение этой проблемы: «Формально обобществить можно ведь с пользой только то, что уже реально для этого созрело. Иначе из этого выйдет только вред и издевательство, застой. Особенно при нынешнем состоянии теоретического разума. Не надо заглаживать больше, чем способен переварить желудок. Эту истину мы слишком часто забывали, оставшись без Ленина»³.

В приведенных фрагментах дважды подчеркнута связь характера процессов обобществления с состоянием теории и отмечено, что ответ на вопрос о мере обобществления следует искать у В.И. Ленина. Привести эти слова Э.В. Ильенкова представляется нелишним хотя бы потому, что сегодня интерес к опыту и идеям В.И. Ленина растет, но растет односторонне: как к политику-практику, но не как к теоретику.

Так, директор Института проблем глобализации М.Г. Делягин, один из наиболее талантливых на сегодняшний день экономистов и публицистов, пишет: «Давайте вспомним, в чем состояла гениальность В.И. Ленина не как мыслителя и теоретика (что достаточно спорно), а именно как признанного практика политического управления. Ответ прост: в том, что он...инициировал саморазвивающиеся процессы. «Мир – народам, земля – крестьянам, хлеб – голодным!», — а дальше все пошло само, как в «Дубинушке», и большевикам оставалось только удерживаться на гребне волны и рулить по мере способностей»⁴.

¹ Э.В. Ильенков: Личность и творчество. М., 1999, с. 258.

² Там же, с. 259.

³ Там же.

⁴ Делягин М.Г. Идеология возрождения. Как мы уйдем из нищеты и маразма. М., 2000, с. 18.

Между тем, либеральные российские реформаторы конца 80-х - начала 90-х годов тоже ведь просто «инициировали саморазвивающиеся процессы»: «Долой привилегии!», «Разрешено все, что не запрещено!», «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить!». Только итог для страны получился другой: большевикам удалось после мировой и гражданской войн восстановить и поднять экономику, а то, куда все это «пошло само» в результате усилий нынешних реформаторов, сам М.Г. Делягин вслед за А.А. Зиновьевым называет «катастрофической». Таким образом, М.Г. Делягину, для того, чтобы раскрыть секрет гениальности В.И. Ленина как практика, осталось сделать только один шаг: установить, почему ему удавалось инициировать нужные «саморазвивающиеся процессы» в нужном для общества направлении, а российским реформаторам это не удается. Но он этот шаг не делает.

Эмпириком представляется В.И. Ленин и Ф.Т. Михайлову. Последний в своей статье «Фантазия – главная сила души человека» пишет, что уже «в свое время» и он сам и «все его друзья-философы... отлично понимали, что и базовые для «Материализма и эмпириокритицизма» идеи, и большинство как раз широко цитируемых афоризмов из «Философских тетрадей» – проявление стихийного тяготения их автора к эмпиристской традиции...»¹. Ф.Т. Михайлов благоразумно не называет своих «друзей-философов» поименно, поскольку тогда стало бы ясно, что Э.В. Ильенкова среди этих «друзей» не было. Основанием для такого нашего вывода может служить работа Э.В. Ильенкова «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», в которой базовые идеи именно «Материализма и эмпириокритицизма» противопоставляются эмпиризму и «эмпиристской традиции». И для того, чтобы доказать свое утверждение о «стихийном тяготении» В.И. Ленина к эмпиризму, Ф.Т. Михайлову неизбежно придется оспаривать не только В.И. Ленина, но и Э.В. Ильенкова.

Впрочем, тезис о В.И. Ленине как гениальном практике и никудышном теоретике, был опровергнут Д. Лукачем в написанной им еще в 1924 году книге «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей»². В написанном в 1967 году «Послесловии» Д. Лукач четко формулирует мысль, являющуюся лейтмотивом всей книги: «Его (В.И. Ленина – В.П.) так называемая «реальная политика» никогда не была действиями практика-эмпирика, а, напротив, представляла собой возвышение до уровня практики теоретической в своей сущности позиции, которая неизменно достигала у него своего апогея в точном пони-

¹ Э.В. Ильенков: личность и творчество. М., 1999, с. 40.

² См.: Лукач Г. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей (пер. с нем.). М., 1990.

мании общественно-исторической конкретности той ситуации, в которой приходилось действовать»¹.

Оборотная сторона такого «возвышения теории до уровня практики» — развитие самого диалектического метода. «...поскольку диалектика это не готовая теория, которую можно механически прикладывать к явлениям жизни, поскольку она существует как теория только в этом применении и посредством этого применения, диалектический метод вышел из практики Ленина расширенным, более полным по содержанию и более развитым теоретически, чем Ленин воспринял его из наследия Маркса и Энгельса»².

Каким же образом применение метода приводит к его развитию?

Ключ к ответу на этот вопрос содержит, на наш взгляд, описанный Э.В. Ильенковым процесс развития понятий, который осуществляется не иначе, как посредством их применения к анализу эмпирических фактов. «Анализ фактов с помощью понятий и предстает как единственно возможный способ конкретизации понятий... В этом, — отмечает Э.В. Ильенков, — и заключается реальный смысл способа «восхождения от абстрактного к конкретному»³ С позиций такой трактовки развития понятий и способа восхождения от абстрактного к конкретному трансформация социализма, произошедшая после того, как Э.В. Ильенкова не стало, выглядит так.

«Признание прав товарно-денежных отношений», о котором писал Э.В. Ильенков, состоялось, но состоялось по-разному в разных странах, в частности, в России и в Китае. Основное различие касается не самого факта многообразия форм собственности, которое является необходимым атрибутом товарно-денежных отношений, а то, какую роль играет государство в регулировании этого многообразия: сумело ли оно обеспечить развитие этого многообразия в интересах всего общества или же оно служит лишь средством удовлетворения частных интересов за счет общества. В свою очередь, тот или иной вариант государственной политики определяется уровнем теоретического понимания ситуации и зрелостью политических сил, способных это теоретическое понимание реализовать на практике.

В России реализация, начиная с 1992 года, либеральной доктрины означала не что иное, как предоставление предприятий различных форм собственности, размеров и т.д. самим себе. Следствием чего явилась не конкуренция на равных, которую в качестве цели преобразова-

¹ Там же, с. 134.

² Там же, с. 129.

³ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997, с. 223.

ний провозглашали реформаторы, а господство монополистов и сильнейших, осуществляемое как непосредственно, экономически — через установление в самых различных формах своего диктата на рынке, так и опосредованно, политически — через государственные структуры.

Проблема, разумеется, не в самом этом господстве, а в ином. Во-первых, в том, что осуществлялось оно исключительно в интересах очень маленькой группы собственников крупнейших компаний, которых (собственников) в обиходе именуют олигархами. Но это еще полбеды. В конце концов, олигархи тоже вправе иметь собственные интересы. Во-вторых, это господство основывалось не на создании новых продуктов и новых возможностей, не на рациональном использовании и развитии ресурсов, а на «вычерпывании» ранее созданных возможностей и ресурсов и ограничении доступа к ним всем остальным. Вряд ли является случайным то обстоятельство, что улучшение состояния дел в российской экономике, как правило, совпадало с предпринимавшимися несколько раз попытками государства ограничить влияние олигархов.

Расхождение декларируемой цели российских реформаторов с фактически полученным результатом можно объяснить, если, конечно, отбросить слабо обоснованную версию об их неискренности, только одним — изначальным восприятием хозяйствующих субъектов как равноправных и одинаково сильных, которым достаточно предоставить экономическую свободу и равные права для того, чтобы заработали рыночные механизмы. Такое восприятие реальности оказалось ложным.

Развитие событий в Китае отличалось, по большому счету, одним, но как раз самым существенным моментом — государственной политикой, препятствующей использованию власти в ущерб обществу. «Упирая на многообразное развитие форм собственности, экономических форм, и форм организации хозяйствования, — отмечал кандидат в члены ЦК КПК, вице-президент Академии общественных наук Китая Лю Гогуан, — мы исходим из необходимости отстаивать принцип главенствующей роли общественной собственности и боремся против злоупотребления властью в целях личной наживы. Если не уходить с таких исходных позиций, то не подвергнется трансформации и социалистический курс»¹.

Лучшей характеристикой теории являются полученные на основе ее применения практические результаты.

«Впечатляющий экономический рост», «темпы роста, которых не было почти 30 лет» — в таких выражениях оценил президент РФ В. Путин в своем Послании Федеральному собранию от 3 апреля

¹ См.: КНР на путях реформ (теория и практика). М., 1989, с. 13.

2001 г. итоги развития российской экономики в 2000 г., не назвав, впрочем, при этом конкретных цифр¹. Видимо, он имел ввиду рост ВВП в 2000 г. на 7% по отношению к 1999 г. Правда, президент РФ отметил, что условия, обеспечивающие устойчивость экономического роста, к сожалению, не созданы (там же, с. 5). Как достижение им был отмечен тот факт, что «за сколько лет люди, наконец, вовремя начали получать заработную плату и пенсии»².

Действительно, если сравнивать итоги развития российской экономики за 2000 год с результатами ее функционирования в прошлые годы, то они, бесспорно, впечатляющи. Но оценка этих итогов будет совсем иной, если их сопоставить с соответствующими показателями китайской экономики.

За период 1979-1998 гг. в КНР среднегодовой прирост валового внутреннего продукта (ВВП) составил 9,8%, среднегодовой прирост дохода на душу населения без учета ценового фактора составил в городе 6,2%, на селе — 5,5%³.

Примерно таково же соотношение отдельных аспектов экономического развития России и Китая и по другим показателям.

Так, по данным ежегодного опроса топ-менеджеров крупнейших компаний мира, проведенного консалтинговой фирмой А.Т. Kearney (его результаты были опубликованы в начале 2001 г.), инвестиционная привлекательность России за истекший год существенно возросла. В рейтинге стран, где топ-менеджеры готовы создавать свои предприятия или приобретать бизнес в перспективе от одного года до трех лет, Россия переместилась с 49-й позиции на 32-ю. Это — несомненный успех, если, конечно, игнорировать тот факт, что Китай занимает в этом рейтинге 2-ю строчку, сразу после США (см. «Ведомости», от 14 февраля 2001 г.).

Рекордное положительное сальдо торгового баланса России (\$46,3 млрд.) — тоже выдающееся достижение. Правда, при этом следует иметь ввиду, что главная составляющая этого достижения — рекордные цены на продукцию российского экспорта, которые выросли в 1,5 раза. Физический же объем экспорта увеличился всего на 5% (см. «Ведомости», от 3 апреля 2001 г.). Причем, как известно, около 80% российского экспорта составляют энергоносители.

КНР также в течение многих лет имеет положительное сальдо торгового баланса. Однако доля энергоносителей в нем — всего около 15%.

¹ Цит. по: текст Послания на сайте www.strana.ru, с. 1,5.

² Там же, С.1.

³ См.: Ли Теин. Теория и практика экономических реформ в КНР. М., 2000, С.63.

Ведущие же статьи китайского экспорта — продукция машиностроения и электронной промышленности, за ними следуют одежда и текстиль¹.

Продолжение сопоставления показателей экономического развития России и Китая не изменит в своих существенных чертах картины, сложившейся на основе приведенных выше данных.

Разработанная Коммунистической партией Китая политика оказалась успешной прежде всего потому, что она базировалась на глубокой и обстоятельной теоретической проработке проблем перехода от формального обобществления к реальному. Это очевидно для специалистов, всерьез изучающих китайский феномен. Так, доктор экономических наук А.В. Островский в предисловии к уже упомянутой книге Ли Теин абсолютно справедливо отмечает, что «главной отличительной чертой, китайского опыта, отличающегося от российского, является серьезная теоретическая проработка с учетом зарубежного опыта»².

Между тем теория переходных процессов, подобных тому, который переживает современная Россия, не является «тайной за семью печатями». Это — теория многоукладности, разработанная В.И. Лениным (Вопрос о теории многоукладности как главном теоретическом открытии В.И. Ленина подробно рассмотрен в книге С. Платонова)³.

Применение этой теории и, соответственно, развитие понятия «многоукладности» не ограничивается 20-ми годами XX века в России. Хотя и без ссылок на В.И. Ленина, помимо Китая ее применила, явно не без успеха, Япония после второй мировой войны. Правда, при описании опыта этой страны вместо термина «многоукладность» употребляется термин «плюралистическая система»⁴. Однако и то и другое означает по сути дела одно и то же: выявление реально существующих укладов, секторов в национальной экономике и выработка такой государственной политики, которая обеспечивает взаимодействие этих укладов, секторов между собой на рыночных и конкурентных началах в интересах общества в целом.

Принципиальное отличие концепции многоукладности российской экономики 20-х годов от плюралистической системы в Японии состоит в том, что последняя не ограничивалась государственным уровнем, а распространялась и на уровень фирм. Это позволяло руководителям

¹ См.: Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999, с. 325.

² Там же, с. 11.

³ См.: Платонов С. После коммунизма / Книга не предназначенная для печати / Предисл. В. Аксенова и др. - 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы. М., 1991, с. 192- 217.

⁴ См.: Цуцуми С. К рыночной экономике советского образца. / «Японское чудо» и советская экономическая реформа / Японские предложения по реформе экономики в Советском Союзе. Под ред. Инаба Х., Цуцуми С. М., 1991, с. 151-167.

японских компаний сочетать в практике управления противоречивые, на первый взгляд, требования. Например, ответом американских автомобилестроителей на недовольство потребителей чрезмерной стандартизацией машин стал массовый выпуск разнотипных автомобилей для разных рынков. Японские производители пошли по пути, с одной стороны, поточного изготовления деталей с помощью роботов, что явилось высшим уровнем индустриализации, с другой стороны, — гибкости сборочных операций, осуществляемых вручную слаженными рабочими бригадами, что сродни ремесленному труду. Результатом стала способность в массовом порядке производить автомобили, наиболее полно удовлетворяющие индивидуальным запросам¹. Такое более глубокое содержание понятия «многоукладности», связанное с возможностью существования внутри одной формы собственности других форм собственности, нашло отражение также при проведении реформ в КНР.²

Во избежание недоразумений следует еще раз подчеркнуть: теория многоукладности – не шаблон, который следует накладывать на экономику той или иной страны, а понятие, помогающее увидеть реальное многообразие фактически складывающихся отношений собственности и наилучшим для данных условий образом сочетать в государственной политике и корпоративном управлении частные интересы с интересами общества в целом. Эта теория, будучи реализованной, позволяет в максимально возможной для той иной конкретной ситуации степени развить и эффективно использовать производительные силы общества, под которыми в марксизме, как известно, понимаются не станки, оборудование и линии электропередач, а способность людей, используя все это, производить товары и оказывать услуги.

Ни логика либеральной доктрины, ставящей во главу угла исключительно частные интересы, ни почти десятилетняя практика ее осуществления в России не предполагают подобной постановки вопроса о сочетании частных и общих интересов. Максимум, на что пока оказались способными представители нынешнего поколения находящихся сегодня у власти российских либерал-реформаторов, это заявить о своей приверженности национальным интересам России. При этом под последними, судя по реально проводимой политике, подразумеваются исключительно интересы небольшого числа владельцев крупных российских компаний и бюрократической верхушки страны.

Приверженность этим интересам «красной нитью» пронизывает, в частности, и Послание президента РФ В. Путина Федеральному собра-

¹ См.: там же, с. 152.

² См.: Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999, с. 13.

нию от 3 апреля 2001 года. «Сегодня, — заявил президент РФ, — наш стратегический приоритет — это рациональное, справедливое обложение природных ресурсов — основного богатства России, недвижимости, последовательное снижение налогообложения нерентных доходов, окончательная ликвидация налогов с оборота»¹.

Из этой ключевой фразы можно сделать следующие выводы.

Во-первых, человеческий потенциал России не является основным богатством страны, а его сохранение и развитие не относится российским президентом к числу стратегических приоритетов.

Во-вторых, справедливым является «обложение природных ресурсов», исключающее передел собственности, который, по утверждению президента РФ, «может быть для экономики и социальной сферы страны еще более вредным и опасным»². Примером того, как понимается нынешней российской властью справедливость, может служить установление равной для всех ставки подоходного налога.

В-третьих, задача «обеспечить эффективную эксплуатацию этих ресурсов и должное поступление в государственную казну средств» может быть решена не иначе как посредством использования налоговых инструментов³.

Иными словами, если перераспределение прибыли, получаемой владельцами крупных добывающих и ориентированных на экспорт компаний, и произойдет, то оно произойдет не непосредственно в пользу наемных работников, а исключительно в пользу государства, для которого ни образование, ни наука, ни культура, ни здравоохранение стратегическими приоритетами не являются.

В уже упоминавшемся Послании президент РФ В. Путин констатирует необходимость принять такое «трудовое законодательство, которое бы защитило права и интересы работников — не на бумаге, а на деле». Что имеется здесь ввиду — остается неясным. А вот следующий за этой фразой призыв обеспечить «мобильность трудовых ресурсов», чтобы открыть «дорогу структурным преобразованиям на предприятиях» — вполне конкретен⁴. Но в современной России «мобильность трудовых ресурсов», проявляющаяся в высоком уровне безработицы, неполной занятости и текучести кадров, и так запредельна.

Главный тормоз структурных преобразований на предприятиях сегодня — не недостаток «мобильности трудовых ресурсов», а ее избыток. В условиях, когда стагнирующая из-за постоянной нехватки

¹ Цит. по: текст Послания на сайте www.strana.ru, с. 7.

² Там же.

³ См.: там же.

⁴ Там же. С. 10.

средств система образования не может обеспечить приток квалифицированных кадров на предприятия, единственный путь повышения конкурентоспособности последних — самостоятельное развитие своих человеческих ресурсов. Но для того, чтобы предприятия были заинтересованы во вложении средств в развитие персонала, им нужна гарантия не мобильности, а стабильности рабочей силы, гарантия того, что работник, на обучение которого затрачены средства, не уйдет в другую компанию. В этом же, кстати, заинтересованы, как правило, и сами наемные работники.

Призыв же обеспечить «мобильность трудовых ресурсов», чтобы открыть «дорогу структурным преобразованиям на предприятиях», — сегодня не что иное, как поощрение тех руководителей компаний, которые знают только один способ обращения с персоналом — увольнение или угроза увольнения, и которые поэтому никогда не смогут создать по-настоящему процветающих на протяжении длительного времени и полезных для общества компаний.

Все это означает, что при нынешнем руководстве в России сохранится ситуация, при которой владельцы компаний, поставляющих на экспорт сырье и энергоносители, будут получать сверхприбыль, имея возможность продавать продукцию по мировым ценам, а оплачивать труд наемных работников — по ценам российским, и оставлять значительную часть этой прибыли на счетах зарубежных банков. Разве что какая-то часть этих сверхприбылей достанется государству. Это означает, что никакого повышения платежеспособного спроса населения, развития внутреннего рынка, а, следовательно, и подъема работающей на внутренний рынок промышленности и сельского хозяйства не предвидится. А это, в свою очередь, значит, что не будет и улучшения качества рабочей силы и, следовательно, никакого притока не только иностранных, но и российских инвестиций в Россию тоже не будет, потому что неквалифицированная рабочая сила просто не сможет обеспечить капиталисту необходимого уровня прибыли.

На этом пути выход России из «либерального тупика» невозможен, поскольку остаются лишены возможности самореализации другие частные интересы, прежде всего, интересы наемных работников. Хотя способность раскрыть творческий потенциал для страны — наибольшего числа своих граждан, а для компании — всего своего персонала и определяют конкурентоспособность, соответственно, страны и предприятия в современном мире. В этом пункте наиболее явно проявляется тот факт, что концепция многоукладности, будучи социалистической, по сути дела, является ничем иным, как теоретическим выражением экономической необходимости.

Вопрос о том, в какой форме эта экономическая необходимость проложит себе дорогу и удастся ли вообще ей эту дорогу проложить, может показаться несущественным разве что с точки зрения вечности. Для тех, кто сегодня живет в России, и тех, кто будет жить в России завтра – это самый главный вопрос, вопрос существования, решение которого хотя и в малой степени, но все же зависит от нас самих. И в этом наш шанс.

Спор Ленина с Плехановым по аграрному вопросу в 1905-м году и проблемы современной культуры

Спор Ленина с Плехановым по одному пункту аграрной программы партии в 1905-м году кажется незначительным эпизодом, который, вероятно, и не упоминается в работах по истории культуры, поскольку к ней не имеет прямого отношения. Но, будучи эпизодом внутривнутрипартийной борьбы, он одновременно стал частью того, что Д. Вико называл «вечной историей». Более того, этот сюжет многократно повторяется на страницах истории России XX века — с различными вариациями и оттенками смысла, вплоть до прямо противоположных.

Речь шла о том, как относиться к лозунгу *национализации земли*. Плеханов был противником национализации, Ленин, при известных условиях, которые он специально оговаривал, допускал ее возможность. Эти условия — возникновение демократического, в полном смысле этого слова, государства. В том случае, если бы в результате революции сложилось не демократическое, а, например, бонапартистское государство, «национализация, — писал Ленин, — могла бы повредить пролетариату и крестьянству»¹. В этом пункте были согласны все марксисты и социал-демократы. Национализация земли в условиях господства над крестьянином бюрократической власти была бы средством эксплуатации крестьянства со стороны недемократического, коррумпированного, как ныне говорят, государства. Ни о каком серьезном социально-экономическом прогрессе в этом случае не могло быть речи.

«...Позиция социал-демократов в аграрном вопросе, — писал Ленин в разгар первой русской революции — может быть в настоящее время, когда дело идет о доведении демократического переворота до конца, лишь следующая: против помещичьей собственности за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще. Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определенных политических условиях*»².

Итак, социал-демократия должна бороться за частную собственность на землю против собственности помещичьей, но в том случае, если побеждает демократия и создается государство демократическое, по типу американского (на что неоднократно указывал Ленин), если

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 268.

² Там же. С. 254.

бюрократия практически полностью лишается власти, и государство находится под эффективным контролем снизу, со стороны организованного народа, гражданского общества — тогда возможна и прогрессивна национализация земли. «Мы должны, — писал Ленин, — со всей ответственностью и решительностью сказать крестьянину, что национализация земли есть мера буржуазная, что она полезна *лишь* при определенных политических условиях, но выступать с *голым* отрицанием этой меры вообще нам, социалистам, перед крестьянской массой было бы близорукой политикой. И не только близорукой политикой, но и теоретическим искажением марксизма, который установил с полнейшей определенностью, что национализация земли возможна, мыслима и в буржуазном обществе, что она не задержит, а усилит развитие капитализма, что она есть *максимум* буржуазно-демократических реформ в области аграрных отношений»¹.

С последним положением никто из марксистов не спорил, в том числе и Плеханов. Разногласия возникли по другому вопросу, на первый взгляд, сугубо частному.

Русское крестьянство уже в период первой русской революции выступало с лозунгом «Земля ничья, земля божья», что означало на экономическом языке национализацию земли. Многие крестьяне боялись свободной купли-продажи земли, ибо она могла попасть в руки толстосумов, а большинству бедных крестьян пришлось бы брать ее в аренду со всеми вытекающими последствиями. Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, говорили крестьяне, а свободная продажа земель сосредоточивала их в руках тех, кто имеет капитал.

Плеханов доказывал, что ничего демократического и прогрессивного нет в крестьянском требовании национализации земли. Когда крестьяне выступают за частную собственность на землю — они революционны, они способствуют разрушению старой государственно-бюрократической машины и остатков феодализма. Эти требования социал-демократия должна поддерживать. А идея национализации земли отражает только отсталые, консервативные взгляды и настроения, закрепляющие отжившие порядки.

«Раздел (земель - В.А.) имел бы бесспорно много неудобств с нашей точки зрения. Но в сравнении с национализацией, — утверждал Плеханов, — у него было бы то бесспорное преимущество, что он нанес бы окончательный удар тому нашему старому порядку, при котором и земля, и землевладелец составляли собственность государства и который представляет собой не что иное, как московское издание эко-

¹ Там же. С. 253-254.

номического порядка, лежащего в основе всех великих восточных деспотий. А национализация земли являлась бы попыткой реставрировать у нас этот порядок, получивший несколько серьезных ударов уже в XVIII веке, и довольно сильно расшатанный ходом экономического развития в течение второй половины XIX столетия»¹.

Плеханов, разумеется, не хуже Ленина знает, что при развитом капиталистическом строе и демократическом государстве национализация земли есть *чисто буржуазное мероприятие*, существенно уско-ряющее социально-экономический прогресс. Но совсем другую роль и смысл имеет национализация земель в условиях восточных деспотий или схожих с ними социально-экономических укладов. Плеханов ссылается на пример китайских реформаторов XI века, которые национализировали землю и создали некий вариант азиатского коммунизма, который окончательно закрепостил крестьян, сделал их бесправными и неимущими.

Надо признать, продолжает Плеханов, «что в аграрной истории Московской Руси было, к сожалению, слишком много китайщины. Под влиянием многих неблагоприятных исторических условий, — в числе которых экономическая отсталость этой части России и монгольское иго играли не последнюю роль, — право собственности на землю из рук *землевладельцев* постепенно перешло к великому князю, — впоследствии к царю, — который и стал распоряжаться ею как фондом для удовлетворения потребностей государства. /.../. И вот русское государство постепенно сделалось тем Левиафаном, о котором мечтал Томас Гоббс и который наделяет каждого участком земли, смотря по его занятию и положению. Вряд ли нужно указывать здесь на то, что наша пресловутая сельская община с переделами возникла, как естественный плод закрепощения государством земли и земледельца»².

Современный склад жизни, считает Плеханов, далеко опередил склад мысли крестьянина. Крестьянские понятия о справедливости, о том, что земля никому не должна принадлежать, отражают его отсталость, инстинктивное тяготение к азиатскому деспотизму, к «китайщине», которую Герцен в свое время называл «царским коммунизмом», «казачьим коммунизмом». Разумеется, коммунизм восточных деспотий несравненно хуже современного буржуазного общества, даже если оно управляется не демократическим (американским), а прусским или бонапартистским государством. Последняя истина для всех социал-демократов, в том числе и для Ленина, была аксиомой. «Нам не нужно китайщины, — заключает Плеханов, — Поэтому мы поддерживаем

¹ Плеханов Г.В. Соч., т. XV, М.-Л., 1926, с. 31.

² Там же, с. 33-34.

крестьянское движение *только* в той мере, в какой оно разрушает старое, а не в той мере, в какой оно стремится восстановить нечто такое, в сравнении с чем это старое кажется новым и прогрессивным явлением»¹.

Трудно найти слова, которые с большим бы правом претендовали на пророчество, чем процитированные выше. В 1917-м и последующих годах Ленин осуществил национализацию земли. Затем, уже в конце жизни, он обнаружил, что «государство нам чужое», что повсюду, практически на всех местах и должностях этого так называемого «пролетарского» государства сидит, по выражению Ленина, «подлец» и «насильник», «каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, — продолжает он, — что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке»².

Сталинский режим довел бюрократический государственный аппарат до высшего, можно сказать, классического совершенства. Что же удивительного в том, что ленинская национализация земли позволила бюрократии провести насильственную коллективизацию, которая практически возродила крепостное право в деревне? И появилось нечто такое, в сравнении с чем, говоря словами Плеханова, «старое», то есть царская Россия накануне революции, «кажется новым и прогрессивным явлением». Во всяком случае очень многие наши современники убеждены, что Россия начала XX века двигалась в сторону буржуазных реформ, а к середине века она оказалась отброшенной в век XI-й — к «китайскому» коммунизму, варианту азиатского деспотизма.

Так замкнулся порочный круг. Ленин, кажется, искренне и страстно боролся за самый демократический вариант капитализма, за американский, а не прусский (то есть бонапартистский) путь его развития, а в результате своих усилий — причем, совершенно неизбежно — получил неожиданное и грозное возрождение азиатского деспотизма. Могло ли возникнуть что-либо другое при национализации земли в условиях бюрократизированного государства наверху и очень активного крестьянского беднячества внизу, которое было пропитано суперуровнительными настроениями, глубоко реакционными, как показал Плеханов? В уравнилельных настроениях, доказывал он, не было ничего по настоящему революционного, напротив, оно глубоко консервативно, оно создано «не революционерами, а историей государства российского»³. Когда на крестьянских съездах, продолжает Плеханов,

¹ Там же, с. 36.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 357.

³ Плеханов Г.В. Соч., т. XV, М.-Л., 1926, С 35.

«большинство депутатов так легко соглашались с тем, что помещикам не надо давать выкупа за землю, то это объясняется тем крестьянским убеждением, что земля была получена помещиками от государства: «даром получил, даром и отдать должен», говорил смоленский делегат. Но в высшей степени замечательно, что крестьяне Донской области высказались за выкуп, «боясь за свои выкупленные земли». В этой области в крестьянском быту гораздо более сильны новые, буржуазные влияния»¹.

Так на кого же должна делать ставку революционная партия, желающая социально-экономического прогресса для страны — на бедного смоленского крестьянина, требующего национализации, или на крепкого хозяина донской области, который предпочитает куплю-продажу земли? Будущее, кажется, сделало этот вопрос риторическим.

Но послушаем аргументы Ленина. Он тоже, как и Плеханов, приводит ту «бесспорно правильную мысль, что требование национализации земли далеко не везде и вовсе не всегда революционно»². Он соглашается и с тем, «что в буржуазном обществе класс мелких собственников, *при известных условиях*, является более прочным оплотом демократии, чем класс арендаторов, зависимых от полицейски-классового, хотя бы и конституционного, государства»³.

Все это так, все это, бесспорно, азбука марксизма и социал-демократии. И все же... «...Идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродит теперь в крестьянстве, это не может подлежать никакому сомнению, — констатирует Ленин. — И несомненно также, что, несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на все реакционно-утопические элементы его пожеланий, эта идея, в общем и целом, носит революционно-демократический характер»⁴.

Вот центральный пункт расхождения Ленина с Плехановым. И не только с Плехановым, но и с меньшевиками, кадетами, крупными деятелями культуры, от Короленко до Горького. Все они считали, что крестьянство реакционно, а в особенности беднейшее крестьянство с его грубо-уравнительными устремлениями. В «Несвоевременных мыслях» Горький, как известно, предрекал, что темное и необразованное, жадное крестьянство, выпущенное на свободу Октябрьским переворотом, пожрет, как фантастические анаконды из повести М. Булгакова, интеллигенцию, в том числе и в первую даже очередь, революционную интеллигенцию, растопчет культуру и цивилизацию.

¹ Там же, с. 35.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 12, с. 252.

³ Там же, с. 251.

⁴ Там же, с. 253.

Ленин, тем не менее, взял себе в союзники только одного писателя. Не близкого большевикам Горького, не прогрессивно и демократически настроенного Короленко, а явного консерватора, и в некоторых вопросах, таких как эмансипация женщины и отношение к высокому аристократическому искусству — даже реакционера. Этим писателем был Лев Толстой.

Реакционность позиции Толстого по некоторым важнейшим проблемам для Ленина вне всякого сомнения. Но откуда в его творчестве та поразительная честность, которая произвела необыкновенное впечатление на весь мир? Не та субъективная честность-пожелание, которая при столкновении с грязной действительностью оборачивается отступничеством, предательством, сдачей позиции. А та честность, которая есть прежде всего дело, и обнаруживается она в художественных образах, раскрывающих самые глубинные движения души в их *истине* — каковы они на самом деле, а не только в воображении субъекта.

Откуда эта беспримерная страсть и способность дойти до самой сути? Оно питается, по мысли Ленина, крестьянским стремлением «смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещицье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных крестьян...»¹

Но какова природа, социальная сущность этого неудержимого напора крестьянства? Ленин полагал, что она имеет буржуазно-демократический характер. Ничего социалистического в крестьянском движении нет и быть не может — такова основная идея, которую Ленин вместе с Плехановым отстаивал против народников. Ибо попытка построить социализм в России конца XIX-начала XX века, минуя неизбежный этап буржуазно-демократических преобразований, глубоко реакционна, она может привести только к реставрации отживших порядков, «царского коммунизма».

По этой же причине социализм Толстого реакционен, несмотря на то, что в целом его творчество прогрессивно, выражает объективную правду реальности. «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской *буржуазной* революции»². Иначе говоря, Ленин полагал, что в ходе этой революции, при ее успехе сложится буржуазно-демократическое общество американского образца, и крестьянство скоро забудет о своих «социалистических», уравнилельных иллюзиях.

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 211.

² Там же, с. 210.

Они — лишь обратная сторона тех гор «ненависти, злобы и отчаянной решительности», которые накопились за века рабства и несправедливости.

Итак, задача заключалась в том, чтобы освободить крестьянство от реакционных «социалистических» иллюзий, и направить скрытую за ними социальную демократическую энергию в русло буржуазно-демократических преобразований. Форма у этого движения реакционная, а содержание демократическое.

Мысль Плеханова была совершенно иной. Крестьянские «социалистические» настроения, его уравнивательность, требования национализации земли реакционны и по форме, и по содержанию. За ними скрывается только наша старая азиатчина, восточный деспотизм. «На одном из крестьянских съездов смоленский депутат говорил: «Цари присвоили себе общественную землю и раздали ее приближенным». Что же нужно? *Отобрать землю у «приближенных».* Больше этого съезды по существу не сказали *ничего.* Вслед за этим в их решениях начинается область, в которой господствует утопия, тоже выросшая, впрочем, на почве воспоминаний о нашем старом экономическом быте: каждый получает столько земли, сколько ему нужно и т.п. Но ведь и китайские общественные перевороты состояли в том, что земли отбирались у «приближенных» и возвращались Левиафану — государству, после чего начиналась старая история, плодившая новых «приближенных», вызвавшая новые перевороты, возрождавшая старую китайщину. Нам не нужно китайщины»¹.

В ответ на пространные рассуждения Плеханова Ленин ограничился подстрочным замечанием: «Товарищ Плеханов в № 5 «Дневника» предостерегает Россию от повторения опытов Ван Ган-че (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине *qui prouve trop, ne prouve rien* (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает). Если бы Россию XX века можно было сравнивать с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России. Что же касается до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела есть несомненные черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время. Реакционные элементы есть во всем крестьянском движении и во всей *крестьянской* идеологии, но

¹ Плеханов Г.В. Соч., т. XV, М.-Л., 1926, с. 36.

это нисколько не опровергает общего революционно-демократического характера всего этого движения в целом. Поэтому свое положение (о невозможности для социал-демократов выдвигать требование национализации земли при определенных политических условиях) Плеханов не только ничем не доказал, но даже особенно ослабил своей утрированной-натянутой аргументацией»¹.

Для Плеханова крестьянство сможет сыграть прогрессивную роль только в том случае, если оно поддержит буржуазно-демократическую революцию и не выйдет за ее пределы. В сущности на уровне общих формулировок это же говорит и Ленин. Расхождение между ними в понимании крестьянского требования национализации земли: для Плеханова оно только реакционно, и по форме и по содержанию, а для Ленина — *реакционно по форме, но прогрессивно по содержанию*.

Плеханов видит в этом требовании уравнительность, за которой скрывается азиатская покорность царю, богу, вообще высшей власти, в дела которой крестьянин не может и не хочет вмешиваться. Для Ленина, напротив, требование национализации земли в конкретных условиях начала XX века есть свидетельство колоссальных *демократических*, глубоко прогрессивных потенциалов российского крестьянства. Крестьянство в своей массе, полагал он, гораздо демократичнее *на деле*, чем другие слои российского населения, за исключением пролетариата. Даже в мужицком черносотенстве он видит не просто демократизм, но демократизм самый глубокий, хотя и самый грубый. Тот, кто не замечает этого глубинного мужицкого демократизма, тот заталкивает вольно или невольно крестьянство в черносотенство.

Откуда же у *российского* крестьянства этот потенциальный, но очень серьезный и могучий демократизм?

Развивая мысли Ленина, на этот вопрос дает ответ Мих. Лифшиц в своих «Лекциях о русской культуре», прочитанных в 1943-м году офицерам Военно-морского флота. «Царский коммунизм» или, говоря словами Маркса (сказанными о средневековье), «демократия несвободы» имеет не только очевидные недостатки, но и определенные преимущества, по сравнению даже с самыми передовыми демократиями Запада.

Но сказав это, легко впасть в крайность славянофильства. Задача Лифшица, однако, другая. Она в «полноте истины», то есть в извлечении истины даже из той позиции, которая в целом является ложной. Ибо, по его мнению, нет «совершенно правых».

В целом западные демократии безусловно прогрессивнее старого московского царства и возникшей на его основании Российской импе-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 12, с. 253.

рии. Но преимущество Запада не абсолютно. Западный вариант «свободного общества» основывается на индивидуализме, доходящем в своих крайних проявлениях до такого эгоизма и себялюбия, которые враждебны демократии. Напротив, придавленность всего населения России под общим прессом самодержавия порождало своеобразное равенство — «демократию несвободы», которое было неведомо более передовым западным странам. Эта логика по типу - «нет худа без добра». «Добром» в российской истории было то, что выросло из «худа», из недостатков и пороков развития.

Плеханов, пишет Мих. Лифшиц, «тоже подчеркивал применительно к Толстому и к идеям русского крестьянства черты некоторой архаичной крестьянской демократии»¹. Но «при общем понимании связи между толстовскими крестьянскими идеями и архаической крестьянской демократией старой России мы видим различную оценку революционного потенциала крестьянства»². Для Плеханова эта архаическая крестьянская демократия — только азиатчина, рудимент восточного деспотизма, и ничего демократического в ней нет.

Бесспорно, считает Лифшиц, что реакционное и даже антидемократическое содержание было в этой архаической демократии. Она, например, связана с монархической идеей и с идеей Достоевского, славянофилов — «смирись, гордый человек!».

«Но и отрицание этой традиции, — продолжает Мих. Лифшиц, — стремление заменить ее абстрактной западноевропейской прогрессивной идеей тоже неправильно. Без всякого сомнения, при всей архаичности этих мотивов, в них содержится нечто более радикально революционное, нежели во всем том, что могло быть перенесено из западноевропейского аграрного быта на Русь. В чем то были правы здесь славянофилы. /.../. Это была идея задавленных тяжелым прессом крепостничества людей, но сохранивших определенные традиции общественной борьбы, радикальные, последовательные, очень ценные и вместе с тем древние элементы»³.

Крепостное право было гораздо раньше отменено в Европе, чем в России, и это прогрессивно. Однако и прогресс нельзя понимать односторонне, абстрактно. Он тоже имеет свои теневые стороны. Освобожденное от крепостничества крестьянство было охвачено жадной наживы, и борьба за существование в его среде принимала зверские формы. Недаром в Европе очень рано сложилась «сословная тенденциозная поэзия», направленная против крестьянства — от Нейгардта до Бертраана де

¹ Лифшиц Мих. Очерки русской культуры, М., 1995, С.57.

² Там же, С.57.

³ Там же, С.58.

Борна, а позднее схожие мотивы прослеживаются у Золя, Мопассана, Бальзака. Ничего подобного не было в классической русской литературе: «мелкособственническое свинство» обнаружилось только в пореформенную эпоху, да и то только у части крестьянства — «колупаевых» и «разуваевых». В целом же в российском крестьянстве «древние элементы» архаической демократии сохранялись очень долго, обуславливая стремление к национализации земли, столь высоко оцененное Лениным.

Выделив эту чрезвычайно ценную черту русского крестьянства, отсутствующую у западноевропейского, Лифшиц предостерегает от впадения в крайность, которая была свойственна славянофилам и их последователям. Нельзя забывать, что это добро от худа. Нельзя упускать из виду, что архаическая крестьянская демократия двойственна: наряду с величайшей энергией и решимостью в ней также содержится прямо противоположное — покорность, мягкотелость, неспособность к действительной коллективной защите своих интересов, т.е. то, что дало повод Кавелину назвать русский народ «калужским тестом», из которого монархическая власть лепит то, что ей нужно.

Бесспорно, что эта обратная сторона крестьянской архаической революционности сыграла очень значительную роль в российской истории вообще, и в истории XX века в особенности. На этом основании многие авторы полагают, что возникший после Октября, и особенно в сталинский период, общественный строй был всего лишь новым изданием азиатского деспотизма. Черты последнего без сомнения присутствуют в советской общественно-экономической системе. Однако отождествление их совершенно неверно. И дело не только в недооценке «древних элементов» крестьянской демократии. Они ведь были свойственны как раз восточным деспотиям. И как две противоположные стороны одного явления, они порождали определенный цикл, форму движения или, если хотите, порочный круг.

В крестьянском лозунге национализации земли Ленин видел стремление вырваться из порочного круга царской империи, «царского коммунизма». Плеханов, наоборот, опасался, что опора на архаические крестьянские элементы возродит «порочный круг» и на долгие годы законсервирует страну. Только двигаясь по уже проложенному Западом пути, мы можем выйти на столбовую дорогу цивилизации, доказывал он, как, впрочем, и другие марксисты, включая Ленина, в их полемике с народниками.

Ленин и в дальнейшем не отказывался от этой исходной мысли, доказывая, что наилучшим вариантом для России начала века было бы развитие по пути американского демократического капитализма. Однако он очень скоро убедился в том, что *непосредственно* перенесенные с

Запада черты на русской почве часто превращаются в свою противоположность и из прогрессивных делаются тормозом развития. Так, например, российский либерализм XIX и начала XX веков на самом деле был не свободомыслием, а особым случаем глубоко антидемократического мышления, что прекрасно показали лучшие российские писатели — от Тургенева и Достоевского до Толстого и Салтыкова-Щедрина. Российский капитал, созревший под крылом царской бюрократии, был также далек от демократических начал жизни. Он представлял собой *плутократию*, заинтересованную в сохранении полицейского государства и коррупции.

Разумеется, из этого факта нельзя делать вывода, к которому склонялись реакционные политики и мыслители от К. Леонтьева до В. Розанова, что все, перенесенное с Запада, плохо и для России не годится. Просто соединение Запада с Востоком может принять *две* формы, существенно, кардинально, вплоть до полной противоположности, различные между собой.

Капитализм на российской почве разделился на плутократический в своей основе капитал и очень революционный рабочий класс, совсем еще недавно вышедший из деревни и сохранявший в немалой степени черты архаической демократии. Если третье сословие в Европе эпохи буржуазных революций противостояло как нечто относительно целое феодальным классам и сословиям, то в России начала XX века положение существенно изменилось. У крупного российского капиталиста и крупного помещика было больше общего, чем у капиталиста и рабочего, не говоря уже о крестьянстве. Поэтому радикальная буржуазно-демократическая революция в этих условиях была возможна лишь в результате союза пролетариата и крестьянства — при нейтрализации, в лучшем случае, буржуазии или даже при борьбе с контрреволюционными действиями плутократии, заключившей союз с полицейским государством против последовательных демократических преобразований.

Однако при этом вставала задача колоссальной сложности: вырвать революционное крестьянство из порочного круга восточного деспотизма, или, иначе говоря, так развить архаическую демократию, чтобы она двигалась в последовательно демократическом направлении, а не возвращалась к своей обратной стороне, к свойственной ей резиньяции, покорности и разобщенности, на основе которой вырастает здание монархии.

Решить эту задачу можно только в союзе с Западом и передовой западной культурой, развитыми демократическими формами и традициями. Таким образом, и Ленин и Плеханов безусловно оба были за

соединение Запада и Востока, но формы этого соединения они видели совершенно по-разному.

Одно дело — западничество какого-нибудь тургеневского либерала, который презирает российскую отсталость, а больше всего русского мужика, единственным языком общения с которым для него является розга. И совсем другое — соединение западных и российских начал в творчестве Пушкина, прекрасно показанное Г. Лукачем на примере «Капитанской дочки», где русский мужик был понят необычайно глубоко и верно и не в последнюю очередь потому, что Пушкин многому научился у Вальтера Скотта.

Здесь необходимо остановиться на важном теоретическом, даже логическом моменте. Дело в том, что нет абстрактного соединения противоположностей, их соединения *вообще*, в том числе таких противоположностей, как Запад и Восток. Если вы попытаетесь соединить, например, человека и природу так, что отправите первого жить в тайге или, наоборот, посадите в клетку представителей дикой природы, то о действительном синтезе их речи быть не может. Результатом будет уродство того или другого рода. И причина этих уродств — не просто в насильственности данного соединения.

Петр I насаждал европейскую цивилизацию в России насильственно. Но при всем варварстве этого процесса не все в нем было уродливо, были и явные удачи. Когда, например, русские художники пытались просто перенимать формы западного искусства, то получалось плохо. Когда же в конце XIX века, уже после петровского периода русской истории, снова стали возрождать древнерусский стиль в архитектуре, результаты были тоже не слишком вдохновляющие. Тогда как лучшие творения русского классицизма XVIII века при всем их западном происхождении — это, бесспорно, шедевры *русского* национального искусства.

Итак, «мы видим, с одной стороны, однобокую подражательность, искусство, чуждое народу, власть, действующую сверху, в форме деспотизма, бюрократии, и вообще всякого рода искусственности и оторванности от народа. Все это формы, высмеиваемые и осужденные нашей великой литературой XIX века, формы, которые бесспорно, несмотря на свою европейскую оболочку, несмотря на свой привозной характер, по сути дела являются другими формами того же азиатского деспотизма. И рядом — (?) те мировые общечеловеческие завоевания, которые были освоены в этот период нашей культурой и которые прочно и навсегда принадлежат народу. Они также самобытны, как и исходная примитивно-демократическая сторона ее. Наша революция является как раз соединением того прогрессивного, что в конце концов вышло из петровской России, с тем революционным размахом и с той

положительной демократической струей, которая проистекает издревле, из глубоких и архаических источников и проходит через всю нашу прежнюю историю»¹.

Итак, Плеханов не различил со всей ясностью раздвоения архаической крестьянской демократии на пассивность и монархический элемент, с одной стороны, а с другой — на тот глубокий и яростный революционный демократизм, который в то время уже невозможно было найти в более прогрессивной Европе. Вернее, для него две стороны архаической демократии составляли единый и в принципе *неразрывный* круг. В этой позиции есть свое рациональное зерно, ибо этот круг действительно составлял основу азиатского деспотизма. Но даже на протяжении существования Российской империи этот круг не был абсолютным монолитом, и все лучшее, что было создано в этот исторический период, возникло благодаря размыканию этого круга — от петровских реформ до русской культуры XIX века.

Но размыкание круга, в свою очередь, также создавало два единства, два вида тождества — «дурное» и гармоническое, симфоническое. Самодур с европейскими манерами мог быть даже хуже старого русского боярства, отвратительнее по причине лицемерия и утонченной жестокости. Такое соединение европейских и азиатских начал — вовсе не размыкание круга, а новое замыкание его. Действительное размыкание предполагает соединение других начал, других противоположностей. По мысли Ленина, это соединение архаической крестьянской демократии с передовой европейской мыслью и культурой, передовой техникой в практике буржуазно-демократической революции рабочих и крестьян. Но это именно размыкание старого цикла, ибо оно предполагает отсечение от архаической демократии ее реакционных сторон.

Таким образом два начала — европейское и российское — *раздваиваются*. В свою очередь они образуют и два различных способа, два различных *тождества* этих начал.

«В чем же главное своеобразие нашей истории? — подводит итог Мих. Лифшиц, — В том, что две противоположные формы соединения Востока и Запада в нашей стране не только развились, но и разошлись наиболее полно. И важна не противоположность Востока и Запада, не противоположность этих двух форм, а их поляризация. Поляризация двух противоположных друг другу лагерей: лагеря рабочего класса и крестьянства на одном полюсе и лагеря помещичье-либерального — на другом.

¹ Там же, с. 90-91.

Следствием крайней поляризации, которая как бы являлась законом нашей истории, было то, что если перед нами прогрессивные явления нашего прошлого, то это явления действительно прогрессивные, удвоенные в своей силе. Если же перед нами явления отрицательные, реакционные, то также удвоенного характера, принадлежавшие к самым темным, самым черным из всех, какие когда-либо были в истории»¹. Именно логика Ленина в рассмотренном выше споре с Плехановым по аграрному вопросу, и не только в этом споре, послужила для Мих. Лифшица основанием его *теории тождеств*, которую он разрабатывал на протяжении своей жизни.

Но вернемся к спору Ленина с Плехановым. Итак, чья позиция, Ленина или Плеханова, выглядит предпочтительнее с точки зрения сегодняшнего дня?

На первый взгляд, полностью сбылось пророчество Плеханова — в результате проводимой Лениным политики, национализации земли в условиях государства, оказавшегося, говоря словами Ленина, «нам чужим», Россия оказалась на долгие годы под властью тоталитарного режима, очень напоминающего порядки и нравы азиатского деспотизма. Основанием этой новой формы старой азиатчины было крестьянство, так и не успевшее освободиться от патриархальных привычек, разрозненное и неспособное к сплоченной защите своих интересов. Эта точка зрения является очень распространенной, от евразийцев до современного писателя-философа А. Зиновьева. Оценки среди сторонников этого взгляда меняются от отрицательных до безусловно положительных, но они ничего не меняют по существу дела.

Распространенность названного взгляда на российскую историю XX века сравнима только с прямо ему противоположным, «западническим». Согласно последнему, большевистская революция серьезных предпосылок в истории России не имела и победила благодаря исторической случайности, а именно — благодаря коварству и демонизму большевиков, которые насильственно сорвали так хорошо и естественно протекавший процесс модернизации страны. С этой точки зрения, архаическая крестьянская революционность была сугубо отрицательной среди составляющих политических сил, и, что самое главное, ее в принципе не только нужно было, но и безусловно можно было нейтрализовать.

Эта идея в ее упрощенном до вульгарности виде до сих гуляет по страницам либеральных изданий. Вульгарной мы ее называем потому, что при последовательном проведении она возводит вину за сталинские

¹ Там же, с. 91-92.

лагеря на всю русскую культуру XIX века, поскольку несомненно, что эта культура, от Пушкина до Толстого и Чехова, так или иначе питалась мощными подземными силами архаической российской демократии. На что же, в таком случае, опираться новой российской демократии? Очевидно, на Фаддея Булгарина и на Победоносцева.

Но поскольку этот вывод представляется неудовлетворительным, то необходимо серьезно разобраться в том, какую роль сыграла архаическая крестьянская демократия в истории России XX века. И не только России, но и Китая, Кореи, Вьетнама...

Ни в одной из этих стран буржуазия не обладала действительно демократическими потенциями. Собственно буржуазные движения, по свидетельству не только большевиков, но и их политических противников — от меньшевиков до сменовеховцев — в России начала XX столетия могли дать только реакционный симбиоз плутократии с царизмом. В то же время крестьянство в своей массе было настроено очень решительно, и те «горы ненависти и злобы», о которых писал Ленин, не были его выдумкой. Усадьбу и библиотеку Блока сожгли до Октябрьской революции, и без всякой агитации большевиков. Размах движения батьки Махно, который не был ни за белых, ни за красных, — достаточно красноречивое свидетельство объективной крестьянской революционности, многократно усиленной в первую мировую войну.

Куда ударила бы эта волна, столкнувшаяся с властью российской плутократии, которая не шла на уступки массовым крестьянским требованиям? Как доказывает история, *самостоятельные* крестьянские выступления и крестьянские войны имели главным образом разрушительную направленность и никогда не приводили к установлению прочного демократического строя. Крестьянство всегда нуждалось в союзниках.

В России начала XX века буржуазия вступила в конфликт с объективно демократическими устремлениями крестьянства. Его естественным союзником, способным помочь крестьянству создать демократический социально-политический уклад по типу американского капитализма, был рабочий класс. Все социал-демократические партии вплоть до апреля 1917-го года были единодушны в том, что намерения народников построить в России социализм реакционны и приведут только к возрождению азиатского деспотизма в том или ином его обличье.

Что же изменилось в апреле 1917-го? Один человек, лидер не самой многочисленной и не самой влиятельной партии пришел к выводу, что Россия должна начать *мировую* социалистическую революцию, которая может иметь успех только тогда, когда отсталой России помогут строить социализм передовые европейские страны. Почему же этот че-

ловец победил, изменив ход мировой истории, хотя поначалу его идея не была поддержана даже собственной партией?

Потому, отвечал на этот вопрос его оппонент, Ю. Мартов, что он опирался на *мировой большевизм* — разрушительные инстинкты и действия отчаявшихся и обозленных масс после мировой войны. Поддержка этих масс связала руки мировому капитализму, который не смог вооруженным путем раздавить советскую Россию. Но после окончания гражданской войны и поражения социалистических рабочих движений в ряде стран Европы, Россия оказалась в трагическом, и, по признанию самого Ленина, *безвыходном* положении. Строительство социализма в одной, к тому же относительно отсталой стране с преобладанием малограмотного крестьянского населения — это утопия. *Демократическое* направление движения, вместо возврата к азиатскому деспотизму могло сохраниться только при возвращении к старому социал-демократическому плану демократического капитализма.

Но возможно ли было такое возвращение? Сколько бы мы не дискутировали по этому вопросу, факт остается несомненным — в реальной истории России XX века такого возвращения не произошло: самотермидоризации революционной партии, о необходимости которой по некоторым свидетельствам говорил Ленин, помешали, очевидно, весьма веские причины, как объективного, так и субъективного характера. В результате ряда серьезных социальных потрясений, таких, как массовая насильственная коллективизация, в России установился странный социализм, во многом напоминающий старые азиатские деспотии. Плеханов оказался прав.

И в то же время он не прав. Во-первых, потому не прав, что российская буржуазия не поддержала демократических крестьянских движений и требований. Напротив, заключила союз с бюрократическим царским аппаратом против крестьянства. Во-вторых, потому что «странный социализм» в России не был повторением азиатского деспотизма, хотя имел несомненные черты сходства с ним. Благодаря этому странному социализму Запад в целом сдвинулся влево, проведя ряд эффективных экономических реформ, породивших так называемый «шведский социализм», социально ориентированную экономику социального партнерства и так далее. Пусть не произошла мировая революция, подчеркивал Лифшиц, зато осуществилась мировая реформа.

Выходит, прав был Ленин?

Нет, и Ленин был не прав. Во-первых, потому, что начавшийся в октябре 1917-го года социальный эксперимент закончился катастрофически, принеся неисчислимые бедствия российскому народу. Модернизация экономики России, столь бурно начавшаяся в тридцатые годы, в конце концов, несмотря на ряд бесспорных достижений, вернула Рос-

сию в конце XX века в разряд развивающихся стран — сырьевой придаток Запада. Во-вторых, опыт странного «народовластия» советского периода не только не сделал российское население способным к самоорганизации и самоуправлению, но, напротив, оно оказалось совершенно бессильно как против государственной бюрократической машины, так и против любого мелкого хозяйчика. В России к началу XXI-го века практически сложился капитализм бандитский, не производительный, и в строгом смысле слова его трудно назвать собственно капитализмом.

Но неправота Ленина иного рода, чем неправота Плеханова. Таки ми «ошибками гигантов» мир движется вперед, хотя форма этого движения далека от победоносного линейного прогресса.

«Всю жизнь чувствую себя погруженным в глубину неизмеримого океана под непрозрачной толщей воды. В последнее время это ощущение как-то снова вернулось ко мне с особенной остротой. Боже мой, что на поверхности! И как мало надежды на что-то разумное, что-то похожее на действительную жизнь идеи во всем мире. Что пишут неомарксисты (сужу по изложению югослава Враницкого «История марксизма»), что переводят на иностранные языки из нашей литературы! Полное «совокупление слепых в крапиве», как любил говорить Андрей Платонов.

Но, кажется, никогда еще мне не приходилось встречаться с таким тесным слиянием, симбиозом «каплунов тощих» и «каплунов жирных». Прежде было тяжелее, но можно было *чему-то* противостоять. Это, кажется, уходит. Оно, разумеется, уходило по-другому и в годы замены марксизма патриотизмом, а теперь та же тенденция снова берет верх, но уже в форме «Не колыхай!» — какой-то мертвой эклектики, связывающей нас своей мертвой силой.»¹

Эти слова Мих. Лифшица, написанные им в конце жизни, заставляют несколько иначе взглянуть на его концепцию русской культуры, которую он изложил в своих лекциях 1943-го года. Ведь эти лекции читались в годы уже начавшейся «замены марксизма патриотизмом»! Причем, совершенно ясно, что под «патриотизмом» здесь понимались черносотенные традиции, расцветавшие в послевоенные годы.

Но лжи столь презируемого Лифшицем сикофантства в его лекциях военного времени все же не было. Это был своего рода «жест противоположный». Мих. Лифшиц не хотел доказать, что российский путь развития, «российская идея» — нечто, превосходящее путь европейский. Россия к началу XX века — отсталая страна, и не Западу надо было

¹ Папка № 129 Prima Philosophia

учиться у России, а России у Запада. Это аксиома, отделяющая позицию прогрессивную от реакционной. Любая попытка каким-то образом взять назад сказанное, подменить смысл высказывания на противоположный ловким маневром была бы обыкновенной научной недобросовестностью и нечестностью.

Вопрос в другом: как построить отношения с Западом, чтобы взять у него лучшее, соединив с тем безусловно хорошим, что есть и было в России. А не наоборот, соединить худшее с Запада с отвратительными чертами отечественной жизни и истории. Парадокс заключался в том, что именно российское *западничество либерального* толка, начиная со второй половины XIX-го века или раньше осуществляло и в идеологии, и на практике второй, порочный тип симбиоза противоположностей. Но и российское почвенничество советского периода ничем не лучше. При всей видимой противоположности и яростной борьбе между «западниками» и «почвенниками» в ЦК КПСС между ними было гораздо больше общего, чем различного. В одном частном письме конца 70-х годов Мих. Лифшиц назвал это «сговором двух сил, двух церквей». Свою задачу он видел в том, чтобы «пробить брешь» между ними. В эту брешь могло бы пройти иное единство иных начал — единство такого типа, что в прошлом служило основой великих достижений и русской культуры, и русской истории.

Но и в советский период не все было одинаково плохо. И хотя в целом результаты октябрьского переворота для России оказались катастрофическими как в социальной области, так и в сфере культуры, время от времени «пробивалась брешь», и тогда на свет появлялась нечто такое, за что не стыдно.

Г.П. Солодков

Россия и миграция

Самое худшее из плохого уже случилось. Россия слила в ядро мировой экономической системы, т.е. в хозяйство и культуру развитых капиталистических стран свой бесценный вершок. Этот вершок значительного числа интеллектуально одаренных и высококвалифицированных ученых и специалистов возвышался над грандиозной системой социалистического образования, прямо противоречившей всем целерациональным, позитивным и прагматическим принципам. Уровень и ха-

раक्टर образования в нашей бывшей стране, его *доступность, всеобщность и универсализм*, оплачивавшиеся за общий счет, никоим образом не соответствовали экономическому рационализму капиталистических обществ и не вытекали из соображений здравого смысла. Сообразно последнему степень образованности и развития способностей не должна была бы существенно превышать сферы и возможности их практического применения и использования.

Однажды Россию уже наказал этот «здравый смысл». Попытки угнаться за Западом, в которые наша страна с разной степенью интенсивности и направленности постоянно погружается со времен Петра, привел к формированию в середине XIX века значительного слоя *образованных людей*. Потребность в них отнюдь не была вызвана развитием экономики, бюрократии или других сфер инфраструктуры развивавшихся тогда бурными темпами на Западе буржуазных обществ. Наоборот, сохранение сословных и иных барьеров для реализации интеллектуального потенциала этой значительной группы людей, грубо говоря, отсутствие подходящих рабочих мест, соответствующих уровню их образования и вытекавших из него запросов, объективно превратила их в радикалов. Корни революционного движения в России самого разного спектра, включая откровенный терроризм, проросли внутри самой политики царизма, неизменным фоном которой, более или менее явно, сознательно или бессознательно, всегда оставались попытки идентифицировать себя с европейским развитием и европейской культурой.

Реализация этого способа *догоняющего развития*, которая нисколько не изменилась до сих пор, была связана не только с чудовищным напряжением сил, неисчислимыми затратами и жертвами, но и приводила к *откровенной асимметрии*, связанной с новым составом исторических условий, в которых, надеялись быстрее повторить чужой пройденный путь. Тогда *интеллектуальный навес* в виде образованного радикального слоя явился расплатой за неуклюжую попытку открыть ворота образования, но не допускать этих «новых» в экономику, бюрократию и управление. Этот навес образовал радикальный заряд неимоверной мощности, который не только в конце концов смел царский режим в мусор истории, но и навсегда оставил за нашей страной статус интернациональной родины всех революционеров и радикалов.

Россия и экономический рационализм — две несовместные вещи. Причем так, что где-то и когда-то космические успехи родины социализма настолько тревожили даже жиревшее от благополучия американское общество, что своим достойным общественным положением и высоким заработком американский профессор был во многом обязан своему коллеге, находившемуся за железным занавесом. В определенный момент этот занавес оказался шлюзом.

Созданный социализмом интеллектуальный навес над неэффективной экономикой и примитивной бюрократией, требовавших субъективного фактора такого же качества, спокойно вышел через открытый шлюз "железного занавеса" заполнив престижные ниши потребностей западных обществ в развитии науки, технологий, образования и культуры. Никакая статистика не в силах оценить подлинные стоимостные масштабы этого слитого вершка, на порядки превосходящие миллионы тонн нефти и всего остального, ушедшего в тот же шлюз и в то же время вместе с львиной долей средств, вырученных за этот источник.

Поэтому *внешняя трудовая миграция* для России не просто одно из явлений позднего советского и постсоветского времени, и даже не просто самое худшее из всего плохого, происшедшего в годы столь же неуклюжих либеральных реформ. Здесь, по убеждению автора, скрывается нечто гораздо большее, способное, возможно, составить ключ или, если скромнее, *исходную предпосылку* для открытия и анализа самой глубокой, интимной и сокровенной *специфики России* и ее особого места в мировом сообществе. Причем места — как в исторической ретроспективе, так и на будущее, поскольку как известно, история, к конечному счету, интересует нас лишь как средство понять современность.

Что упало — то пропало, и в нашем представлении необратимо происшедшего процесса растворения возвышавшегося интеллектуального вершка прежнего советского общества в *мировом хозяйстве и культуре*, мы далеки от оценочных суждений. Да и какие здесь могут быть оценки, если само сравнение социальных и экономических условий функционирования рабочей силы высшей квалификации в нашей бывшей стране и за рубежом не просто несерьезно, но и аморально.

Поразительно другое. В теперешней России, какой она стала почти десятилетие назад, та бывшая пропасть только разверзлась, причем на целые порядки раз. И это не касалось только преподавателя научного коммунизма или политэкономии социализма, потребность в которых просто исчезала. Это коснулось непосредственно всей *интеллектуальной элиты* в науке, образовании и культуре, за исключением той мизерной ее части, которая нашла себе совершенно новое применение в бизнесе и управлении или связанных с ними сферах. Но это изменение имеет принципиальное функциональное содержание. Доцент с магазином, а профессор с инвестиционным фондом — уже не наука и образование, а особая социально-историческая реальность сегодняшней страны, на ее совершенно специфическом этапе развития, или, скорее, этапе существования, поскольку и это последнее может стать проблематичным в будущем.

Мы поразились усилению различий социально-экономических условий функционирования наиболее высококвалифицированной рабочей

силы в современной России и в современных развитых, и даже развивающихся странах. Поспешим и здесь сразу снять всякую эмоциональность из такой оценки. Нет здесь ничего поразительного, если рассматривать это недоразумение в контексте всех других социальных и экономических последствий, настойчиво проводившихся все эти годы либеральных реформаций.

С точки зрения единообразия внутреннего устройства и внешнего поведения всех стран по мере углубления глобальной интеграции, которое США и другие развитые страны рассматривают как признак и неотъемлемое условие собственного комфорта и безопасности, Верхней Вольты с ракетами, каковой, по их мнению, является сегодня Россия, незачем иметь такую масштабную и ничем не обоснованную систему науки и образования. Расходы на них должны, наконец, сжаться до соображений здравого смысла, т.е. стать "нормальными", соответствующими *отсталому технологическому уровню* устаревшего производства, допотопной инфраструктуры и реальному периферийному месту нашей страны в мировой экономике и политике, месту богатой страны с бедными людьми.

В конечном счете последней тайной современного либерализма, применяющегося в глобальном масштабе, является такая идентификация способов, средств и направлений развития, которая создает для всех стран, неотвратно втянутых в этот процесс, одинаковые "равные" и "справедливые" правила игры. Но это равенство и справедливость имеют одну существенную особенность. В условиях жесточайшей международной конкуренции, среду которой и призваны обеспечить навязываемые очень разными способами одинаковые либеральные принципы, *любой стране в этой глобальной системе на век уготована та роль и значение, которые отвечают интересам ядра наиболее развитых и сильных стран*. Даже само ее суверенное существование начинается рассматриваться с точки зрения пользы и потребности глобализации в самовоспроизводстве и развитии.

Не наша задача обращать внимание на то, что все инвестиции и поддержка развитыми странами российских либеральных реформ имела условием идеологический, финансовый, а затем и административный *контроль* над управлением, осуществлявшимся сменяемыми друг друга «командами реформаторов». Ну как можно было сохранить власть почти десять лет, ничего не производя, без той помощи на определенных условиях? Многое произошло так, как и должно было произойти, т.е. по зарубежному сценарию. Оно, другими словами, явилось единством сознательного и бессознательного, что можно считать произошедшим в самом прямом смысле объективно.

Это мы о том, что принципиально не разделяем точку зрения некоего заговора сознательно разрабатывавшегося против нашей страны в тиши чужих кабинетов. Мы сами явились и *авторами*, и *исполнителями* этого сценария и некого винить в том, что его содержание оказалось неожиданно совпадающим с самыми серьезными и казавшимися неслыханными мечтами самых радикальных советологов по профессии.

У нас почти нет угольной промышленности, состояние военно-промышленного комплекса может вызывать только чувство жалости. На том оборудовании, которое еще есть, обрабатывающей промышленности осталось работать всего несколько лет. Одна, но серьезная встряска, показала, что вся финансово-банковская система — простой мыльный пузырь, надутый для спекуляции и перераспределения. Это все уже настолько известно и банально, что пристало извиняться за это перечисление.

А вот что действительно поразительно во всем этом плохом и худшем, так это то, что и в этих экстремальных условиях рано говорить о развале системы образования и отчасти науки. Они обнаруживают поразительную *живучесть* и *приспосабливаемость* ко всем негативно изменяющимся обстоятельствам социальной и экономической жизни окружающим их. В этой живучести, возможно, скрывается некоторая генетическая предопределенность и неискоренимость российской национальной специфики, национальной психологии и жизненного поведения.

Таким наблюдением мы отнюдь не претендуем на оригинальность, а просто открыто заявляем о своей солидарности с соображениями сотрудников института проблем глобализации, изложенными в недавно опубликованной книге «Практика глобализации: игры и правила новой эпохи».¹

Ее завершающая, всего в несколько страниц часть, названная авторами «Гипофиз человечества», действительно вызывает замирание дыхания, о котором пишет в самом начале редактор книги и директор института, результатом пятилетней работы которого эта книга является. Но сердце замирает не «в немом и беспомощном восхищении перед ослепительной простотой той всепоглощающей и всеобъемлющей борьбы человечества за существование и с самим собой, которая и образует его жизнь», а скорее от предчувствия понимания возможностей и позитивных перспектив вполне конкретной части человечества, которая называется Россией. Хотя это, конечно, только «возможности понимания», а, как хорошо известно, не всякой, даже реальной возможно-

¹ См.: Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Под ред. М.Г. Делягина. М., 2000.

сти дано воплотиться в действительность. Вряд ли найдется хоть какая-либо другая страна, имевшая в недавней истории столько реальных возможностей и перспектив и «свалившаяся» в конце концов в самую простую и примитивную из них.

Неискоренимая национальная специфика России оказалась еще раз исторически доказанной решительным *отторжением* либеральных реформаций последнего десятилетия, вследствие которого все они превращались во внешние формы совершенно других по содержанию процессов. Их еще предстоит исследовать. Это вновь, и уже в который раз, актуализирует старую-старую дилемму насчет того, чем и как можно понять Россию и возможно ли такое вообще? Если при этом оставить в покое ум, а говорить о рассудке, то действительно в соображениях здравого смысла, прагматизме, позитивизме и экономическом рационализме не удастся зафиксировать ни одной из тех характерных черт, которые позволили бы самоидентифицировать как все российское общество в целом в его историческом развитии, так и отдельного его представителя, выражающего психологически и культурно этот общий тип.

В конце концов, мы можем назвать все проводившиеся до сих пор либеральные реформы как сознательно и бессознательно навязываемые обществу стандарты жизни и корректировки общественного сознания в конкурентных интересах более развитых стран. Глобализация — жесткая вещь, катастрофически усиливающая внешнюю конкуренцию и подрывающая стимулы внутренней. Выжить России удастся только в том случае, если она нащупает модель своего развития, которая будет настолько особенной и специфичной, насколько особенно и специфично само российское общество. В условиях глобализации именно такая особенность становится *главной производительной силой*. Во всем остальном, стандартном и единообразном, мы обречены встраиваться в хвост развитых стран ядра мировой экономики, исполняя движения, предопределенные их целями и интересами, и довольствуясь тем, что ограничено для нас их рамками.

Россия не может стать в обозримом будущем глобальным экономическим конкурентом развитых стран. Для этого у нее нет ни возможностей, ни сил, а инвестиции ограничены как внутренне, так и внешне. Но не это главное. Историческая трагедия догоняющего развития должна, наконец, быть понята во всей своей беспощадности. Нельзя повторить быстрее чужой пройденный путь в новое время и в новых условиях.

Не безусловно, но вряд ли вероятно, что России удастся на долгое время остаться сильной в военном отношении державой. Ее технологическая и экономическая слабость и разрушенный военно-промышленный комплекс при стремлении сохранить военную мощь

могут надорвать силы и изолировать страну, отодвинув ее еще дальше на периферию мировой экономики и политики. По крайней мере, если грубая сила и необходима, хотя бы для того, чтобы тебя просто не растоптали в суеде глобалистских потрясений и передраг, то она уж никак не может являться эпицентром позитивных национальных устремлений к развитию. Хотя выживание в любом случае остается неизбежным условием развития.

Сокровенной особенностью России, которая может превратиться в ее главную производительную силу, может стать по-видимому продукт, созданный сложностью и специфичностью исторических условий, в которых происходило и происходит ее существование и развитие. Этим «продуктом» является *сам человек*: его оригинальный взгляд на мир, нестандартное мироощущение, не укладывающееся в рамки целерационального мышления и поведения. Такая *нестандартность* объективно порождает творцов и революционеров. Исторически Россия уже дважды доказывала практическую способность создавать в значительном количестве такой интеллектуальный заряд, который возвышается над рассудочным, прагматическим равновесием характера и способа *развития* способностей, с одной стороны, и сфер, а также возможностей их *применения и реализации* — с другой. Она доказала также и то, что сама не способна рационально использовать это преимущество.

Один раз оно обернулось гибелью для самого создателя, а «продукт» сотворил невиданный в истории самый громадный по масштабам исторический эксперимент. Уже в ходе него произошло опять то же самое. Создав уникальную и по-видимому самую лучшую в мире систему образования, результатом которой стал грандиозный научный потенциал, а также общественная психология, безоговорочно признававшая высочайшее общественное значение интеллектуального труда, система реального социализма оказалась не в состоянии обеспечить применение и использования этого богатства. В лучшем случае она была вынуждена терпеть интеллектуалов в сфере военно-промышленного комплекса (некуда было деваться, нужен был реальный материально-вещественный продукт). Зато сфера управления и социально-гуманитарного знания сознательно и планомерно избегала умников, творцов и революционеров, а добросовестных исполнителей в России никогда не было и вряд ли когда-нибудь будут. Последние, по крайней мере, не допустили бы такого краха режима.

Своим иным или противоположным себе творцы и революционеры имеют, однако, не добросовестных исполнителей, а хитрых прохиндеев и махинаторов, доходящих до воров и жуликов. Они тоже имеют отношение к творчеству, по крайней мере, в отношении к рассудочным правовым установлениям либеральных государств. Об этом им напомнила

российская предпринимательская и криминальная миграция в то же самое время, когда другая ее часть занимала достойные места в науке, технике и культуре.

О внутренних проблемах реализации и самовыражения этого «побочного продукта» интеллектуального потенциала мы не говорим. Такой благоприятной почвы разрастания этого «творческого» чертополоха (его, однако, безусловно, придется признать в качестве закономерного результата «нестандартного мироощущения» и «оригинального взгляда на мир»), которую создали либеральные реформации в России, не было никогда, даже в старые темные времена смуты. Царский воевода раннефеодального периода — просто ребенок в свободе и развязности своих возможностей и способов действий, в сравнении с ельцинским губернатором.

И все же именно *производство творцов и революционеров* может составить то, что обеспечит не только сохранение самоидентификации российского общества, но и его развитие, став одним из немногих, если не единственным, но зато устойчивым стратегическим конкурентным преимуществом.

Так именно и представляют себе возможным выход России из сегодняшнего катастрофического кризиса авторы книги о практике глобализации. Они пишут: «Сконцентрировались на этом, превратив себя в своего рода «гипофиз человечества», Россия сосредоточит свои усилия на развитии того, что в ней хорошо, откинув то, что плохо: «внедрение» - штука прозаичная, Китай с Азией справятся с этим если не лучше всех, то, во всяком случае, лучше нас. Наше преимущество перед ними кроется в общественной психологии, «национальном характере», который в целом не позволяет им создавать творцов и революционеров — только добросовестных исполнителей, хотя и высокого уровня. ...Конкретизация этих достаточно общих положений, показывает, что объективное место России в мировом разделении труда — подготовка и поставка интеллектуального сырья, в первую очередь для транснациональных корпораций, которые умеют их использовать наилучшим образом. Они умеют использовать, а российское общество в силу уникального и, к сожалению, весьма болезненного сочетания культурно-исторических факторов, в силу своих особенностей и несчастий остается конвейером по производству самого дефицитного и самого нужного в условиях глобализации и развития информационных технологий «человеческого материала»... «интеллектуального полуфабриката», способного к творчеству и систематическому генерированию принципиально новых идей. Не следует ждать, что заметная часть

этих людей сможет найти себе применение в России, но лучше что-то, чем совсем ничего»¹.

Отношение к такому заключению, которое вместе с тем выглядит достаточно абстрактной идеей, может быть очень сложным и неоднозначным. Оно может достаточно льстить национальному самосознанию, поскольку воздвигает Россию на совершенно особое место в системе глобализации, с другой стороны, в нем достаточно цинизма, поскольку живых людей представляют сырьем для дальнейшей обработки и производства, заведомо отказывая большинству из них в возможности рационального применения у себя дома на родине. Но больше всего здесь вопросов, требующих дальнейшей конкретизации.

Итак, автор разделяет основное содержание этой идеи уже потому, что не видит ей никакой реальной альтернативы. Понятно также и то, какое фундаментальное, системообразующее значение призвана сыграть миграция и все, связанные с ней сферы в будущем возрождении России, если оно состоится и если его характер будет хоть в какой-либо степени соотносываться с обозначенным здесь направлением, имеющим реальную историческую подпочву.

Исходя из принимаемой точки зрения будет безусловным и то, что среди разнообразных причин и предпосылок внешней миграции России последних десятилетий, мы выделяем ее *субстанциальной основой* именно «утечку мозгов», в каких бы многообразных по принятым классификациям формах и разновидностях она ни проявлялась. Эту безусловность лучше всяких пространственных рассуждений иллюстрирует остроумный анекдот самого последнего советского времени, где служащий в аэропорту Израиля уверенно спрашивает прибывшего из Советского Союза: «Вы — врач?». «Да», звучит ответ. «Но откуда вы знаете?» «Ну, вы же без скрипки?».

По-видимому, это все, что понятно и ясно из сказанного выше. Дальше — одни вопросы. На сегодняшний день не представляется возможным даже помыслить о том, каким образом страна, производящая интеллектуальное сырье, возместит себе эквивалент за произведенный ею продукт. Да и какова его стоимость? Разве она определяется затратами на его производство? Будет ли потребление продукта временным, или он исчезнет для страны, его взрастившей, навсегда, поменяв место жительства и гражданство? Всякое ограничение на этот счет будет попахивать рабством, а выкуп или постоянное финансовое обязательство перед страной экспортером — феодализмом.

¹ Там же, с. 326-327.

Авторы цитируемой книги считают, что специализация по подготовке интеллектуального сырья для развитых стран должна представиться в целом благоприятной для российского общества: «Ведь интеллект можно воспроизводить только при высоком уровне образования и, соответственно благосостояния. Поэтому в случае закрепления России в роли поставщика «интеллектуального полуфабриката» его основные потребители — развитые страны — будут непосредственно заинтересованы в поддержании высокого уровня жизни в нашей стране и, соответственно, ее относительного благополучия»¹.

Это можно считать сомнительным, поскольку все осуществлявшиеся до сих пор усилия со стороны развитых стран свидетельствовали как раз об обратном. Относительное сокращение социальных расходов, инспирируемое монетаристскими рецептами, выписываемыми на Западе, включает постоянное сокращение затрат на образование, что собственно и имеет место. Новая правительственная программа, кроме деклараций по поводу социальной значимости образования, ничего принципиально не меняет на этот счет.

Реально осуществлялась раньше и осуществляется теперь выборочная поддержка определенных сфер образования, пользующихся наибольшим спросом за рубежом, вплоть до адресной поддержки отдельных ученых и студентов. Но это имеет вполне прагматичную цель заполучить конкретных специалистов в качестве мигрантов, причем практически бесплатно, поскольку размеры различных грантов и стипендий практически не сравнимы с теми реальными выгодами, которые принесет в будущем вербуемый на миграцию специалист. В основном финансовая поддержка расходуется на коррекцию мировоззрения и адаптацию будущего мигранта к западным стандартам профессионализма и образа жизни.

До последнего времени западный мир получал российские "мозги" вообще бесплатно, что было и есть практически естественно при чудовищном разрыве в уровнях социальных и экономических условий жизни и деятельности высококвалифицированной рабочей силы у нас и в развитых и даже развивающихся странах.

Наверное, подлинными патриотами можно считать только экономистов и философов, поскольку они действительно там не нужны, хотя, даже в отношении последних, это не безусловно. Добротное знание мировой классической философской культуры, свойственное значительной части наших обществоведов, делает их конкурентоспособными на рынке образовательных услуг в развивающихся странах.

¹ Там же.

Пока все идет по сценарию прямо противоположному тому, который был бы возможен на основе вышеописанной идеи, и все по изобретаемому и исполняемому нами сценарию, в чужих интересах. Все кроме одного. Еще рано говорить о развале системы образования, хотя на всех его уровнях, включая самую раннюю, заметны признаки грядущей катастрофы. Образовательный суррогат для подавляющего большинства и дифференциация, выделяющая элиту по имущественному признаку. Все образовательные ступени постоянно подвергаются испытанию этим жестоким прагматичным принципом рационалистического мира. Вот тебе минимальная пайка культуры и знаний. Большая, чем та, чтобы уметь ковырять мотыгой, но и не намного превышающая ту, чтобы просто не быть «чайником» возле компьютера. За все остальное — плати.

Одной из характерных черт социалистического образования являлся его универсализм, т.е. значительное превышение общекультурных, социально-гуманитарных знаний над прагматическим составом профессиональных способностей и навыков. Сами специальности определялись широко и многовариативно. Фактически, внутренняя структура образования повторяла структуру социальных сфер и их общественной значимости, в которой образованию и интеллекту придавалась совершенно особая роль. На Западе аналогичная структура учебных программ характерна только для университетов и то, только для некоторых специальностей.

Конечно, особая роль общественных наук в социалистическом образовании обуславливалась идеологическими соображениями, необходимостью формирования официально принятого и единообразного мировоззрения. Но как это часто бывает, она достигала прямо противоположного результата. Нормальной реакцией подавляющего большинства студентов на систему догматизированных, прямо противоположных реальным фактам, навязываемых и опостылевших заклинаний было развитие критического способа мышления. Это собственно и составляет исходную предпосылку нестандартного мироощущения и оригинального взгляда на мир.

Во-первых, при всей примитивности учебных программ по общественным и гуманитарным дисциплинам за ними стояла европейская культура наипервейшей пробы, и самый тупой из общественников вынужден был так или иначе упоминать «святые» имена. Это уже давало слушателям объективные основания познакомиться с ними в подлинном виде, даже если сам учитель путал Канта с Контом, а Гегеля с Гоголем.

Во-вторых, среди самих обществоведов было немало достаточно образованных и критически мыслящих специалистов. Это последнее

качество можно было считать синонимом порядочности, поскольку до какой же степени надо было стать лицемерным, чтобы серьезно и без тени иронии вещать с кафедры то, что требовала официальная идеология, становившаяся со временем все более смешной и обличившей, как старая горжетка. Большинство все же допускали двусмысленность, недосказанность или просто оставляли проблемы в кричащей антиномической противоречивости. Это заставляло думать, сомневаться, внутренне протестовать, оставаясь при этом в рамках правил этой много-сложной игры во многих регистрах сразу и непосредственно.

Святослав Федоров, один из тех самых неординарно мыслящих и действующих россиян, талантливый врач и не менее оригинальный общественный деятель, к сожалению, преждевременно ушедший из жизни, однажды заключил: «На Западе все очень просто, ну прямо балалайка какая-то: деньги — товар — деньги. Заплатил — получил, поработал — заработал. Все ясно, просто и понятно. У нас — по-другому. Райком партии — это орган. К нему просто так не подступишься. Придется шевелить сразу и руками, и ногами, и головой, причем головой сразу в нескольких измерениях». Не может же это означать, что сломанный раз и навсегда этот комплицированный, но тяжелый и неуклюжий инструмент так уж необходим, что без него не может ни возникнуть, ни быть исполненной полифония сознания и мышления.

Здесь возникает, наверно, самый сложный и самый трудный вопрос о том, а что составляет это загадочное качество оригинального взгляда на мир и нестандартного мироощущения, которые мы, как нечто само собой разумеющееся, приписываем общественной психологии своего национального характера? Уж сколько об этом было сказано, в последнюю пару веков, но вряд ли эта «необъятная русская душа» хоть внешним образом была бы оформлена способом понимания, необходимым для того, чтобы перейти от ощущения и переживания к чему-нибудь более конкретному. И каким образом эта нестандартность и оригинальность способна превращаться в главную производительную силу глобализируемого мира? Ведь сами эти качества необъятного спектра и бесконечного содержания.

Один, еще мальчишка на вид, кончивший «физтех», прямо сегодня на американском оборудовании останавливает луч света, определяя новый чудовищный прорыв в научном прогрессе всего человечества. Другой — тоже на американском оборудовании отпускает клиентам бензин, мешая его с водой. Заметьте, не с чем-нибудь, а именно с водой! Еще неизвестно, кто из них производит более нестандартное «впечатление» на рассудочного американца. Второй, по крайней мере, точно производит шок, и не в последнюю очередь потому, что это действие одновременно лишено и разума, и смысла, и хитрости, но уж точно

оригинально. Все веками формировавшиеся правила и принципы честной игры в добропорядочном предпринимательстве в одночасье обнаружили свою рассудочную ограниченность и условность, достаточно было только российским деньгам и новым «творческим» финансистам выйти на поле и более или менее серьезно вступить в игру. Даже грязь одни могут считать навозной жижей, а другие мутной водой, которая, как известно, может быть одним из «факторов производства».

Поэтому с «производительностью» нестандартности и оригинальности все, конечно, далеко не так ясно, что, однако вовсе не освобождает от необходимости совершенно серьезно, безотлагательно и системно исследовать принципиальные черты нашей общественной психологии и национального характера. Это, разумеется, может обозначить конструктивные перспективы, а не просто продолжать льстить национальному самолюбию и очарованию таинственности и загадочности, только в том случае, если идея специфичности объективного места России в мировом разделении труда будет признана такой, как она представлена выше.

Отдавая себе, полный отчет в том, что исследование содержания творческого, революционного характера способностей, систематически генерирующих принципиально новые идеи, есть грандиозный по масштабам и сложности комплекс научных проблем всех общественных и гуманитарных наук, мы должны остановиться.

Вместе с тем позволим себе сделать только некоторые замечания по поводу той *среды*, в которой произрастает с необходимостью, достаточно прочно подтвержденной историческим развитием, этот интеллектуальный избыток или вершок, образующий навес над рациональным равновесием уровня образованности и способностей и возможностей их реализации и применения.

Достаточно было только упомянуть о среде, как автор даже к недописанному тексту уже получил замечания и возражения. Ему заметили насчет любви к выражению «интеллектуальный навес». А почему не назвать ту среду, в которой он происходит — «шарашкой»? Уж, какой это стимулирующей силы институт организации научного творчества и систематического генерирования принципиально новых идей — это еще помнят некоторые дожившие до сегодняшних времен достойные профессора и академики. А может это и действительно так. Творцы и революционеры возникают не по естественноисторическим причинам особенностей национального характера и психологии, а когда палкой загоняют в рай и безапелляционно учат других, как им быть счастливыми. Тогда возможно, принципиальные черты национального характера могут возникать и осуществляться только за скрытыми от посторонних глаз решетками «шарашки» и под органную музыку райкома

партии, звучащую через догматизированную и извращенную до неузнаваемости фальшивую и лицемерную идеологию, узурпировавшую в родство с собой классическую культуру.

Видимо авторы «Практики глобализации» интуитивно ощущают эту трудность, понимая, что функция гипофиза предполагает болезненное сочетание культурно-исторических факторов. Другими словами, то, что для всего мира болезнь, для русского нормально. Наша история двух-трех веков, по крайней мере, и есть самая настоящая болезнь с разными названиями: то задержавшийся царизм как свинка в сорок лет, то большевизм как чума на пиру. И статья теперь для развитого мира «инкубатором мозгов», разве это не продолжить ту же органную музыку? «Подобный «инкубатор мозгов», — пишут авторы, — будет занимать в высшей степени двойственное положение в мире глобальной, небывало ожесточенной конкуренции. Это будет предопределять болезненную раздвоенность сознания его граждан и в этом смысле — сохранение принципиальных черт нашей общественной психологии, не самых удобных и комфортных для ее носителей, но обуславливающих сохранение России как России, вместе с ее единственным, но зато устойчивым стратегическим конкурентным преимуществом»¹.

Вполне возможно, что доля цинизма, постоянно присутствующая во всей идее «гипофиза человечества», здесь уже начинает доминировать, разрушая меру. Если умный народ принципиально и пожизненно не способен обеспечить применение этому своему качеству, кроме как такого, чтобы попытаться им торговать по схожей цене, то не ставит ли это под сомнение само то качество, которое по самой своей сути универсально.

Оставим самих себя и читателей на этом хмуром распутье. Автор думает, что в любом случае убедил читателя в том, что Россия в процессах международной миграции и миграция для России имели и имеют исключительное значение, даже без предположений о том, что покажет будущее. История же, как мы упоминали, может интересовать нас лишь как способ понять современность.

История российской миграции — без преувеличений — удивительная вещь. Не удастся даже точно отдифференцировать все ее волны и потоки, причины и стимулы, не говоря уже опять об особенностях русского национального характера, попавшего в эмиграцию.

Если первый телевизор изобретается не в России, но русским, то Рахманинов, лишенный родной почвы, за все долгие годы эмиграции, не создал ничего, что было бы хотя бы равным по значению тому, что

¹ Там же, с. 327-328.

он сочинил у себя дома, хотя на Западе его помнят как непревзойденного виртуоза-исполнителя.

Миграция рабочей силы — одна из существенных черт мировой экономики и политики и, как таковая, требует пристального внимания и изучения. Но как только мы связываем международные миграционные процессы с Россией нам трудно отделаться от неприятного ощущения этого самого хмурого распутия.

В.А. Королев

Э. Ильенков: социальная сущность человека и перспективы социализма

В 1990 году на первых Ильенковских Чтениях один из ее участников задал докладчику вопрос: «Если бы Ильенков был сейчас жив, он был бы с коммунистами или с демократами?» Последовала недоуменная молчаливая пауза большинства участников конференции. Задавший вопрос расценил ее как замешательство, и сам поспешил дать ответ: «Уверен, что Ильенков был бы сейчас с демократами».

Тогда никто не стал обсуждать эту тему. На последующих Чтениях, проводившихся после августа 1991 года, вопрос об отношении Ильенкова к теории и практике социализма возникал стихийно, но никогда подолгу не дискутировался. И мне кажется, что это было не случайно, хотя бы по той простой причине, что все его творчество целостно и гармонично. Из него нельзя вырвать какой-либо один фрагмент и разворачивать его лишь в одной, скажем, политической плоскости.

Абсурдна сама мысль о том, что Ильенков мог отказаться от своих убеждений. Перед личностью, дозревшей до научно-теоретического и диалектического мировоззрения, вообще не может возникнуть такой проблемы. Даже веру, как мы видим, можно с выгодой для себя, менять (если, конечно, она не доведена до фанатизма). Убеждение же — это зрячее состояние человека, позволяющее увидеть в единичном факте или событии действие объективного закона, согласно которому существует и развивается действительность. Жизненная сила убеждения — в познавательной активности человека. Колыбель такой активности — удивление. Не случайно глаза удивленного человека похожи на взгляд

младенца. Правда, колыбель пространственно очень ограничена, и многие из нее так и не выползают.

Понятно, что основой убеждения не может быть просто сумма научных знаний. Сколько их сегодня заслуженно и незаслуженно обремененных учеными званиями и регалиями, стоят со свечками и крестятся перед иконами. В основе убеждения может быть лишь *сплав ума с совестью*. Не лишним будет замечание и о том, что совесть здесь понимается как форма проявления внутренней свободы человека.

В чем же воочию убедился Ильенков, чтобы затем последовательно двигаться в одном направлении? Я уверен, что эту убежденность Ильенкова можно выразить одной емкой фразой: человек — существо исключительно *социальное*, а не биологическое. А другая вещь, которая лежит в основании его представлений о социализме, это констатация того, что человек до сих пор живет *отчужденной* жизнью. Ведь уже Диоген понимал, что сущность человека не совпадает с его существованием.

Здесь стоит сказать, что современные исследования человека в нашей стране в основном далеки от того, что доказывал Ильенков. Например, в начале 90-х годов у нас открылся Международный университет природы, общества и человека под названием «Дубна». В структуре университета имеется кафедра биологии и физиологии человека. И уже из названия этой кафедры можно сделать вывод, что такой университет занимается чем угодно, но только не исследованием социальной природы человека. Более того, в большинстве научных и образовательных учреждений даже не могут правильно сформулировать эту проблему. А когда нет правильно сформулированного вопроса, тогда в принципе не может быть и правильного ответа. Нет сомнения в том, что одним из препятствий к постановке вопроса о социальной сущности человека является боязнь впасть в противоречие, хотя «противоречие, — по Гегелю, — есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения»¹.

Сущность любого явления определяется через его противоположность. Диалектической противоположностью человека является вся бесконечная природа. Если это так, то логично предположить, что человек появился одновременно как часть природы и как ее *альтернатива*. Эта мысль вытекает практически из всех работ Ильенкова.

К сожалению, в рамках данной статьи можно лишь упомянуть, что природа исчерпывает свою роль в «подготовке» человека в границах адаптациоморфоза — в эпиморфозе, т.е. когда живой организм настолько *деспециализирован*, что его виду начинает противостоять (уг-

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.1, М., 1970, С.265.

рожать!) не только максимально расширенная среда обитания, но и *он сам* в равной или даже в большей степени, чем другие виды и факторы среды обитания. Эти обстоятельства имеют определенное значение для понимания негативных сторон в истории человека и их необходимо удерживать (не упускать из виду) в ходе дальнейших рассуждений.

Изменяя природу силами самой природы, и в этом как раз и состоит «хитрость разума», человек шлифовал свое тело в двух направлениях: с одной стороны, шлифовалась (совершенствовалась) его естественно-природная морфофизиология; с другой стороны, природное тело постоянно усиливалось (наращивалось) предметами культуры. Не только способы бытия, но и телесность все в большей степени становились не частью естественной природы, а частью создаваемой им «*второй (культурной) природы*».

Помимо этого, человек в акте предметного преобразования мира одновременно и раскрывал и формировал (лепил) свою предметную телесность посредством ее *удвоения*. Другими словами он постепенно *выносил наружу* функции своих органов, перекладывая их на силы природы. Например, фармакологические заводы и фабрики и есть вынесенные наружу функции желез внутренней секреции человека. Через все эти процессы идет удвоение телесной плоти человека, которая предстает перед ним в виде его «опредмеченной» физиологии, в виде функционирующего тела цивилизации. Подобие «мозга» этого тела в виде государства сегодня усиливается ЭВМ и АСУ. И это последняя функция естественно-природного тела, которую человек выносит за пределы своей телесности, *завершая* тем самым технологическую и организационную *предысторию* своего развития. И внутри этого, пока еще несовершенного, недосформировавшегося «тела», как раз рождается и формируется наше, пока еще несовершенное, сознание.

С самого начала в предметах культуры по-своему снимаются и нивелируются естественно-природные особенности конкретного индивида. К примеру, ложкой, дверной и пишущей ручкой и т.п., одинаково пользуются рыжий и синеглазый, белый и чернокожий, тонкий и толстый (человек). Формы и свойства предметов культуры как бы делают несущественными все перечисленные качества индивидов. Каждый с предметами культуры делает то, что может и должен делать с ними любой другой в соответствии с их (предметами) социальными (общественными) функциями. Без этого невозможно никакое культурное (человеческое) общение и совместная деятельность людей, невозможна сама история. Вот *на этой почве* индивид и вынужден проявлять себя как социальное существо, т.е. существо, осваивающее мир и взаимодействующее с ним (с очеловеченным миром) способами, самой приро-

дой *не предусмотренными* и в самой природе вне человека *не существующими*.

Сторонникам культа человеческой индивидуальности трудно понять, что природная индивидуальность, во благо и к счастью для человека, уничтожается, снимается предметами культуры. Пользуясь ими, человек преодолевает *сопротивление* своей органики, приспособлявая ее индивидуальные и видовые особенности к предметам культуры. Проходит ни один год, пока индивид научается манипулировать даже простыми предметами. Более сложные предметы культуры порой требуют всей жизни, хотя так и не осваиваются окончательно. Не осваиваются не только потому, что индивид является агентом и главное — *источником* творческой деятельности, но и потому, что осуществляет и осваивает он эту деятельность не непосредственно, а *через сложную систему посредников*. Дело случая (судьбы), кто и как именно оказывается посредниками у конкретного индивида. Но их массовость и респектабельность еще не дает гарантии, что индивид впитает через них подлинную культуру, а значит гуманизм, а не его суррогаты.

Рост населения планеты, живущего по законам социальной организации, доказывает большие преимущества людей, по сравнению с животными, живущими в соответствии с законами естественного отбора. Первое *планирование* в период возникновения общественного способа производства прервало людоедство, дикарское отношение к себе подобным. Законы даже рабовладельческого общества несоизмеримо выше законов естественного отбора. Какое же надо иметь дикое сознание, чтобы в самом акте планирования жизни человека не видеть основу подлинного *гуманизма*. *Планирование под силу лишь развитому и сильному обществу, а его неразвитость выражается в опоре на стихию случая*.

Объективно человек смоделировал свою «вторую природу» в виде *функционирующего тела цивилизации*, конечно, это тело далеко от совершенства, оно громоздко и неповоротливо. Но человек противостоит и всегда будет противостоять с помощью этого тела «первой природе». И без «второй природы», без ее постоянного совершенствования, человек развиваться не сможет. Но при такой постановке вопроса может показаться, что в самой социальной природе человека заложены основы его гибели. Ведь цивилизация губит планету, а заодно и человечество. Но в том-то и суть социального развития, что в то же время *благодаря ему* (социальному развитию) человек смог и сможет выжить. И в этом состоит *диалектика* человеческого существования. Если еще при этом не отождествлять *цивилизацию*, как это часто делают, с подлинной природой человека.

Благодаря созданию «второй природы», передаче ей функций органов живого организма, человек смог установить и присвоить все необходимые условия для своей жизнедеятельности, а их насчитывают около ста. Но только при условии, если культурное тело человеком будет доведено до уровня *единого, целостного социального организма*, он перестанет бесцельно уничтожать «первую природу». Человек (общество) таким образом, вновь обретет былую органичность и способность беспрепятственно аккумулировать и расширять в пространстве способы своей жизнедеятельности.

Из всего вышеизложенного можно сделать важный вывод о том, что человек в наши дни противостоит себе как *враждебная сила* вовсе не потому, что он человек, а потому, что он еще не *стал* им в полной мере. И к природе он настолько относится не по-человечески, насколько в себе он еще *не преодолел* природные качества.

Максимально «освободившись» от естественно-природных органов, специализирующих его как биологический вид, человек начал *социально специализироваться*, взяв в руки орудия труда. Труд создал человека, но труд в той форме, в какой он сегодня существует, самим же человеком подлежит *диалектическому уничтожению*. С другой стороны, как изуродованный разделением труда человек будет *уничтожать* отчужденный труд? Во имя какого идеала он будет это делать, если именно человек труда, на первый взгляд, с таким идеалом меньше всего соприкасается? Ответы мы ищем в марксизме. В связи с этим, что в марксизме увидел В. Ленин, Э. Ильенков и чего не могут увидеть его враги и ложные друзья?

Нередко в мире политики, особенно российской, и от «правых» и от «левых» можно услышать заштампованные фразы о лимитах на революцию. Фактически же устанавливают лимиты на борьбу противоположностей. «Правые» постоянно хотят убедить общество, что они как истинные гуманисты ведут речь об эволюционном пути развития, о бескровных способах преодоления негативных явлений в обществе, наличие которых они не отрицают. Но так ли это?

Мы, говорят правые, за либеральную экономику и частную собственность, во владении которой, по их мнению, проявляет себя естественная природа человека. Само собой разумеется, что они против того, чтобы видеть в человеке социальное существо. Либерализм в наших условиях, как и в истории, сочетается с представлениями о биологической сущности человека. Вспомним, хотя бы основателя либерализма Д. Локка, который строил свою либеральную доктрину на идее «естественных прав» человека. При этом, еще раз подчеркнем, что в таких случаях не видят серьезной разницы между естественно-природным и естественно-историческим развитием.

Но в том-то и дело, что отрезок истории, на протяжении которого индивид *выделялся* из общества, только кажется естественно-природным процессом. По сути же это есть время *становления* его социальной сущности. И этот крайне сложный отрезок в истории общества характеризуется «насыщением» индивида социальными качествами (способностями). Лишь на первых порах неструктурированное общество не может эффективно порождать и осваивать все формы человеческой деятельности. Видимо поэтому социальная значимость выделившегося индивида всегда отождествляется с той *формой деятельности*, которую он представляет. В свою очередь, и индивид ограничивается кругом отношений, элементом которых является его *индивидуально выраженной* деятельностью.

Марксизм стоит за уничтожение *всякой* собственности, но сначала она должна достигнуть уровня *собственности вообще*, связанной с мировыми деньгами. И при наличии ее развитых форм каждый индивид может получить *формальную возможность* приобрести любое социальное качество, стать агентом любой человеческой деятельности. Но чтобы эта возможность не осталась только возможностью, требуется *реальное обобществление (социализация)* во всех сферах социальной жизнедеятельности.

Мне могут возразить, что если подлежит уничтожению всякая собственность, то не может быть уничтожена общественная собственность, отражающая подлинную сущность человека. Ведь таковой собственностью может быть только то, что в силу ее собственной природы может принадлежать только всем сразу и никому в отдельности. Более того, чем больше ею пользуются, тем больше ее становится, в противоположность частной собственности, которую чем больше дробят, чем больше распределяют между индивидами, а значит тем меньше ее становится, тем беднее, с точки зрения содержания способностей, ее обладатели.

Вопрос об уничтожении всякой (в том числе и общественной) собственности, является весьма сложным и требует отдельного исследования. Но стремиться сделать всех частными собственниками – это равносильно тому, чтобы подвести общество к его первоначальному состоянию. Все войны и их последствия тому свидетельство. Как писали классики марксизма, «разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 31.

К примеру, когда индивид встает к участку конвейера, процесс труда не предполагает ни его индивидуальности, ни всего, что в нем есть человеческого. Движения такого рабочего, вся его телесность превращаются в элементы (узлы) станка. Ему ничего не надо обдумывать после того, как он освоил свою *функцию*. За него все продумано конструктором, инженером. И эта инженерная мысль, на которую делают ставку теоретики индустриализма, занята, и, тем самым, ограничена долей монотонного физического труда.

А чтобы снять эти ограничения, нужно решить одну единственную проблему: соединить безрукую голову одного человека, с безголовыми руками другого. Решить ее можно только при наличии *развитой* крупной промышленности. Там где она развита, там человек все больше *вытесняется* из материального производства в качестве *производительной* силы. И чем больше доля алгоритмизированного труда приходится на роботов, т.е. силы природы, тем больше индивид поднимается над собой, превращаясь в мыслящее существо. Ну как тут не поплодировать западной технологии.

При этом скорость насыщения рынка товарами настолько велика, что выпуск качественных товаров и более динамичный их количественный рост неизбежно влечет за собой необходимость быстрого технологического переоборудования производства. Выходит, как будто бы, правы те, которые полагают, что можно достигнуть необходимого уровня развития общества без социальных потрясений и политических революций...

Нет на производстве человека в качестве рабочей силы — нет и прибавочной стоимости, ибо машине нельзя не переплатить, не недоплатить. А организаторы производства и инженеры давно уже играют самостоятельную роль в управлении производством, а значит и в распределении результатов производства. Роль собственников средств производства настолько усечена, что за ними остается единственная последняя функция — платить заработную плату тем, кто реально владеет и пользуется средствами производства, кто реально ими управляет. Таким образом, как будто рождаются товарищеские отношения и партнерство между усеченными частными собственниками средств производства и организаторами (владельцами и пользователями) производства.

Но вот незадача: при наличии либеральной экономики *переналадка* производства *роботами* обходится гораздо дороже, чем осуществить техническое перевооружение с помощью живой рабочей силы. И вместо того, чтобы вкладывать средства в более высокие технологии, собственник вынужден на предприятие возвращать живую рабочую силу.

Япония тому яркий пример. И это не единственное, хотя и одно из существеннейших препятствий, на которое натолкнулся мир капитала.

Э. Ильенков понимал, что капитализм не является *реальной* альтернативой социализму. Вольно или невольно, но именно капитал в ходе своего развития уничтожил классического частного собственника, который и существовал-то лишь в период цехового производства. Кстати, не туда ли приглашают Россию горе-реформаторы, реанимируя класс частных собственников в исходном виде? Но в результате их потуг в области либерализации экономики у нас лишь раздулось до невероятных размеров количество посредников между производителями и потребителями. Чуть ли не треть самодельного населения превратилась в торгашей. Кроме как посредниками, эта громадная масса людей больше ничем быть не может. Этим социальным сдвигом и объясняется природа массовой болезни под названием *филистерство*, когда большинство охотно принимает идею развития без революции, о чем можно прочесть у талантливого польского философа и социолога М. Оссовской¹.

Так в каком же смысле общественная собственность (наука и естественно-природные условия всякой жизнедеятельности) подлежат уничтожению? Здесь стоит уточнить, что если наука как особая форма деятельности и форма общественного сознания остается уделом профессионалов, значит не беспочвенны абсурдные квазиконструкции в виде «интеллектуальной собственности». А естественно-природные условия всякой жизнедеятельности сегодня стали еще и предметом деятельности политиков, устанавливающих лимиты странам уже на чистый воздух.

Профессионалы в науке напрасно утешают себя тем, что якобы относятся к интеллигенции. Ведь профессионал — это индивид, преодолевший в себе хорошего ремесленника, но так и не ставший интеллигентом. А интеллигент, согласно Гегелю, — тот, кто способен на *универсальность* в деятельности и общении с людьми. В этом качестве интеллигент как *Человек и Личность* и есть истинный носитель общественной собственности.

Но интеллигент, не стоящий на гуманистических позициях, не вправе считать себя интеллигентом. Чего не может понимать такой горе-интеллигент? Я могу до бесконечности производить разнообразную продукцию и продавать ее. И кажется, что это может сделать меня свободным. Но на другом конце процесса обмена находится потребитель, неспособный принимать *участия* в вещах, а значит не способный реально оценить *значение* этой вещи для него как личности и человека.

¹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М., 1987.

Поэтому, чем больше он потребляет ненужных вещей, тем больше он от них зависит, а значит тем меньше в нем остается человеческого. Прямо или опосредованно своим ущербным потреблением он ограничивает меня как творца.

Совсем другое дело, когда я передаю не готовую вещь, а обучаю *способам ее возникновения*. Только в этом случае возможно зарождение и развитие подлинно товарищеских (а не рабско-господских) отношений между людьми, способных только при таких отношениях сотрудничать, а не конкурировать, в деле «очеловечивания» мира. И чем мельче производство и ниже технологии, тем больше простора для обезличенных отношений на уровне элементарной купли-продажи.

В СССР, как ни в какой другой стране мира, была реализована уникальная система *универсального образования*. Важно понять, что духовный и интеллектуальный уровень человека как производительной силы в СССР был настолько высок, что он раньше других почувствовал, что в производстве может обойтись без начальников (посредников). Поэтому и начался отказ от диктата государства, чиновника, производственной бюрократии. Вот только, если бы к своим ощущениям и чувствованиям человек труда добавил еще и понимание действительных мотивов противоборствующих сторон, то все произошло бы иначе.

Объективно рухнуло отрицаемое массами государство, а значит и миф о том, что только оно одно мешало прогрессу. Из подполья, наконец, вышел социальный слой, который все годы советской истории по сути выполнял эксплуататорскую функцию, так называемый «директорский корпус». Но выход его сильно запоздал. На Западе уже давно сформировался и существует в иных условиях примерно тот же класс производственной бюрократии. Может быть, он менее интеллектуален, но многочисленнее и дисциплинированнее класса советской производственной бюрократии. Вот она и произошла — пресловутая *конвергенция* наших стран и режимов. Хотя, чтобы выжить, бывшему СССР не следовало оглядываться на прошлое, а нужно было искать пути в будущее, стремиться преодолевать отчужденные социальные отношения. И все-таки историю не обманешь. Можно лишь временно ввести массы в заблуждение.

Где-то вынужденно, а где-то сознательно в этой статье были допущены упрощения. Но сознательные упрощения – это крик разума. Сколько же можно ерничать по поводу социальной сущности человека, по поводу «линейности» общественного прогресса. Никогда еще массовое невежество и довольствование им не делало человечество счастливым. Одно только созерцание вселенской слепоты и упоения ею политиками может вывести из равновесия любую *человеческую* психику. Поэтому можно понять имевшие место уныние и разочарование Ильен-

кова по поводу несоответствия декларируемого *идеала* и *способа* движения к нему.

Любое серьезное исследование социальной действительности неизбежно приводит к выводу – общество обречено быть обществом, а человек согласно своей изначальной сущности *социален*, а значит *коммунистичен*. Другое дело, в каких *исторических формах* предстает коммунизм в человеческой истории. Социальное единство может быть прямым и косвенным, непосредственным и опосредованным. И если сегодня мир стоит на пороге новой формы коллективизма, то кто поможет ей пробить себе дорогу. Кто станет субъектом движения к такому единству?

Нам говорят, что крушение СССР — это крушение идей коммунизма и социализма. Но даже варвары, разрушив Римскую империю, были вынуждены опираться на классические достижения античности и позднего римского общества, а не на свои варварские отношения. А сама Римская империя, подобно СССР, распалась не потому, что была *хуже* остального мира, а потому что *исчерпала* исторический потенциал, заложенный в ее экономической и политической системе.

История развивается, конечно же, не по прямой. И сегодняшнее поражение неизбежно обернется завтрашней победой. А то, что было «наработано» в советскую эпоху, станет заделом в деле преодоления отчуждения между сущностью человека и его конкретно-историческим существованием. Такова, на мой взгляд, органичная связь между идеей социальной сущности человека в творчестве Э. Ильенкова и преодолением отчуждения в социалистической теории и практике.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Предисловие переводчика

Среди людей оказавших существенное влияние на развитие европейской философии XX в. Георг Лукач по праву занимает одно из первых мест. Исследователи истории философии находят его идеи в творчестве М. Хайдеггера и В. Бенямина, Ж.П. Сартра и М. Мерло-Понти, Т.В. Адорно и М. Хоркхаймера и многих других¹. Причина такого обширного и мощного духовного воздействия — в глубоком и многогранном характере идейного наследия философа. Однако сколь бы ни было разносторонним это наследие, те, кто изучает творчество Г. Лукача практически единодушны в том, что по мощи и богатству мысли его сборник-эссе «История и классовое сознание», изданный в 1923 году, занимает здесь бесспорно первое место.

Так, Т. Рокмор утверждает, что «История и классовое сознание» — это «один из самых важных текстов марксистской традиции. И со строгой философской точки зрения... это единственный существенный вклад в философию марксизма со времен Маркса»². Эту книгу называют одним из «священных писаний» европейской интеллигенции поколения 1968 г.³ Один из наиболее известных современных исследователей творчества Г. Лукача В. Юнг пишет: ««История и классовое сознание» это что-то вроде «foundation text» западного марксизма и самых различных видов неомарксизма»⁴.

На этом фоне представляется невероятным тот факт, что «История и классовое сознание» не только практически не была исследована российскими, а еще раньше советскими философами, но она даже не была переведена полностью на русский язык. А перевод центрального фраг-

¹ Vgl. Dannemann Ruediger. Georg Lukacs zur Einfuehrung. – Hamburg: Junius, 1997, S. 101-121.

² Цит. по: Werner Jung. Georg Lukacs. – Stuttgart, 1989; S. 95.

³ См. F. Cerutti u.a., Geschichte und Klassenbewusstsein heute. Diskussion und Dokumentation, Schwarze Reihe, Nr. 12, Amsterdam 1971.

⁴ Werner Jung. Georg Lukacs. – Stuttgart, 1989; S. 95.

мента этой работы¹ выполнен настолько неудачно, что текстуальные ошибки граничат с сознательным искажением смысла. Совсем недавно появился перевод Предисловия Г. Лукача к изданию «Истории и классового сознания» 1967 года².

Хочется выразить надежду, что предлагаемый перевод еще одного фрагмента этой работы приблизит читателя к пониманию философии Г. Лукача.

Василий Пшенников
7.01.02.

Георг Лукач

Роза Люксембург как марксист
(фрагмент работы «История и классовое сознание»)

Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т.е. то историческое движение, которое их порождает

К. Маркс. Нищета философии

Не преобладание экономических мотивов в толковании истории решительным образом отличает марксизм от буржуазной науки, а точка зрения тотальности. Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частями, есть сущность метода, который Маркс перенял у Гегеля и оригинально преобразовал в основу совершенно новой науки. Капиталистическое отделение производителя от совокупного процесса производства, расчленение рабочего процесса на части, которое оставляет без внимания человеческое своеобразие рабочего, атомизация общества на беспорядочно и бессвязно, бесцельно производящих индивидов и т.д. должно также оказывать глубокое влияние и на мышление, науку и философию капитализма. И глубокая революционность пролетарской науки состоит не только в том, что она противопоставляет буржуазному обществу революционное содержание, но в самую первую очередь — в революционной сущности самого

¹ См. Георг Лукач. Материализация и пролетарское сознание / Вестник Социалистической Академии, 1924, № 4-6.

² См. Солодков Г.П. Позитивизм и диалектика у входа в XXI век. Ростов-на-Дону, 2000, С.340-360.

метода. *Господство категории тотальности есть носитель революционного принципа в науке.*

Этот революционный принцип гегелевской диалектики был — без ущерба для всего консервативного содержания Гегеля — многократно признан до Маркса, но так, что из этого признания не могла бы развиться революционная наука. Только у Маркса гегелевская диалектика стала, по словам Герцена, действительно «алгеброй революции». Таковой она стала, однако, не просто путем материалистического переворачивания. Скорее, в этом перевороте и через этот переворот революционный принцип гегелевской диалектики смог стать явным только потому, что сущность метода, точка зрения тотальности, рассмотрение всех частных явлений как моментов целого, диалектического процесса, схваченного как единство мысли и истории, была сохранена. Диалектический метод у Маркса рассчитан на познание общества как тотальности. В то время как буржуазная наука тем — методически необходимым и полезным в отдельных науках абстракциям, которые возникают, с одной стороны, вследствие объективного обособления исследовательского объекта, с другой — вследствие научного разделения труда и специализации, приписывает либо наивно-реалистически «действительность», либо «критически» — автономию, марксизм снимает эти обособления, возводя их в диалектические моменты и принижая их. Абстрагирующая изоляция элементов, как целой исследовательской области, так и отдельных комплексов проблем или понятий внутри исследовательской области, конечно неизбежна. Определяющим однако остается, является ли эта изоляция лишь средством познания целого, т. е. всегда подчинена соответствующей всеобщей связи, которую она рассматривает в качестве предпосылки и требования, или, отстаивая свою «автономию», абстрактное познание изолированных частичных областей остается самоцелью. Для марксизма, таким образом, в конечном счете, не существует самостоятельных правовой науки, национальной экономики, истории и т.д., но есть одна единственная и единая — исторически-диалектическая — наука о развитии общества как тотальности.

Однако точка зрения тотальности определяет не только предмет, но и субъект познания. Буржуазная наука рассматривает явления общества — сознательно или бессознательно, наивно или нарочито — всегда с точки зрения индивидуума¹. А с позиции индивидуума не может получиться тотальность, самое большее — аспекты частной области, но ча-

¹ То, что это не случайно, а следует из сущности буржуазного общества, Маркс убедительно доказал по отношению к экономическим робинзонадам. Zur Kritik der politischen Oekonomie, Einleitung MEW 13, S. 615 ff.

ше всего — фрагментарное: бессвязные «факты» или абстрактные частные законы. Тотальность предмета может быть понята только тогда, когда полагающий субъект сам является тотальностью; когда он поэтому чтобы помыслить себя, вынужден мыслить предмет как тотальность. Эту точку зрения тотальности как субъекта в современном обществе представляют собой единственно и одни только *классы*. Таким образом Маркс, рассматривая, особенно в «Капитале», каждую проблему с этой точки зрения, еще более решительно и продуктивно, хотя и реже понимаемый своими последователями, чем в вопросе «идеализма» и «материализма», исправил Гегеля, который еще колебался между «большим индивидуумом» и абстрактным народным духом.

Классическая экономия, и еще больше ее вульгаризаторы, всегда рассматривали капиталистическое развитие с позиций *единичного капиталиста* и поэтому впадали в неразрешимые противоречия и кажущиеся проблемы. В «Капитале» Маркс радикальным образом порывает с этим методом. Не будто бы он — в агитационных целях — каждый момент сразу и исключительно стал рассматривать с позиций пролетария. Из подобной односторонности могла бы получиться лишь новая вульгарная экономия с так называемыми обратными знаками. Напротив, рассматривая проблему капиталистического общества в целом как проблему составляющих его классов, он рассматривает капиталиста и пролетария как *целокупность*. В какой мере таким образом целая серия вопросов предстает в совершенно новом свете, как возникают новые проблемы, которые классическая экономия не в состоянии не только разглядеть, но и уж тем более решить, как многие из ее кажущихся проблем растворились в ничто, — исследование всего этого не может быть здесь нашей задачей, мы хотели бы указать лишь на методическую проблему. Здесь задача состоит только в том, чтобы точно указать на обе предпосылки истинного, а не играющего использования диалектического метода, как это было у эпигонов Гегеля, на требование тотальности как положенного предмета, так и полагающего субъекта.

2

В главной работе Розы Люксембург — «Накопление капитала» — после десятилетий вульгаризации марксизма проблема снова рассматривается с этих позиций. Это опошление марксизма, его поворот в буржуазно-«научное» русло нашли свое первое ясное и открытое выражение в «Предпосылках социализма» Бернштейна. Отнюдь не случайно, что та самая глава этой книги, которая начинается нападками на диалектический метод во имя точной «науки», оканчивается обвинением в бланкизме самого Маркса. Не случайно, так как в тот момент, когда происходит отказ от точки зрения тотальности, исходного пункта и

цели, предпосылки и требования диалектического метода; в тот момент, когда революция понимается не как момент процесса, а как изолированный, отделенный от общего развития акт, — тогда революционность Маркса должна казаться возвратом к примитивному периоду рабочего движения, к бланкизму. И с принципом революции, как следствием категориального господства тотальности, распадается вся система марксизма. Бернштейновская критика как оппортунизм слишком оппортунистична, чтобы в этом отношении были выявлены все ее претензии¹.

Но диалектический ход истории, который оппортунисты прежде всего стремились изъять из марксизма, все же навязал им необходимые выводы. Экономическое развитие империалистического периода сделало все более невозможными кажущиеся нападки на капиталистическую систему, «научный» анализ ее — в интересах «объективной и точной науки» — изолированно рассматриваемых явлений. Необходимо было не только политически решиться, встать на сторону капитализма или против. Необходимо было также и теоретическое решение. И оно выглядело так: либо по-марксистски рассматривать всеобщее развитие общества как тотальность, но тогда теоретически и практически преодолеть феномен империализма, или уклониться от этой встречи, ограничиваясь специально-научным исследованием отдельных моментов. Монографическая точка зрения прочнейшим образом запирает горизонт перед проблемой, при виде которой приходит в ужас вся ставшая оппортунистической социал-демократия. Пока она находила «точные» описания в отдельных областях, «вне времени действующие законы» для отдельных случаев, размылось отделение империализма от предшествующего периода. Оказались в капитализме «вообще», наличие которого мыслилось им, как и Рикардо и его последователям — буржуазным вульгарным экономистам, все более соответствующим именно сущности человеческого разума, тем же «естественным законом».

Было бы не марксистской и не диалектичной постановкой вопроса, если бы мы стремились исследовать, практический оппортунизм стал причиной этого теоретического падения в методологию вульгарных экономистов или наоборот. К способу рассмотрения исторического материализма относятся обе тенденции: они образуют общественную среду довоенного состояния социал-демократического движения; среду, из которой единственно может быть понята борьба вокруг «Накопления капитала» Розы Люксембург.

¹ Впрочем это добавляет и сам Бернштейн: «Считаясь с агитационными потребностями партии», говорит он, «сейчас я фактически не всегда делал последние выводы из своих критических предложений». *Voraussetzungen*, IX. Ausgabe, 260.

Так как дебаты, которые вели Бауэр, Экштейн и т.д., вращались не вокруг вопроса о том, верно или неверно объективно решение проблемы накопления капитала, которое предложила Роза Люксембург. Напротив, спорили о том, имеется ли здесь вообще проблема и оспаривали с крайней резкостью наличие действительной проблемы. С методической точки зрения вульгарной экономии это вполне понятно, даже необходимо. Так как, если, с одной стороны, обходиться с вопросом накопления капитала как с отдельной проблемой национальной экономики, а с другой — рассматривать ее с точки зрения отдельного капиталиста, то здесь действительно никакой проблемы не будет¹.

Это отклонение целой проблемы тесно связано с тем, что критики Розы Люксембург незаметно прошли мимо решающего отрывка книги («Исторические условия накопления») и настойчиво ставили вопрос в такой форме: правильны ли формулы Маркса, которые покоятся на методологически изолированном предположении об обществе, состоящем лишь из капиталистов и пролетариев, и как их можно лучше всего истолковать. То, что это предположение у самого Маркса было лишь методологическим, чтобы яснее схватить проблему, от которого однако должен быть сделан шаг к всеохватывающей постановке вопроса, к постановке вопроса в плане тотальности общества, критики целиком просмотрели. Они просмотрели, что по отношению к вопросу о так называемом первоначальном накоплении капитала Маркс сам сделал этот шаг в первом томе «Капитала»; они — осознанно или неосознанно — умолчали о том, что весь «Капитал» как раз по отношению к этому вопросу и является фрагментом, который обрывается именно там, где эта проблема должна быть развернута; что, соответственно этому, Роза Люксембург сделала не что иное, как додумала до конца фрагмент из Маркса в его смысле, и дополнила его соответственно его духу.

Но они все-таки поступили целиком последовательно. Ибо с точки зрения единичного капиталиста, с точки зрения вульгарной экономики эта проблема фактически не должна ставиться. С позиций отдельного капиталиста экономическая действительность оказывается миром, над которым господствуют вечные законы природы, миром, чьим законам он подчинил все свое поведение. Реализация прибавочной стоимости, накопление протекает для него (во всяком случае даже здесь только очень часто, однако вовсе не всегда) в форме обмена с другим отдельным капиталистом. И вся проблема накопления также является лишь проблемой формы многочисленных превращений, которые принимают в процессе производства, обращения и т.д. формулы Т-Д-Т и Д-Т-

¹ В своей антикритике Роза Люксембург неопровержимо доказывает это особенно своему серьезнейшему критику Отто Бауэру, 66ff.

Д. Так вопрос накопления становится для вульгарной экономики специально-научным детальным вопросом, совершенно не соединяющимся с судьбой совокупного капитализма, с вопросом, решение которого достаточным образом гарантирует правильность Марксовых «формул», которые в лучшем случае — как у Отто Бауэра — должны улучшаться «соответственно времени». То, что экономическая действительность принципиально не может быть постигнута при помощи этих формул, так как предпосылкой этих формул является абстракция от этой всеобщей действительности (рассмотрение общества в предположении, будто оно состоит лишь из капиталистов и пролетариев), что, стало быть, эти формулы могут служить лишь для разъяснения проблемы, лишь трамплином для постановки проблемы, Бауэр и его товарищи постигли так же мало, как в свое время ученики Рикардо — марксистскую постановку этих вопросов.

«Накопление капитала» снова воспроизводит метод и постановку вопроса молодого Маркса, «Нищеты философии». Так же, как там анализируются исторические условия, которые сделали возможной и действительной экономику Рикардо, так и здесь применяется тот же метод к фрагментарным исследованиям из II и III томов «Капитала». Буржуазные экономисты, как идеологические представители поднимающегося капитализма, должны были отождествить открытые Смитом-Рикардо «естественные законы» с общественной действительностью, чтобы найти в капиталистическом обществе единственно возможное, соответствующее человеческой «природе» и разуму, общество. Так же и социал-демократия должна была, как идеологическое выражение той, ставшей мелкобуржуазной рабочей аристократии, которая была заинтересована в империалистической эксплуатации всего мира во время последней фазы капитализма, однако все же пыталась избежать своей необходимой судьбы, мировой войны, так понять развитие, будто бы капиталистическое накопление могло происходить в том самом безвоздушном пространстве математических формул (стало быть без проблем, стало быть без мировой войны). Таким образом они оказывались в отношении политического понимания и предвидения далеко позади тех заинтересованных крупнобуржуазных капиталистических слоев, которые заинтересованы в империалистической эксплуатации со всеми ее военными последствиями. Но вследствие этого они уже тогда могли теоретически получить их сегодняшнюю должность: быть стражами вечной прочности капиталистического экономического порядка, стражами от роковых катастрофических последствий, до которых пророчески слепо доводят те самые истинные выдающиеся представители империалистического капитализма. Точно так же, как отождествление рикардовских «естественных законов» с общественной действительностью

стью было идеологической самозащитой поднимающегося капитализма, интерпретация Маркса австрийской школой, ее отождествление Марксовых абстракций с тотальностью общества есть самозащита «рациональности» гибнущего капитализма. И точно так же, как рассмотрение тотальности молодым Марксом ярко осветило *facies hippocratica* тогда еще цветущего капитализма, так и последний цветок капитализма в рассмотрении Розы Люксембург, путем включения его основных проблем в тотальность исторического процесса, получает характер страшного танца смерти, эдипова пути наперекор неизбежной судьбе.

3

Опровержению «марксистской» вульгарной экономики Роза Люксембург посвятила особую, вышедшую после ее смерти брошюру. Это опровержение, однако, могло бы найти свое подходящее, как в изобразительном, так и методическом отношении, место в конце второго отдела «Накопления капитала», как четвертая кампания в обсуждении этого вопроса жизни и смерти капиталистического развития. Ведь изобразительное своеобразие этой книги заключается в том, что она в преобладающей части посвящена проблемно-историческим исследованиям. Не только потому, что Марксов анализ простого и расширенного воспроизводства сам образует исходный пункт исследования вообще и начало окончательной, реальной разработки проблемы. Ядром книги является, так сказать, литературно-историческое препарирование больших дебатов по вопросу накопления: дебатов Сисмонди с Рикардо и его школой, Родбертуса с Кирхманом, народников с русскими марксистами.

Но даже при этом способе изложения Роза Люксембург не стоит вне марксистской традиции. Скорее ее способ композиции означает также возврат к оригинальному, неподдельному марксизму: к способу изложения самого Маркса. Так как его первое зрелое, полное и завершенное произведение «Нищета философии» опровергает Прудона таким образом, что восходит к действительным истокам его воззрений, к Рикардо — с одной стороны и к Гегелю — с другой. Анализ того, где, как и прежде всего почему Прудон *должен был* ложно понять Рикардо и Гегеля, есть источник света, который не только безжалостно освещает собственные противоречия Прудона, но и проникает в темные, ему самому не известные причины, из которых проистекают его заблуждения: в классовые отношения, теоретическим выражением которых являются его воззрения. Так как «экономические категории есть лишь теоретические выражения, абстракции общественных производствен-

ных отношений», говорит Маркс¹. И если его главная теоретическая работа из-за объема и полноты рассматриваемой там отдельной проблемы лишь частично допускала этот вид проблемно-исторического изложения, то это не должно прикрывать *объективное сходство разработки проблемы*. «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости» являются по сути дела одним произведением, внутренняя структура которого означает содержательное разрешение проблемы, блестяще и изобразительно щедро обрисованной и поставленной в «Нищете философии».

Эта внутренняя форма постановки проблемы снова возвращает нас к центральной проблеме диалектического метода, к правильно понятой господствующей позиции категории тотальности и, вместе с этим, к гегелевской философии. Философский метод Гегеля, который всегда — в особенности характерным образом в «Феноменологии Духа» — был одновременно историей философии и философией истории, в этом существенном пункте никогда не отбрасывался Марксом. Ибо гегелевское — диалектическое — отождествление мышления и бытия, понимание их единства как единства и тотальности одного процесса, образует также сущность философии истории исторического материализма. Сама материалистическая полемика против «идеологического» понимания истории больше направлена против эпигонов Гегеля, чем против самого мастера, который в этом отношении был много ближе Марксу, чем тот мог некоторое время думать в борьбе против «идеалистического» окостенения диалектического метода. Ибо «абсолютный» идеализм эпигонов Гегеля означает распад изначальной тотальности системы², отсечение диалектики от живой истории и таким образом — в конце концов — уничтожение диалектического единства мышления и бытия. Но в догматическом материализме эпигонов Маркса повторяется то же самое: распад конкретной тотальности исторической действительности. Даже если их метод и не вырождается в пустую мыслительную схему, как у эпигонов Гегеля, то он костенеет в механистической отдельно-научной вульгарной экономике. Если те из-за этого потеряли способность схватить исторические события своими чисто идеологическими конструкциями, то эти оказываются также не способными постичь как взаимосвязь так называемых «идеологических» форм обще-

¹ Elend der Philosophie, MEW 4, S. 130.

² Об отношении Гегеля к его последователям vgl. прекрасная статья гегельянца Лассаля: «Die Hegelsche und die Rosenkranzsche Logik», Werke. Cassirer, Bd.VI. Насколько сам Гегель ведет свою систему к неверным решениям и глубоко исправляется и решительно продолжается здесь Марксом, vgl. den Aufsatz: «Was ist orthodoxer Marxismus?»

ства с их экономическими основаниями, так и саму экономику как тотальность, как общественную действительность.

Для диалектического метода речь идет — что он всегда разрабатывает — всегда об одной и той же проблеме: о познании тотальности исторического процесса. Поэтому «идеологические» и «экономические» проблемы теряют для него свою взаимную застывшую чуждость и сливаются. *Проблема истории становится по сути дела историей проблемы.* Литературное, научное выражение проблемы является выражением общественной целостности, выражением ее возможностей, границ и проблем. Тем самым литературно-историческое рассмотрение проблемы может чистейшим образом выразить проблематику исторического процесса. История философии становится философией истории.

Поэтому вовсе не является случайностью, что оба основные произведения, с которых начинается теоретическое возрождение марксизма, «Накопление капитала» Розы Люксембург и ленинское «Государство и революция», также и по форме изложения возвращаются к молодому Марксу. Чтобы диалектически восстановить перед нашими глазами объективную проблему своих произведений, они дают в известной степени литературно-историческое изложение становления их проблем. И в то время как они анализируют то изменение и тот перелом тех воззрений, которые предшествуют их постановке проблемы, в то время как они рассматривают каждый такой этап мыслительного разъяснения или путаницы в историческом единстве их причин и следствий, они таким образом дают возможность, в иначе не достижимой жизненности, возникновения *самого исторического процесса*, чьим плодом в реальности являются их собственные постановка и решение проблемы. Нет большего различия, чем различие между этим методом и «принятием во внимание предшественников» в буржуазной науке (к приверженцам которого относятся также социал-демократические теоретики). Так как, в то время как она проводит методическое различие между теорией и историей, в то время как она принципиально-методически обособляет друг от друга отдельные проблемы, и, следовательно, включает проблему тотальности из соображений точной научности, то история проблем становится фактическим и литературным балластом для самой проблемы; чем-то, что может быть интересным лишь для специалистов, чья безграничная растяжимость все более скрывает истинный смысл действительных проблем и успешно питает пустой профессионализм.

Вследствие этой связи с изобразительно-методологическими традициями Маркса и Гегеля история проблем Ленина становится внутренней историей европейских революций XIX в.; а литературно-

историческое изложение Розы Люксембург вырастает в историю борьбы за возможность существования и распространения капиталистической системы. Первые большие потрясения еще не развитого, поднимющегося капитализма, большие кризисы 1815 и 1818/19 начинаются с борьбы в форме «Nouveaux Principes d'Economie Politique» Сисмонди. Речь идет о первом — по целям реакционном — познании проблематики капитализма. Неразвитая форма капитализма идеологически отражается в таких же односторонних и ложных точках зрения его противников. Когда реакционный скепсис Сисмонди усмотрел в кризисах знак невозможности накопления, еще нерушимый оптимизм выразителей нового производственного порядка отрицал необходимость кризисов, наличие такой проблематики вообще. В конце концов социальное расслоение спрашивающих и общественное значение их ответов почти совершенно перевернулись: это уже стало темой — если даже еще долгое время недостаточно осознанно — судьбы революции, гибели капитализма. То, что Марксов анализ теоретически решающе повлиял на это изменение значения, есть свидетельство того, что и идеологическое руководство буржуазии обществом начинает все больше ускользать из ее рук. Но когда здесь, в теоретической позиции народников, открыто проявляется их мелкобуржуазно-реакционная сущность, интересно наблюдать, как «марксисты» России все сильнее становятся идеологическими поборниками капиталистического развития. Они становятся идеологическими наследниками социального оптимизма Сэя, МакКуллоха и т.д. в отношении возможностей развития капитализма. ««Легальные» русские марксисты, — говорит Роза Люксембург¹, — без сомнения выиграли у своих противников, «народников», но они слишком много выиграли... Речь шла о том, способен ли капитализм вообще, и в России в особенности, к развитию, и упомянутые марксисты так основательно показали эту способность, что они даже теоретически доказали возможность вечности капитализма. Ясно, что если принимается безграничное накопление капитала, то также доказывается безграничная жизнеспособность капитала... Если капиталистический способ производства в состоянии безгранично обеспечивать рост производительных сил, экономический прогресс, тогда он непреодолим.»

Здесь начинается четвертая и последняя кампания по проблеме накопления, кампания Отто Бауэра против Розы Люксембург. Вопрос социального оптимизма пережил новое функциональное изменение. Сомнение в возможности накопления снимает у Розы Люксембург свою абсолютистскую форму. Оно становится *историческим* вопросом усло-

¹ Akkumulation des Kapitals, 296. I. Auflage.

вий накопления и вместе с этим уверенностью, что безграничное накопление невозможно. Накопление становится, в силу того, что оно рассматривается в своей общественной среде как целое, диалектичным. Оно вырастает в диалектику всей капиталистической системы. «В том моменте, — говорит Роза Люксембург¹, — где марксова схема расширенного воспроизводства соответствует действительности, она указывает выход, исторические границы движения накопления, следовательно, конец капиталистического производства. Невозможность накопления означает невозможность дальнейшего развития производительных сил по-капиталистически и вместе с тем объективную историческую необходимость гибели капитализма. Отсюда получается полное противоречий движение последней, империалистической фазы, как завершающего периода в историческом пути капитала.» В то время как сомнение вырастает в диалектическую уверенность, оно бесследно оставляет позади все мелкобуржуазно-реакционное своего прошлого: *оно становится оптимизмом, теоретической уверенностью в грядущей социальной революции.*

Это же функциональное изменение придает противоположной точке зрения, согласно с безграничным накоплением мелкобуржуазно-колеблющийся, робкий и сомневающийся характер. Согласно Отто Бауэра не хватает солнечного и безмятежного оптимизма каких-нибудь Сэя или Туган-Барановского. Бауэр и его идейные товарищи являются, даже с марксистской терминологией, по сути своей теории прудонистами. Их попытки решить проблему накопления, точнее говоря, не признавать ее как проблему, в конечном счете сводятся к стараниям Прудона, беречь «хорошие стороны» капиталистического развития и при этом избегать его «плохих сторон»². Признание вопроса накопления означает, однако, признание того, что эти «плохие стороны» неразрывно связаны с внутренней сущностью капитализма; вследствие этого оно означает, что империализм, мировая война и мировая революция должны быть поняты как необходимости развития. Это противоречит, однако, как уже было отмечено, непосредственным интересам тех слов, чьими идеологическими представителями стали марксисты центра: которые желают иметь высокоразвитый капитализм без империалистических «перегибов», «упорядоченное» производство без «помех» войны и т.д. «Эта концепция, — говорит Роза Люксембург³, — метит на то, чтобы убедить буржуазию, что империализм и милитаризм вредны с

¹ Ebd. 393.

² Elend der Philosophie, MEW 4, S. 131-133.

³ Antikritik, 118. [Цит. по Люксембург Р. Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (антикритика). Пер Ш. Дволайцкого, М., 1922. С. 106]

точки зрения ее собственных капиталистических интересов, — чтобы тем самым изолировать воображаемую кучку людей, извлекающих прибыль из империализма, и таким путем образовать блок пролетариата с широкими слоями буржуазии с целью «умерить» империализм... «лишить его жала»! Как либерализм на закате дней своих апеллировал от малопросвещенной к более просвещенной монархии, так «марксистский центр» хочет апеллировать от буржуазии, которая не поддается советам, к буржуазии, поддающейся внушению»¹. Бауэр и его товарищи как экономически, так и идеологически капитулировали перед капитализмом. Эта их капитуляция выражается теоретически в их экономическом фатализме, в их вере в вечную, обусловленную «естественным законом» жизнь капитализма. Но так как они — как истинные мелкие буржуа — являются лишь идеологическим и экономическим придатком капитализма, так как их желание — иметь капитализм без «плохих сторон», без «перегибов», они в то же время стоят в — опять истинно мелкобуржуазной — «оппозиции» к капитализму: в *этической* оппозиции.

4

Экономический фатализм и новое этическое обоснование социализма тесно связаны друг с другом. Не случайно мы находим их снова равным образом у Бернштейна, Туган-Барановского и Отто Бауэра. При том не только из необходимости искать и найти субъективный заместитель закрывающему самого себя, объективному пути к революции, сколько как методическое следствие вульгарно-экономического способа рассмотрения: как следствие методологического индивидуализма. Новое «этическое» обоснование социализма есть субъективная сторона отсутствующей, единственно способной на обобщение категории тотальности. Для индивидуума — частный ли это капиталист или частный пролетарий — окружающий мир, его общественная среда (как и ее теоретическое отражение и проекция: природа), должен казаться жестоким и бессмысленно роковым, вечно ему чуждым. Этот мир может быть им постигнут лишь в том случае, если он принимает в теории форму «вечных законов природы», то есть, если он получает чуждую человеку, не поддающуюся влиянию деятельных возможностей индивидуума и не проницаемую рациональность; если человек относится к нему чисто созерцательно, фаталистически. Возможность действия в этом мире предполагает только два пути, которые, однако, оба являют-

¹ Цит. по Люксембург Р. Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (антикритика). Пер Ш. Дволайцкого, М., 1922. С. 106.

ся лишь кажущимися путями действия, изменения мира. Во-первых, использование вышеупомянутым образом познанных, фаталистически принятых, неизменных «законов» для определенных человеческих целей (например, техника). Во-вторых, как чисто внутренне ориентированное действие, как попытка осуществить изменение мира в единственно оставшейся, оставшейся свободной точке мира, в самом человеке (этика). Но так как механизация мира необходимо вместе с тем механизует его субъекта, человека, то эта этика тоже остается абстрактной, в противоположность тотальности даже изолированного от мира человека, лишь нормативной и не действительно активной, предметобразующей. Она остается голым долженствованием; она имеет характер голого требования. Методическая взаимосвязь кантовской «Критики чистого разума» и его «Критики практического разума» необходима и неизбежна. И каждый «марксист», который при рассмотрении общественно-экономической действительности отказался от тотального рассмотрения исторического процесса, от метода Гегеля-Маркса, чтобы приблизиться каким-нибудь образом к отдельно-научному, неисторическому, ищущему «законы» методу «критического» рассмотрения, должен — как только он поднимает проблему действия — возвращаться к абстрактной этике долга кантовской школы.

Таким образом разрыв тотального рассмотрения разрывает и *единство теории и практики*. Деятельность, практика — требование чего Маркс поставил во главу угла своими тезисами о Фейербахе - это в сущности проникновение в действительность, преобразование действительности. Действительность однако может быть схвачена и преодолена лишь как тотальность, и к этому преодолению способен лишь тот субъект, который сам есть тотальность. Не напрасно молодой Гегель¹ в качестве первого требования своей философии выдвигает фразу о том, что «истина должна быть схвачена и выражена не только как субстанция, но и как субъект». Таким образом он вскрыл глубочайшую ошибку, последнюю преграду классической немецкой философии, вот только действительное осуществление его требования не удалось даже его собственной философии; она различным образом оставалась в тех же рамках, которые ограничивали его предшественников. Только Марксу удалось конкретное обнаружение этой «истины как субъекта» и создание тем самым единства теории и практики, так как он ограничил и сконцентрировал осуществление познанной тотальности на действительность исторического процесса и таким образом определил познаваемую и познающую тотальность. Научно-методическое превосходст-

¹ Phaenomenologie des Geistes. Vorrede.

во точки зрения класса (в противоположность точке зрения индивидуума) ясно уже из предшествующего. Теперь будет ясна и причина превосходства: *только класс может деятельно проникнуться общественной действительностью и изменить ее в ее тотальности*. Поэтому «критика», которая ведется с этой точки зрения, будучи рассмотрением тотальности, есть диалектическое единство теории и практики. Она есть, в неразрывном диалектическом единстве, одновременно основание и следствие, одновременно отражение и двигатель исторически-диалектического процесса. Пролетариат как субъект мышления общества разрубает одним ударом дилемму бессилия: дилемму фатализма чистых законов и этики чистого убеждения.

Итак, если для марксизма познание исторической обусловленности капитализма (проблема накопления) становится вопросом жизни, то оно становится таковым потому, что только в этой взаимосвязи, в единстве теории и практики, является как обоснованная необходимость социальной революции, тотального преобразования тотальности общества. Только в том случае, если сама познаваемость и познание этой взаимосвязи могут быть постигнуты как продукт процесса, круг диалектического метода — это его определение тоже принадлежит Гегелю — может замкнуться. Уже в своей ранней полемике с Бернштейном Роза Люксембург подчеркивает это существенное различие целого и частного, диалектического и механистического рассмотрения истории (будь оно оппортунистическим или путчистским). «Здесь лежит, — излагает она¹, — главное различие между бланкистскими государственными переворотами «решительного меньшинства», которое каждый раз выступает, как выстреливает из пистолета, и именно поэтому всегда несвоевременно, и завоеванием государственной власти большой и классово сознательной народной массой, которая сама может быть лишь продуктом начинающегося распада буржуазного общества, и поэтому в себе носит экономико-политическое узаконение ее своевременного появления». И в ее последнем сочинении сходным образом²: «Объективной тенденции капиталистического развития по направлению к указанной цели достаточно, чтобы уже гораздо раньше вызвать в обществе такого рода социальное и политическое обострение противоречий и такую шаткость положения, которые должны будут подготовить гибель господствующей системы. Но и эти социальные и политические противоречия в последнем счете сами являются лишь продуктом *экономической* несостоятельности капиталистической системы, и

¹ Socialreform oder Revolution? 47.

² Antikritik, 7, [Цит. по Люксембург Р. Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (антикритика). Пер Ш. Дволайцкого, М., 1922. С. 34-35].

их все возрастающее обострение черпается как раз из этого источника по мере того, как эта несостоятельность становится ощутительнее».

Пролетариат, таким образом, является одновременно и продуктом перманентного кризиса капитализма, и исполнителем тех тенденций, которые влекут капитализм к кризису. «Пролетариат, - говорит Маркс¹, - приводит в исполнение тот приговор, который выносит сама себе частная собственность путем создания пролетариата». Он действует, познавая свое положение. Он познает свое место в обществе, борясь с капитализмом.

Но классовое сознание пролетариата, истина процесса «как субъекта» менее всего являются стабильно неизменными или движимыми механистическими «законами». Это — сознание самого диалектического процесса: это — тоже диалектическое понятие. Ибо практическая, активная сторона классового сознания, его истинная сущность, может стать видимой в ее подлинном образе только тогда, когда исторический процесс настоятельно требует ее вступления в силу, когда острый кризис экономики вызывает ее к действию. Иначе она остается, соответственно постоянно скрытому кризису капитализма, теоретической и скрытой²: она, как «голое» сознание, как, по словам Розы Люксембург, «идеальная сумма», необходимо противостоит отдельным злободневным вопросам и ежедневной борьбе.

Однако в диалектическом единстве теории и практики, которое Маркс познал и сделал осознанным в освободительной борьбе пролетариата, не может быть голого сознания, ни в качестве «чистой» теории, ни в качестве голого требования, голого долженствования, голой нормы действия. Требование тоже имеет здесь свою действительность. Это означает, что то состояние исторического процесса, которое придает классовому сознанию пролетариата характер требования, «скрытый и теоретический» характер, должно принять образ соответствующей действительности и как таковое деятельно вмешаться в тотальность исторического процесса. Этим образом пролетарского классового сознания является *партия*. Не случайно, что именно та Роза Люксембург, которая раньше и яснее многих осознала спонтанный характер революционных массовых акций (где она, впрочем, подчеркнула лишь другой аспект тех ранее изложенных констатаций, согласно которым эти акции необходимо производятся необходимостью экономического процесса), также раньше многих других ясно поняла роль партии в революции³.

¹ Die heilige Familie, MEW 2, S. 37.

² Massenstreik, 2. Ausgabe 48.

³ О границах ее воззрений см. сочинения «Kritische Bemerkungen etc.» и «Methodisches zur Organisationsfrage». Здесь мы ограничиваемся изложением ее мнения.

Для механистических вульгаризаторов партия была лишь организационной формой, и массовое движение, революция — тоже лишь проблемой организации. Роза Люксембург рано осознала, что организация есть скорее следствие, чем предпосылка революционного процесса, так, что даже сам пролетариат может конституироваться в класс только в процессе и через процесс. В этом процессе, который партия не может ни вызвать, ни избежать, ей выпадает поэтому великая роль: *быть носительницей классового сознания пролетариата, совестью его исторической миссии*. В то время, как кажущийся и для поверхностного рассмотрения более активный и, наверное, даже более «реальный» подход, который преимущественно или исключительно отводит партии организационные задачи, вытесняется на позиции безоглядного фатализма в противоположность факту революции, представление Розы Люксембург становится истоком истинной, революционной активности. Если партия действует в соответствии с тем, «что вся сумма имеющейся в наличии и уже запущенной, вызванной к действию силы пролетариата реализуется в каждой фазе и каждом моменте борьбы и находит свое выражение в боевой позиции партии, что тактика социал-демократии по своей решимости и остроте никогда не стоит *ниже* уровня фактических классовых отношений, а напротив, опережает эти отношения»¹, тогда она преобразует свой характер требования в момент насущной революции в действующую действительность, растворяя в спонтанном массовом движении внутренне присущую ему истину, возвышая ее из экономической необходимости ее возникновения до свободы осознанного действия. И это преобразование требования в действительность становится рычагом подлинно соответствующей классовой природе, подлинно революционной организации пролетариата. Познание становится действием, теория лозунгом, масса, действующая соответственно лозунгу, все сильнее, осознаннее и непоколебимее вступает в ряды организованных передовых бойцов. Из верных лозунгов органически вырастают предпосылки и возможности также и технической организации борющегося пролетариата.

Классовое сознание есть «этика» пролетариата, единство его теории и его практики, тот пункт, где экономическая необходимость его освободительной борьбы диалектически превращается в свободу. Будучи признанной в качестве исторического образа и действующей носительницы классового сознания, партия вместе с тем становится носительницей этики борющегося пролетариата. Эта ее функция должна определять ее политику. Сколь бы ни была ее политика не согласована

¹ Massenstreik, 38.

с преходящей эмпирической действительностью, сколь бы ни оставались ее лозунги в такие моменты неисполненными, необходимый ход истории принесет ей не только удовлетворение, но и моральная сила верного классового сознания, верного, соответствующего классовой природе действия также – практически, реально политически — свои плоды¹.

Ибо сила партии в моральном: она питается доверием спонтанно-революционных масс, вынужденных к протесту экономическим развитием. Их чувством, что партия является объективацией их глубоко собственных, но все же им самим не полностью ясных сил, является видимой и организованной формой их классового сознания. Только когда партия завоевала и заслужила это доверие, она может стать вождем революции. Ибо только тогда спонтанное стремление масс будет двигаться со всей силой и все инстинктивнее в направлении партии, в направлении становления собственного сознания.

Оппортунисты через их разделение неразрывного сами себе закрыли это познание, действующее самопознание пролетариата. Поэтому их вожди язвительно говорят — в истинно мелкобуржуазно-вольнодумной манере — о «религиозной вере», которая-де лежит в основании большевизма, революционного марксизма. В этом обвинении кроется признание собственного бессилия. Этот пустой и разъедающий скепсис напрасно кутается в благородную мантию трезвой и объективной «научности». Каждое слово и каждая ужимка выдают в лучшем случае отчаяние, в худшем - внутреннюю пустоту, которая стоит за ними: полный отрыв от пролетариата, от его путей и от его предназначения. То, что они называют верой и стремятся дискредитировать словечком «религия», есть не больше и не меньше как уверенность в гибели капитализма, уверенность — в конечном счете — в победоносной пролетарской революции. Для этой уверенности не может быть «материальной» гарантии. Она нам гарантирована только методически — через диалектический метод. Но и эта гарантия может быть испытана и завоевана только через действие, через саму революцию, через жизнь и стремление к революции. Какому-нибудь марксисту кабинетно-ученой объективности это может дать столь же мало, сколь и «естественнозаконно» гарантированная неизбежность победы мировой революции.

Единство теории и практики состоит не только в теории, но также для практики. Так же как пролетариат как класс лишь в борьбе и действии может завоевать и удержать свое классовое сознание, возвыситься до уровня своей — объективно данной — исторической задачи, так же

¹ Vgl. die schoene Stelle in der Junius-Broschuere, Futurus-Verlag, 92.

и партия и отдельные борцы могут только тогда действительно овладеть своей теорией, когда они в состоянии внести это единство в свою практику. Так называемой религиозной верой здесь является не что иное, как методическая уверенность в том, что исторический процесс, несмотря на все временные поражения и неудачи, *в наших действиях, через наши действия* движется своим путем к концу. Для оппортунистов и здесь существует старая дилемма бессилия; они говорят: если коммунисты предвидят «поражение», то они должны либо воздержаться от всякого действия, либо они недобросовестные авантюристы, политики катастрофы и путчисты. В своей духовной и моральной неполноценности они не в состоянии, *усмотреть самих себя и мгновение своего действия как момент тотальности, процесса*: «поражение» как необходимый путь к победе.

Свидетельством единства теории и практики в деле всей жизни Розы Люксембург является то, что это единство победы и поражения, отдельной судьбы и всеобщего процесса стало путеводной нитью ее теории и образа жизни. Уже в ее первой полемике с Бернштейном¹ она представила необходимый «преждевременный» захват власти пролетариатом как неизбежный и разоблачила производное от этого, трясущееся перед этим неверие в революцию, «как политическую нелепость, которая исходит из механистического развития общества и имеет предпосылкой победы в классовой борьбе вне и независимо от классовой борьбы определенный момент». Эта лишенная всяких иллюзий уверенность ведет Розу Люксембург в ее борьбе за освобождение пролетариата: его экономическое и политическое освобождение из материальной кабалы в капитализме; его идеологическое освобождение из духовной кабалы в оппортунизме. Как великий духовный вождь пролетариата, она направляла свою борьбу против этого — тем более опасного, что тяжело победимого — врага. Ее смерть от рук самых действительных, самых злобных ее врагов, Шейдемана и Носке, есть поэтому закономерный венец ее мысли и жизни. И то, что она осталась с массами при теоретически много лет назад предсказанном, практически в момент действия ясно предвиденном поражении январского восстания и разделила их судьбу, есть такое же верное следствие единства теории и практики в ее действии, как и заслуженная смертельная вражда ее убийц, социал-демократических оппортунистов.

Январь 1921.

¹ Soziale Reform oder Revolution? 47 bis 48.

Об авторах

1. **Арсланов В.Г.** — доктор искусствоведения, к.ф.н., ведущий научный сотрудник НИИ Российской академии художеств (Москва);
2. **Бузгалин А.В.** — д.э.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Центра по изучению информационного общества при председателе Комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ (Москва);
3. **Королев В.А.** — к.ф.н., адвокат (Конаково)
4. **Лазуткин В.А.** — помощник депутата в Комитете по образованию и науке Государственной Думы РФ (Московская область);
5. **Майданский А.Д.** — д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики (Таганрог);
6. **Мареев С.Н.** — д.ф.н., профессор, ведущий научный сотрудник Современного гуманитарного университета (Москва);
7. **Никишин С. В.** — аспирант Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж)
8. **Попадюк Н.К.** — д.э.н., ведущий консультант компании ЮНИКОН (Москва);
9. **Солодков Г.П.** — д.э.н., профессор, директор Ростовского международного института экономики (Ростов-на-Дону);
10. **Сорокин А.А.** — к.ф.н., пенсионер (Москва);
11. **Пшениников В.В.-мл.** — студент исторического факультета Московского педагогического государственного университета (Москва);
12. **Пшениников В.В.-ст.** — к.и.н., ведущий инженер-эксперт Центра сертификации Московского института (технологического университета) стали и сплавов (Москва).